

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2021. № 9(153)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2021
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China).

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** Новогодние задачи российского образования

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 9 КАТАНАНДОВ С. Л., МЕЖЕВИЧ Н. М., СОЛОДИЛОВ В. В.**
«Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 18 ШМАТКО А. Д.**
Развитие отечественной промышленности как инструмент преодоления кризиса
- 31 ГАВРИЛИНА Д. Н., ОГАРЕВА А. С.**
Стратегическая оценка эффективности диверсификации отраслевого инвестиционного портфеля
- 45 АЛАБИНА Т. А.**
Роль концепции стратегирования В. Л. Квинта в экономических исследованиях стратегий и ее особенности
- 58 САСАЕВ Н. И.**
Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 69 ПОГОДИН С. Н., САБЛИНА М. А.**
Особенности развития современного финского феминистического движения
- 79 ГУРИЕВА С. Д., УДАВИХИНА У. А.**
Стратегии преодоления гендерного разрыва работающими женщинами (на примере российских организаций)
- 89 БАЙЕР Ю. П., ВАСИЛЬЕВА В. А., ВЕТРЕНКО И. А.**
Игровое моделирование политического пространства: анализ зарубежной литературы
- 112 БУ Р. Х.**
Туризм как инструмент сближения КНР с Российской Федерацией

A LINEA

- 121 ЧИСТЯКОВ А. В.**
Государственные награды как фактор активизации донорского движения в России

128 ШУЛЬЖЕНКО С. И.

Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на формирование института публичной собственности (часть 1)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**145 КАРНАУХ В. К.**

На пути к цифровому обществу. Рецензия на книгу Т. Сибела «Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху»

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** New Year's Tasks of Russian Education

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 9** **SERGEY L. KATANANDOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH, VICTOR V. SOLODILOV**
"Rural Agglomerations" and "Rural Associations of Settlements" —
Possible Directions for the Development of Local Self-Government
in the North-West of Russia

POWER AND ECONOMY

- 18** **ALEXEY D. SHMATKO**
Development of Domestic Industry as a Tool for Overcoming the Crisis
- 31** **DARIA N. GAVRILINA, ANNA S. OGAREVA**
Strategic Assessment of the Efficiency of Diversification of the Industry
Investment Portfolio
- 45** **TATIANA A. ALABINA**
The Role of the Concept of Strategizing by V. L. Kvint in Economic Research
of Strategies and its Features
- 58** **NIKITA I. SASAEV**
Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object

SOCIETY AND REFORMS

- 69** **SERGEY N. POGODIN, MARINA A. SABLINA**
Features of the Development of the Modern Finnish Feminist Movement
- 79** **SVETLANA D. GURIEVA, ULIANA A. UDAVIKHINA**
Strategies for Overcoming the Gender Gap by Working Women
(Case Study of Russian Organizations)
- 89** **JULIA P. BAYER, VALERIA A. VASILYEVA, INNA A. VETRENKO**
Game Modeling of the Political Space: Analysis of Foreign Literature
- 112** **RUSLAN Kh. BU**
Tourism as an Instrument of Rapprochement between
the PRC and the Russian Federation

A LINEA

- 121** **ALEXEY V. CHISTYAKOV**
State Awards as a Factor of Activation of the Donor Movement in Russia

128 STANISLAV I. SHULZHENKO

Constitutional Court's of the Russian Federation Impact on Public Property
(Part 1)

SCIENTIFIC LIFE**145 VLADIMIR K. KARNAUH**

Towards a Digital Society. Review of the book of T. Siebel «Digital
Transformation. Survive and Thrive in an Era of Mass Extinction»

Новогодние задачи российского образования

New Year's Tasks of Russian Education

У преподавателей российских вузов свой календарь. Новый год у нас начинается в сентябре, а заканчивается в июле. Он короче, но никак не менее содержателен, чем у других граждан Российской Федерации. В руках преподавателей, от молодого ассистента до пожилого академика, грозное оружие — знания. Проблема в том, что это «оружие» не передается на складе или даже на поле боя. Нужна вторая сторона — студенты. Смысл нашего существования — это передача тех знаний и компетенций, которыми мы обладаем. Из века в век это не было простой задачей.

Нельзя сказать, что Российская империя первого десятилетия XX в. была лидером по образованию для молодежи по меркам того времени. Разумеется, мы уступали многим европейским странам, однако этот разрыв не был критическим. Но после окончания Гражданской войны ситуация стала не просто

плохой, а страшной. Если какие-то общечеловеческие навыки передавались по принципу «от отца к сыну», «от матери к дочери», то уровень образования резко упал. Многие лидеры Советской России и Советского Союза могли похвастаться жизненным опытом, но далеко не все могли похвастаться качественным образованием. Прошли десятилетия. Гагарина в космос запускали те люди, которые не оканчивали Императорских университетов.

К сожалению, проблемы с качеством образования в 90-е годы появились вновь, а процесс избавления от них растянулся достаточно надолго, на десятилетия. В количественном отношении современная Россия проблемы образования решила, в качественном — еще очень много следует сделать. Президент и Правительство Российской Федерации предпринимают активные усилия в этом направлении. Но руку дающего еще надо взять. Это задача нашего Нового года. С сентября по июль.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

«Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России

Катанандов С. Л.¹, Межевич Н. М.^{2, 3, *}, Солодилов В. В.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Проблема повышения эффективности местного самоуправления в Российской Федерации отличается особой сложностью. Географические и исторические предпосылки работают против обеспечения экономической эффективности и пропорционального политического представительства. Концепции сельских агломераций и сельских ассоциаций населенных пунктов могут рассматриваться как поисковые направления в поисках решения проблемы «эффективность или равенство». Северо-Запад России может рассматриваться как эффективный полигон отработки новых управленческих подходов.

Ключевые слова: сельские агломерации, сельские ассоциации населенных пунктов, местное самоуправление, города, расселение, урбанизация, управление

Для цитирования: Катанандов С. Л., Межевич Н. М., Солодилов В. В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 9–17.

“Rural Agglomerations” and “Rural Associations of Settlements” — Possible Directions for the Development of Local Self-Government in the North-West of Russia

Sergey L. Katanandov¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, 3, *}, Victor V. Solodilov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

³Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The problem of improving the effectiveness of local self-government in the Russian Federation is particularly complex. Geographical and historical prerequisites work against economic efficiency and proportional political representation. The concepts of rural agglomerations and rural associations of human settlements can be considered as search directions in the search for a solution to the problem of “efficiency or equality”. The North-West of Russia can be considered as an effective training ground for the development of new management approaches.

Keywords: rural agglomerations, rural associations of settlements, local self-government, cities, settlement, urbanization, management

For citing: Katanandov S. L., Mezhevich N. M., Solodilov V. V. “Rural Agglomerations” and “Rural Associations of Settlements” — Possible Directions for the Development of Local Self-Government in the North-West of Russia // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 9–17.

Реформирование местного самоуправления представляет собой классическую управленческую задачу, неизбежно решаемую любым государством, где представлен этот уровень власти. При этом назвать эту задачу простой, легко решаемой, невозможно. Дилемма «эффективность или равенство», характерная для всей региональной политики, имеет свою проекцию и на этот уровень.

Специфика социально-экономического развития России продолжает определяться достаточно высокой долей негородского населения (около 30%), значением малых городов и уникальным развитием полугородского образа жизни [2]. За последние 100 лет Россия превратилась из аграрной в высокоразвитую индустриальную державу, а процесс урбанизации достиг таких масштабов, что структура городского и сельского населения к концу XX в. как бы перевернулась с ног на голову: в начале века в России было около 30% городского населения и 70% — сельского, а к концу века наоборот — 70% городского и 30% сельского [3, с. 57]. Понимание нетривиальности протекания процессов урбанизации в СССР привело к появлению уникального документа¹.

В дальнейшем была сделана попытка частично вернуться к той части советских практик, которые выдержали проверку временем. Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 апреля 1999 г. № 370 были приняты «Основные требования к разработке и согласованию Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и Основных положений Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации». Затем были предприняты еще несколько попыток. В любом случае «Основными идеями Генеральной схемы расселения были выявление опорного каркаса расселения страны и концепция взаимосвязанного расселения, предполагающая формирование групповых систем населенных мест на базе существующих городских агломераций» [6, с. 23]. Подчеркнем: города. Неравномерность системы расселения, отягощенная неоптимальной «нарезкой» муниципальных образований — признанный факт практически для каждого высокоурбанизированного общества с законодательно оформленной системой местного самоуправления. Для преодоления системного кризиса сельских территорий необходимо решение двух различных, хотя и взаимообусловленных, задач. Первая из них — формирование социально-экономических условий и предпосылок развития экономики, основанной на приоритете права на предпринимательскую деятельность. Постепенное становление экономики сельских территорий раскроет их действительный потенциал, обозначит вектор пространственного развития [5]. Теоретическая задача достаточно очевидна, проблема в практической реализации.

Процессы урбанизации в XXI в. изменили не только темп, но и направленность, во многом повторяя тенденции, которые ранее проявились в развитых странах. Вокруг крупных и средних городов со все большей скоростью начали формироваться системы расселения, имеющие определенное сходство с метрополитенскими ареалами в США. Как отмечал выдающийся российский экономико-географ Л. В. Смирнягин, специалист по географии США, «Знакомые западные процессы урбанизации на российской почве сильно преобразуются, что можно видеть, в частности, на примере субурбанизации, то есть освоения горожанами пригородной территории. У нас, в отличие от Запада, речь идет не о переселении в пригород, а о садовых участках и дачах, которыми обладает большинство жителей городов, то есть о втором доме, а не первом и единственном» [11, с. 59]. Отметим, что к границам подобных ареалов и примыкают собственно сельские системы расселения. Этот принцип характерен, например, для Петрозаводска, где

¹Основные положения Генеральной схемы расселения на территории СССР на период до 1990 г. и прогнозы развития систем расселения на период до 2000 г. М., 1975.

за относительно новым дачным ареалом существует традиционная разреженная система сельского расселения.

По расчетам одного из экспертов, в 2019 г. в России примерно 42% населения проживают в городах, насчитывающих свыше 250 тыс. жителей, и еще 17% проживают в зонах функционального влияния этих городов [9, с. 54]. Отметим, что для целей данной статьи особое значение имеет последняя цифра. Именно она показывает потенциал возможностей для сельских агломераций. Равным образом эти цифры говорят и о проблемах, диагностированных достаточно давно [7].

Существуют объективные предпосылки организации именно такой системы местных самоуправлений. Наличие значительного количества сельских поселений с низким уровнем постоянно проживающего населения объясняется тем, что при утверждении границ сельских поселений соблюдался принцип, установленный частью 1 статьи 11 Федерального закона № 131-ФЗ. Согласно закону, границы сельского поселения, в состав которого входят два и более населенных пункта, как правило, устанавливались с учетом пешеходной доступности до его административного центра и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в его состав. Как известно, в условиях бездорожья уже на расстоянии, превышающем 4 км, население в два раза реже обращается за медицинской помощью [13, с. 79]. Транспортная доступность радикально влияет на качество услуг. Советская и постсоветская инфраструктура (почта — магазин — банк — школа — фельдшерский пункт) свертывается и заменяется на дистанционное обслуживание во всех возможных случаях, вплоть до получения продуктов почтой и дистанционного медицинского обслуживания. Это означает и определенные управленческие издержки.

Причины указанного положения известны. В России больше половины муниципалитетов не имеют финансовой самостоятельности. Доходов не хватает даже для того, чтобы обеспечить зарплату своим чиновникам. Но, как отмечают губернаторы, местные самоуправления при этом не хотят объединяться с более эффективными соседями. «Объясняем, что укрупнение даст нам возможность решать вопросы в рамках региональных программ. Но нет, говорят, мы хотим быть самостоятельными, руководить. Так тогда ищите источники доходов, придите с проектами, предложениями. Но чаще ведь — ноль проектов, ноль предложений»¹. Объективности ради отметим, что в постсоветской практике это классическая ситуация [8; 15]. Проблемное ядро выявлено не только экономистами и географами, но и политологами: «Малое локальное сообщество с относительно гомогенным населением в принципе обладает высокой общностью интересов, и в его рамках мнение отдельных граждан довольно значимо. Однако встает вопрос об эффективности работы МСУ, обусловленный малым объемом ресурсов, которыми располагает такой муниципалитет. Скорее всего, мы не можем передать общине большой объем полномочий под самостоятельное финансирование, но тогда мы вынуждены либо отдавать их вышестоящим местным/региональным органам государственной власти... либо финансировать общины сверху...» [12, с. 18]. Но как выходить из данного положения в условиях закономерного дефицита финансовых ресурсов?

В этом контексте задавать вопрос экономистам и политологам бессмысленно. Перед нами управленческая проблема. Возможно, конструирование ассоциаций населенных пунктов и/или сельских агломераций — шаг в правильном направлении. Само понятие «сельская агломерация» еще долго будет вызывать вопросы. Тради-

¹ Прокладка между рулем и сидением: Александр Дрозденко о неэффективных руководителях на местах [Электронный ресурс]. URL: <https://online47.ru/2021/02/02/prokladka-mezhdurulem-i-sideniem-aleksandr-drozdhenko-o-neeffectivnykh-rukovoditelyakh-na-mestakh-124407> 13.04.2021.

ция, про которую уместно сказать — вековая, предлагает агломерации считать именно городскими [1; 10; 14]. При этом исследования влияния городов на прилегающие сельские территории, равно как и обратные процессы, характерны уже для первых классиков советской экономической географии [4]. Тем не менее сам понятийно-терминологический блок «городская агломерация» предполагает наличие не только городских, но и еще каких-то агломераций.

Практическим основанием для подготовки данной статьи стало Приложение № 11 к государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (дополнительно включено с 18 октября 2019 года постановлением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2019 года № 1332) с изменениями на 31 марта 2021 г., использующее понятия «сельские территории» и «сельские агломерации».

В данном приложении вводятся и определения этих понятий, которые цитируются ниже по тексту. «Сельские территории» — сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района; сельские населенные пункты, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации); сельские населенные пункты, входящие в состав внутригородских муниципальных образований г. Севастополя; рабочие поселки, наделенные статусом городских поселений; рабочие поселки, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации).

«Сельские агломерации» — сельские территории, а также поселки городского типа и малые города с численностью населения, постоянно проживающего на их территориях, не превышающей 30 тыс. человек. Перечень сельских агломераций на территории субъекта Российской Федерации определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации или уполномоченным органом. В указанное понятие не входят внутригородские муниципальные образования Москвы и Санкт-Петербурга.

Эти же понятия используются (со ссылкой на упомянутое приложение № 11) и в тексте приказа от 10 июня 2020 г. № 313 Минсельхоза России «Об утверждении порядка отбора проектов комплексного развития сельских территорий или сельских агломераций». Закономерно возникают вопросы по поводу такого официального применения термина «сельские агломерации». Выделим следующие ключевые моменты:

1. Данные официальные документы не предлагают никаких методологических оснований и методических установок для выявления, идентификации, а также для исследования формирования и развития таких «сельских агломераций». Поэтому не совсем понятно (а скорее, совсем пока не понятно): чем будут руководствоваться в своей весьма нетривиальной работе составители перечней таких «сельских агломераций»?
2. Как рабочие поселки, поселки городского типа и малые города с численностью населения, постоянно проживающего на их территориях, не превышающей 30 тыс. человек, могут образовывать «сельские агломерации»? И как тогда быть с остальными малыми (30–50 тыс. жителей), а также и средними (50–100 тыс. жителей) городами? Ведь все признанные научным сообществом критерии выделения городских агломераций исходят из того, что город-центр, центр — ядро городской агломерации должен иметь не менее 100 тыс. жителей. То есть что, эти вот малые и средние города должны участвовать в формировании, например, «сельско-городских агломераций»?

Даже самые «настоящие» по своей сути «сельские агломерации», в формировании которых не участвуют рабочие поселки, поселки городского типа и малые города, если отчетливо проявляется процесс их агломерирования, начинают неизбежно урбанизироваться. «Комплексное развитие сельских территорий или сельских агломераций» активизирует именно эти процессы, и они все менее и менее в процессе своего развития становятся «сельскими». Тем более быстро начинают урбанизироваться «сельские агломерации», которые формируются на основе развития входящих в их состав поселков городского типа и малых городов.

Введение в официальный и научный оборот такого понятия и термина, как «сельская агломерация», в определенном смысле оправдано, но, как представляется, требует уточнения и развития. Введение этого понятия базируется на общепринятых в науке представлениях о самоорганизации, самозамыкании территориальных структур, имманентной природе границ таких структур, соответствующих им таксонов.

Предлагаем использовать не только термин «сельские агломерации», но и понятийно-терминологический блок «ассоциации населенных пунктов», в число которых включим и «сельские ассоциации населенных пунктов».

Ниже приводим некоторые тезисы по поводу понимания этой темы, которую необходимо развивать, в том числе для целей совершенствования управления развитием территорий, в частности, и для целей совершенствования управления развитием преимущественно руральных территорий. Что должно со временем усовершенствоваться и соответствующие нормативные правовые документы.

Ассоциации населенных пунктов (АСНП) — особый тип систем расселения с центрами (ядрами), имеющими менее 100 тыс. жителей и объединяющими группу населенных пунктов (НП) с совместно используемыми ими межселенными территориями в единое, целостное, континуальное территориальное образование.

Важнейший территориально-структурный критерий для достаточно сформировавшихся АСНП — наличие ядра (ядер) и населенных пунктов — спутников этого ядра (этих ядер).

АСНП можно подразделять на виды, руководствуясь степенью урбанизации — рурализации их территорий, а также их размерной классификацией и другими критериями.

Можно таким образом выделять следующие виды АСНП: сельские, сельско-городские, полугородские и городские ассоциации населенных пунктов.

Так, для моноцентрических сельских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность ядра ассоциации должна быть не менее 3, но и не более 10 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 15 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее пяти НП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 40 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре агломерации, должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Для моноцентрических сельско-городских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- в составе ядра ассоциации должно быть не менее одного ГНП, людность ядра ассоциации должна быть не менее 10, но и не более 20 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 30 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее одного ГНП, а также не менее семи СНП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 50 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре ассоциации должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Соответственно, для моноцентрических полугородских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность ядра ассоциации должна быть не менее 20, но и более 50 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 50 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее трех ГНП, а также не менее девяти СНП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 60 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре ассоциации должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Для моноцентрических городских ассоциаций можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность ядра ассоциации должна быть не менее 50, но и более 100 тыс. человек;
- общая людность ассоциации не должна быть менее 150 тыс. человек;
- в зоне спутников ядра должно находиться не менее пяти ГНП, а также не менее двенадцати СНП, с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра в аспекте средневзвешенных затрат времени на транспортные передвижения для самых далеких периферийных НП не должна существенно превышать 70 минут;
- наличие значительных маятниковых трудовых, учебных, культурно-бытовых, деловых и рекреационных миграций в пределах ассоциации. Так, доля трудоспособного населения, проживающего в зоне спутников ядра ассоциации, но работающего в ядре ассоциации, должна быть не менее 15%;
- должны быть достаточно тесные, преобладающие связи для всех НП ассоциации по социально-бытовой и инженерно-технической инфраструктуре.

Для Северо-Запада России и Карелии большинство ориентиров достижимо, разумеется, если не брать зоны очагового расселения.

При идентификации всех обозначенных видов АСНП для выполнимости предложенных критериев идентификации, конечно, могут быть исключения, но необходимо обязательно при этом убедительно обосновывать применимость таких ис-

ключений. В общем, полностью формализовать такую работу невозможно, но в значительной степени ее систематизировать и сделать более убедительной, по мнению авторов, можно.

В связи с введением в научный оборот понятия и термина «ассоциация населенных пунктов», следует обсуждать, наряду с понятийным рядом «агломерация — агломерационный процесс — агломерационный эффект — агломерационная инфраструктура», понятийный ряд «ассоциация — ассоциационный процесс — ассоциационный эффект — ассоциационная инфраструктура».

Получается, что конкретная территория с ее населением, экономикой, инфраструктурным оснащением может участвовать одновременно, а в чем-то и параллельно, в развитии как агломерационных (экономических), так и ассоциационных (политических, управленческих) процессов.

Кроме того, важно осознавать, что тема формирования и развития АСНП есть только часть более общей, контекстной темы «сопряженное развитие структур городского и сельского расселения», которую необходимо обсуждать и разрабатывать. Далее отметим, что, хотя и есть уже отдельные, очень немногие и не во всем, удачные примеры обращения к этой теме в научных публикациях, проблему эту они пока точно не решают. Но анализировать такие публикации, отталкиваясь от них, базироваться в чем-то на них можно и, конечно, нужно.

С нашей точки зрения, одним из решений проблемы опустошения и обезлюдения российского села может стать создание и развитие сельских агломераций. Но оно тоже делает при этом акцент на процессе сближения и „сращивания“ в единый массив застроенной территории близко расположенных населенных пунктов.

Закключение. Постановка вопроса о реформировании местного самоуправления абсолютно логична. В соседних с Северо-Западом России Эстонии и Латвии за постсоветский период прошло три крупных реформы системы местного самоуправления. Это закономерно. Меняются экономические, политические, демографические условия — меняется система местного самоуправления. В этом контексте тезис о том, что система местного самоуправления единожды определена на века, представляется антинаучным.

Особенность российских подходов к местному самоуправлению связана с тем, что схема местного самоуправления для Карелии и Адыгеи, Псковской области и Красноярского края не может быть единой. Да, безусловно, существуют общие вызовы финансового и управленческого характера, но и различия весьма и весьма значительны.

Северо-Запад России, в свою очередь, крайне неоднороден. Петербургская агломерация по характеру хозяйственной освоенности вполне европейская, однако граничит с зоной тайги в прямом и переносном смысле. Российский Север — это не только Сибирь и Дальний Восток, но и вполне европейская Карелия в шести часах поездом от Петербурга и в 13-и от Москвы. При этом пред нами уже принципиально иная территория, с точки зрения возможностей для местного самоуправления. Концепция сельских агломераций и управленческая модель ассоциаций сельских населенных пунктов могут быть взаимодополняющими подходами к реформированию местного самоуправления Северо-Запада России и, в том числе, Карелии.

Литература

1. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред.-сост. П. М. Полян, А. И. Трейвиш, Т. Г. Нефедова. М. : ОГИ, ИГ РАН, 2001. 586 с

3. *Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевич М. Н.* Где живет советский человек: социальные проблемы управления расселением. М., 1988.
4. *Константинов О. А.* Опыт изучения влияния особенностей района на характер городских поселений // Труды института инженеров коммунального строительства. Л., 1934.
5. *Костяев А. И.* Сельские территории северо-западного российского приграничья: проблемы и пути развития // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 93–113.
6. *Лебединская Г. А.* К вопросу о применимости отечественных концепций взаимосвязанного расселения 1970–1980 годов в современных условиях // Градостроительство. 2012. № 3 (19). С. 23–28.
7. *Ляликов Н. И.* Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе // Вопросы географии. Сб. 5 : География населения. М. : Географгиз, 1947. С. 86–98.
8. *Межевич Н. М., Болотов Д. А.* Двойная периферия: феномен российско-белорусского пограничья // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1 (64). С. 117–122.
9. *Райсих А.* Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 54–96.
10. *Скутин В. А.* Городские агломерации как объект экономико-географического исследования // Размещение производительных сил Урала. Свердловск, 1979.
11. *Смирнягин Л. В.* Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. Т. 11, № 1. С. 56–71.
12. *Туровский Р. Ф.* Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30.
13. *Филина В. Н.* Транспортная стратегия России: основные принципы и приоритетные направления развития инфраструктуры // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2. С. 78–97.
14. *Фомин И. А.* Количественные признаки городских агломераций // Градостроительство. Районная планировка. Городские агломерации. Киев, 1968.
15. *Шамахов В. А., Кузнецов С. В., Межевич Н. М.* Реформирование местного самоуправления: опыт государств Прибалтики и его значение для России // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 10–19.

Об авторах:

Катанандов Сергей Леонидович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Специальный представитель Губернатора Санкт-Петербурга по вопросам развития государственного строительства и взаимодействия с субъектами Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент; katanandov-sl@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Солодилов Виктор Владимирович, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук; solodilov.55@mail.ru

References

1. Antonov E. V. Urban agglomerations: approaches to isolation and delimitation // Contours of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2020. V. 13. N 1. P. 180–202. (In rus).
2. City and village in European Russia: a hundred years of change / ed. P. M. Polyansky, A. I. Treivish, T. G. Nefedova. M.: OGI, IG RAS, 2001. 586 p. (In rus).
3. Dmitriev A. V., Lola A. M., Mezhevich M. N. Where the Soviet man lives: social problems of settlement management. M., 1988. (In rus).
4. Konstantinov O. A. Experience of studying the influence of the characteristics of the district on the nature of urban settlements // Proceedings of the Institute of Municipal Construction Engineers. L., 1934. (In rus).
5. Kostyaev A. I. Rural territories of the North-Western Russian border: problems and development paths // Baltic region [Baltiiskii region]. 2019. V. 11, N 4. P. 93–113. (In rus).

6. Lebedinskaya G.A. On the question of the applicability of domestic concepts of interconnected resettlement of 1970–1980 in modern conditions // Urban planning [Gradostroitel'stvo]. 2012. N 3 (19). P. 23–28. (In rus).
7. Lyalikov N.I. Some issues of population density in geographical literature // Questions of geography. V. 5: Geography of the population. M.: Geography, 1947. P. 86–98. (In rus).
8. Mezhevich N.M., Bolotov D.A. Double periphery: the phenomenon of the Russian-Belarusian border // Economics of the North-West: problems and development prospects [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2021. N 1 (64). P. 117–122. (In rus).
9. Raisih A. Defining the boundaries of urban agglomerations of Russia: creating a model and results // Demographic review [Demograficheskoe obozrenie]. 2020. V. 7, N 2. P. 54–96. (In rus).
10. Skutin V.A. Urban agglomerations as an object of economic and geographical research // Placement of the productive forces of the Urals. Sverdlovsk, 1979. (In rus).
11. Smirnyagin L.V. Difficult future of Russian cities // Pro et Contra. 2007. V. 11, N 1. P. 56–71. (In rus).
12. Turovsky R.F. Settlement as a subject of local politics: theoretical foundations of research // Political science [Politicheskaya nauka]. 2019. N 2. P. 13–30. (In rus).
13. Filina V.N. Transport Strategy of Russia: basic principles and priority areas of infrastructure development // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2005. N 2. P. 78–97. (In rus).
14. Fomin I.A. Quantitative signs of urban agglomerations // Urban planning. District layout. Urban agglomerations. Kiev, 1968. (In rus).
15. Shamakhov V.A., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M. Reforming local self-government: the experience of the Baltic States and its significance for Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 1. P. 10–19. (In rus).

About the authors:

Sergey L. Katanandov, Head of the Department of State and Municipal Management of the North-Western Institute of Management of the RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); Special Representative of the Governor of St. Petersburg on the development of State construction and interaction with subjects of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor; katanandov-sl@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Victor V. Solodilov, Senior Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Geography; solodilov.55@mail.ru

Развитие отечественной промышленности как инструмент преодоления кризиса

Шматко А. Д.

Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Shmat2000@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье обобщены результаты исследований и теоретико-методологические подходы в области антикризисного управления на промышленных предприятиях в условиях пандемии и выхода из нее. Произведен анализ оценки причин и факторов экономического кризиса. Показаны особенности современных институциональных изменений, заключающихся в уменьшении числа хозяйствующих субъектов, сопровождающиеся дефицитом высококвалифицированных кадров в промышленности. Рассмотрены альтернативные сценарии, которые могут быть применимы в послекризисном периоде. При рассмотрении таких сценариев доказывается необходимость учитывать фундаментальные причины, приводящие к кризису, а также причины, связанные с механизмом функционирования и мотивами поведения экономических агентов.

Ключевые слова: рецессия, пандемия, стратегия, антикризисное управление, цифровизация

Для цитирования: Шматко А. Д. Развитие отечественной промышленности как инструмент преодоления кризиса // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 18–30.

Development of Domestic Industry as a Tool for Overcoming the Crisis

Alexey D. Shmatko

Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; Shmat2000@yandex.ru

ABSTRACT

The author presents generalized results of the study and theoretical and methodological approaches in anti-crisis management in industrial companies during and after the pandemic. The assessment of the causes and factors of the economic crisis have been analyzed. The article depicts peculiar features of modern institutional transformations which involve decreasing number of business entities accompanied by a shortage of highly qualified labour force in the industry. The author examines alternative scenarios which can be applied during the post-crisis period. When considering these scenarios, he proves that it is essential to take into account fundamental causes of the crisis as well as the ones connected with the functioning mechanism and the motives of economic agents' behavior.

Keywords: recession, pandemic, strategy, anti-crisis management, digitalization

For citing: Shmatko A.D. Development of domestic industry as a tool for overcoming the crisis // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 18–30.

Введение

Несомненно, пандемия создала объективные предпосылки для кризисных изменений в промышленности в ряде стран. Некоторые из его участников в той или иной степени потеряли свои позиции. Такая ситуация, согласно теории, разработанной Майклом Портером [21], создает реальные возможности для освоения внутренних

рынков зарубежными поставщиками. Кризис и рецессия, затронувшая все страны, привела к усилению рациональной составляющей в поведении потребителей [15]. Системообразующим фактором этого направления стала их адаптация, прежде всего, к недостатку финансовых ресурсов.

Согласно теории Иностранного члена РАН В. Л. Квинта, «стратеги должны оптимизировать ограниченные ресурсы, используя фактор времени как детерминирующий» [9]. Ограниченность ресурсов, вероятно, повлияла на изменение структуры спроса. Однако нельзя игнорировать тот факт, что реакция потребителей также отразилась на переносе сроков покупки товара. Таким образом, внутренние рынки во многих странах приобрели потенциал для отложенного спроса [22]. Вынужденная изоляция предприятий и домашних хозяйств во время пандемии ускорила процессы цифровизации. Все это служит стимулом для предприятий, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, выходить на внешние рынки, т. е. расширять сферу международной торговли, при этом актуализируется задача разработки нового подхода к управлению логистикой дистрибуции товаров за рубежом, приоритеты которого в контексте тотальной тенденции цифровизации мировой экономики нуждаются в пересмотре [17]. Нуждается в пересмотре и концепция создания глобальных цепочек добавленной стоимости.

Особенности современного состояния отечественной промышленности

В. К. Сенчагов при проведении анализа и оценки причин и факторов экономического кризиса в экономической системе выделил фундаментальные причины, неминуемо приводящие к кризису, а также причины, связанные с механизмом функционирования и мотивами поведения экономических агентов [12]. Под фундаментальными В. К. Сенчагов понимает причины, связанные с сущностью экономической системы: капитал как функция отдалается от капитала собственности и может выступать как объект спекуляции и мошенничества. Причины, связанные с механизмом функционирования инструментов экономической системы и мотивами поведения экономических агентов, по мнению В. К. Сенчагова, связаны с высокой сложностью такого механизма функционирования, при которой даже минимальная налоговая нагрузка не гарантирует экономического роста страны. В табл. 1 [14] приводятся данные динамики роста в 2021 по сравнению с соответствующим периодом 2020 г. физического объема выпуска по базовым видам экономической деятельности.

По данным Росстата, индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в апреле 2021 по сравнению с соответствующим периодом 2020 вырос и составил 113,8, в январе-апреле 2021 г. — 103,6% [14].

Данные табл. 1 свидетельствуют об увеличении объема выпуска по базовым видам экономической деятельности начиная с марта 2021 при уменьшении числа хозяйствующих субъектов по состоянию на 1 апреля 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (табл. 2) [14].

Уменьшение числа хозяйствующих субъектов сопровождается дефицитом высококвалифицированных кадров в промышленности. А. И. Амосовым в [2] указывается на острый дефицит кадров для нового индустриального развития отечественного машиностроения, сельского хозяйства, энергетики, строительства и других отраслей, который не преодолен до сих пор. А. И. Амосов указывает, что даже при достаточном финансировании инновационного развития: выделении средств на НИОКР и на производство наукоемких изделий в оборонном машиностроении, невозможно найти специалистов для проведения НИОКР и квалифицированных рабочих для наукоемкого производства. В гражданском машиностроении ситуация складывается более критично, так как развивается при остром дефиците и кадров, и средств. Кадровый де-

**Динамика физического объема выпуска по базовым видам
экономической деятельности**

Table 1. Dynamics of the physical volume of output by basic types of economic activity

Период	В % к	
	соответствующему периоду предыдущего года	предыдущему периоду
2020 г.		
Январь	101,8	73,3
Февраль	104,7	102,0
Март	102,3	109,9
I квартал	102,8	79,8
Апрель	91,1	88,4
Январь-апрель	99,8	
Май	90,8	97,9
Июнь	93,5	108,3
II квартал	91,8	95,9
I полугодие	97,2	
Июль	95,8	107,4
Август	97,1	104,9
Сентябрь	98,2	108,8
III квартал	97,1	119,6
Январь-сентябрь	97,1	
Октябрь	95,5	98,3
Ноябрь	98,8	97,2
Декабрь	102,4	113,5
IV квартал	98,9	108,1
Год	97,6	
2021 г.		
Январь	98,8	70,7
Февраль	98,3	101,5
Март ¹⁾	103,5	115,6
I квартал*	100,3	80,9
Апрель	113,8	97,3
Январь-апрель	103,6	

*Данные изменены за счет уточнения динамики промышленного производства и оборота оптовой торговли.

Источник: [14].

фицит препятствует внедрению элементов инновационных технологий и цифровизации в стратегии антикризисного управления с учетом доступных ресурсов предприятия. В [20] проведен аналитический обзор публикаций, посвященных проблемам и перспективам цифровизации. Особое внимание авторами уделяется оценке направлен-

Число хозяйствующих субъектов по состоянию на 2020–2021 гг.

Table 2. The number of economic entities as of 2020–2021

Регион	Число организаций, единиц			Число индивидуальных предпринимателей, прошедших государственную регистрацию (перерегистрацию), на 1 апреля 2021 г.*, чел.
	на 1 апреля 2021 г.	справочно		
		на 1 апреля 2020 г.	на 1 января 2021 г.	
Российская Федерация	3 477 394	3 768 162	3 517 446	3 544 649
<i>Центральный федеральный округ</i>	1 187 090	1 315 093	1 201 916	1 030 331
Белгородская область	29 453	32 675	30 152	40 645
Брянская область	16 416	17 817	16 603	27 336
Владимирская область	27 086	29 458	27 527	34 420
Воронежская область	45 933	48 955	46 173	54 005
Ивановская область	25 726	27 595	25 839	23 472
Калужская область	22 769	23 780	23 046	29 269
Костромская область	13 418	14 042	13 428	14 360
Курская область	19 120	19 984	19 112	24 586
Липецкая область	19 658	20 031	19 704	26 165
Московская область	19 1423	205 503	19 2674	246 736
Орловская область	12 329	12 649	12 416	17 450
Рязанская область	23 626	25 909	24 274	26 210
Смоленская область	24 721	26 456	25 002	21 218
Тамбовская область	14 798	15 733	15 057	21 761
Тверская область	29 067	30 579	29 216	27 801
Тульская область	27 152	29 985	27 483	35 283
Ярославская область	33 787	35 878	33 752	26 645
г. Москва	610 608	698 064	620 458	332 969
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	431 108	482 508	436 205	369 675

Регион	Число организаций, единиц			Число индивидуальных предпринимателей, прошедших государственную регистрацию (перерегистрацию), на 1 апреля 2021 г.*, чел.
	на 1 апреля 2021 г.	справочно		
		на 1 апреля 2020 г.	на 1 января 2021 г.	
Республика Карелия	18 567	19 342	18 778	14 587
Республика Коми	15 292	16 497	15 563	17 327
Архангельская область	19 606	20 908	19 872	24 527
в том числе: Ненецкий авт. округ	934	974	936	1165
Архангельская область без авт. округа	18 672	19 934	18 936	23 362
Вологодская область	34 548	35 895	34 632	26 067
Калининградская область	35 968	41 171	36 405	29 160
Ленинградская область	32 485	33 388	32 606	48 528
Мурманская область	14 085	14 607	14 151	15 360
Новгородская область	11 688	12 521	11 763	13 650
Псковская область	11 945	13 170	12 050	12 796
г. Санкт-Петербург	236 924	275 009	240 385	167 673
<i>Южный федеральный округ</i>	285 468	302 693	288 329	502 994
Республика Адыгея	6296	6764	6332	13953
Республика Калмыкия	3726	3680	3676	8162
Республика Крым	31 331	32 055	31 370	64 242
Краснодарский край	110 107	116 613	111 280	202 199
Астраханская область	13 438	14 667	13 597	21 520
Волгоградская область	35 182	37 512	35 512	52 298

Регион	Число организаций, единиц			Число индивидуальных предпринимателей, прошедших государственную регистрацию (перерегистрацию), на 1 апреля 2021 г.*, чел.
	на 1 апреля 2021 г.	справочно		
		на 1 апреля 2020 г.	на 1 января 2021 г.	
Ростовская область	74 465	80 478	75 575	123 710
г. Севастополь	10 923	10 924	10 987	16 910
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	105 854	110 599	107 000	1657 48
Республика Дагестан	29 298	30 368	29 818	35 916
Республика Ингушетия	5323	5268	5256	3829
Кабардино-Балкарская Республика	10 099	11 224	10 015	15 897
Карачаево-Черкесская Республика	5956	6287	6007	9204
Республика Северная Осетия-Алания	9033	9278	9014	11 679
Чеченская Республика	9516	10 122	9515	14 397
Ставропольский край	36 629	38 052	37 375	74 826
<i>Приволжский федеральный округ</i>	626 981	664 988	634 503	620 517
Республика Башкортостан	76 306	78 880	77 126	76 593
Республика Марий Эл	11 115	11 544	11 148	12 259
Республика Мордовия	13 188	13 883	13 160	14 267
Республика Татарстан	105 676	109 628	106 423	86 976
Удмуртская Республика	33 436	35 131	33 816	32 656
Чувашская Республика	20 336	21 900	20 523	29 874
Пермский край	55 978	61 667	57 867	59 616

Регион	Число организаций, единиц			Число индивидуальных предпринимателей, прошедших государственную регистрацию (перерегистрацию), на 1 апреля 2021 г.*, чел.
	на 1 апреля 2021 г.	справочно		
		на 1 апреля 2020 г.	на 1 января 2021 г.	
Кировская область	28 069	29 912	28 564	27 550
Нижегородская область	77 291	82 119	78 321	69 958
Оренбургская область	30 177	33 047	30 655	38 558
Пензенская область	22 196	23 015	22 264	30 380
Самарская область	88 694	96 172	89 388	66 757
Саратовская область	41 106	42 893	41 465	48 914
Ульяновская область	23 413	25 197	23 783	26 159
<i>Уральский федеральный округ</i>	281 886	300 345	285 125	295 819
Курганская область	12 382	13 073	12 491	14 352
Свердловская область	118 842	126 160	119 138	110 031
Тюменская область	76 662	81 041	77 773	92 076
в том числе: Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	30 364	31 716	30 919	41 232
Ямало-Ненецкий авт. округ	8 567	9 015	8 728	13 626
Тюменская область без авт. округов	37 731	40 310	38 126	37 218
Челябинская область	74 000	80 071	75 723	79 360
<i>Сибирский федеральный округ</i>	370 661	395 753	373 969	363 470
Республика Алтай	4862	5004	4907	5694

Регион	Число организаций, единиц			Число индивидуальных предпринимателей, прошедших государственную регистрацию (перерегистрацию), на 1 апреля 2021 г.*, чел.
	на 1 апреля 2021 г.	справочно		
		на 1 апреля 2020 г.	на 1 января 2021 г.	
Республика Тыва	3537	3603	3524	6365
Республика Хакасия	7984	8 078	7950	11 821
Алтайский край	45 549	46 673	45 678	45 080
Красноярский край	61 308	66 361	61 807	62 637
Иркутская область	53 024	55 518	53 229	53 818
Кемеровская область	36 877	40 635	37 392	43 025
Новосибирская область	95 215	102 915	96 079	74 288
Омская область	36 774	39 780	37 195	38 330
Томская область	25 531	27 186	26 208	22 412
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	188 346	196 183	190 399	196 095
Республика Бурятия	20 107	19 388	20 303	18 403
Республика Саха (Якутия)	22 480	23 809	22 921	29 485
Забайкальский край	13 161	13 436	13 153	18 337
Камчатский край	9365	10 042	9518	9956
Приморский край	53 086	55 824	54 006	50 011
Хабаровский край	34 327	36 585	34 419	27 849
Амурская область	14 191	14 463	14 202	17 167
Магаданская область	4019	4187	4086	5086
Сахалинская область	14 067	14 749	14 213	15 853
Еврейская авт. область	2436	2602	2465	2797
Чукотский авт. округ	1107	1098	1113	1151

*В соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Источник: [14].

ности влияния цифровизации экономики на изменение логистических процессов на предприятиях различных отраслевых направлений и анализу практики использования информационных технологий в управлении логистикой [16; 18; 19]. Также под влиянием цифровизации происходит трансформация занятости населения [10].

Возможные сценарии посткризисного функционирования

В ряде источников [1; 5; 6; 13] предлагается ряд мер по антикризисному управлению промышленными предприятиями. В их числе находятся рекомендации по формированию системы экономических показателей предприятий с целью выявления кризисной ситуации на промышленных предприятиях, а также стадий кризиса. Также был предложен механизм антикризисного управления с учетом взаимосвязи всех систем управления и направлений деятельности предприятия. Предложена рейтинговая модель диагностики кризисного состояния предприятия, в основе которой лежит система качественных и количественных показателей фирмы. В этой рейтинговой модели существует возможность изменения веса коэффициентов и самих коэффициентов в зависимости от изменения факторов внутренней и внешней среды. Предложена модель логистической регрессии, с помощью которой можно определить вероятность потери устойчивости предприятия в условиях рыночной экономики и учесть особенности деятельности предприятия. Были также разработаны рекомендации по оптимизации менеджерских решений с целью финансового оздоровления предприятия. Указывается, что необходимы такие меры управления кризисами на предприятиях, как классификация кризисов предприятия с применением особых критериев, отражающих причины кризисов и влияющих на методологический подход по управлению кризисами на предприятиях, находящимися в разной стадии кризиса. Предлагается механизм антикризисного управления, в котором ключевую роль играет персонал: метод включает мотивационные подходы, помогающие повысить заинтересованность персонала в выходе из кризиса.

Особое внимание в научной литературе уделяется концепции управления кризисами с точки зрения рисков, присущих деятельности промышленных предприятий, их минимизации и разработке алгоритма антикризисного управления предприятиями, включающими ряд мер по устранению кризисных ситуаций: оптимизация обеспечения сырьем, эффективное использование мощностей производства, мониторинг предложений сырья, а также было уделено внимание действиям в условиях нестабильности внешней среды. Предлагается также использование метода вертикально-интегрированной структуры с целью улучшения организации управленческого учета и центров ответственности. А также создание группы внутреннего аудита и контроллинга для обеспечения менеджмента предприятий необходимой информацией с целью анализа причин и последствий возникновения кризисной ситуации.

В [11] указывается, что основная задача послекризисного периода — это не только восстановление и рост объемных показателей, но и обеспечение структурных сдвигов в экономике. Применение метода вертикально-интегрированных структур, а также применение модели диагностики кризиса на промышленных предприятиях с помощью факторного анализа, кластеров и дискриминант с учетом отраслевых особенностей позволит предприятиям вовремя диагностировать возникновение кризисной ситуации и предупреждать негативные последствия кризиса.

Действительно, преодоление кризиса в современных условиях должно осуществляться на инновационной основе и в результате структурных сдвигов на основе цифровизации [24].

В. В. Бринза, А. В. Германова, И. С. Кузнецов [3] провели исследования в области прогнозирования последствий реализации альтернативных сценариев, которые могут быть применимы в послекризисном периоде. Указывается, что едино-

временная финансовая поддержка со стороны государства системы «промышленное предприятие — высшее учебное заведение» кардинально не решает задачи повышения конкурентоспособности данной системы, а обеспечивает лишь временное приостановление периода спада деятельности по основным направлениям и не стимулирует значимый рост общего потенциала систем. Возвращение позиций обновленной экономики на докризисный уровень представляется возможным при применении стратегии обновления, на базе которой в будущем будет обеспечен системный прирост уровня показателей.

В послекризисном периоде рекомендуются к проведению следующие мероприятия, влияющие на рост потенциала промышленных предприятий: проведение мер, соблюдающих национальные интересы России, к которым относятся: импортозамещение и диверсификация, развитие государственно-частного партнерства при реализации проектов; оптимизация структурных пропорций бюджетного планирования на предприятиях с учетом сокращения расходов бюджета; адаптация бюджетного планирования с учетом расходов и экономического эффекта от инвестиций и регулирование периода окупаемости [23].

Росту потенциала промышленных предприятий во многом способствует методологически грамотная стратегия социально-экономического развития региона. Согласно теории стратегирования В.Л. Квинта при развитии региональной и секторальной структуры экономики следует уделять особое внимание темпам, пропорциям и векторам развития с точки зрения выявления потенциальных возможностей и потенциальных угроз. Необходимо учитывать воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма [8, с. 14–15], а также влияние на стратегическое развитие российских компаний глобального формирующегося рынка [7, с. 50].

Кризис повлек за собой снижение не только инвестиционной привлекательности экономики нашей страны, но и возможностей вовлечения ее в функционирование глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС). В этих условиях сфере услуг требуется стратегия активного привлечения инвестиций не только с целью интенсификации конкуренции на внутреннем рынке за счет привлечения ресурсов в развитие промышленности, в том числе инновационное, но и привлечение капитала в более сложные высокотехнологические сферы услуг, требуемые для цифровизации общества, такие как деловые услуги, услуги связи. Это позволит экономике России постепенно встроиться в глобальные цепочки добавленной стоимости [4]. Одно из требований цифровой экономики, заключающееся в проведении глобальных изменений в сфере высоких технологий, сопровождающихся быстрой сменой технологических платформ, может быть осуществлено под влиянием встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости. Экспансии на национальные рынки и расширению сфер функционирования глобальных цепочек добавленной стоимости способствуют общемировые тенденции кастомизации производства. Кастомизация производства неизбежно ведет к увеличению размера добавленной стоимости, создающейся в ГЦДС. Высокотехнологичные услуги, участвуя в цепочках создания стоимости, увеличивают эффективность функционирования сферы услуг национальной экономической системы, что в конечном итоге приводит к интенсификации потока инвестиций и образованию соответствующей инфраструктуры для интеграции экономики России в глобальные цепочки добавленной стоимости. Данный процесс будет одним из важнейших в преодолении кризиса и определении дальнейшей конкурентоспособности отечественной экономики в условиях цифровизации.

Заключение

Кризис и рецессия, затронувшие все страны, привели к усилению рациональной составляющей в поведении и потребителей, и производителей промышленной

продукции. Системообразующим фактором этого направления стала их адаптация, прежде всего к недостатку финансовых ресурсов. Вынужденная изоляция предприятий и домашних хозяйств во время пандемии ускорила процессы цифровизации. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении объема выпуска по базовым видам экономической деятельности начиная с марта 2021 г. при уменьшении числа хозяйствующих субъектов по состоянию на 1 апреля 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Уменьшение числа хозяйствующих субъектов сопровождается дефицитом высококвалифицированных кадров в промышленности.

Основная задача послекризисного периода — это не только восстановление и рост объемных показателей, но и обеспечение структурных сдвигов в экономике. При рассмотрении сценариев посткризисного функционирования необходимо учитывать фундаментальные причины, неминуемо приводящие к кризису, а также причины, связанные с механизмом функционирования и мотивами поведения экономических агентов.

Литература

1. Альхимович И. Н., Залывский Н. П. Кризисные явления в России и организация взаимодействия предприятий в активизации развития монопрофильных городов // Экономика в промышленности. 2015. № 1. С. 45–50.
2. Амосов А. И. Развитие промышленности как средство выхода из системного кризиса // Экономика в промышленности. 2009. № 3. С. 8–12.
3. Бринза В. В., Германова А. В., Кузнецов И. С. Альтернативы посткризисного развития металлургических предприятий: прогнозирование последствий // Экономика в промышленности. 2010. № 3. С. 10–19.
4. Гогудзе М. Г., Шамина Л. К., Шматко А. Д. Глобальные цепочки добавленной стоимости и кастомизация производства // Аудит и финансовый анализ. 2019. № 4. С. 175–179.
5. Захарова О. Д., Харитоновна Н. А. ТЭК как драйвер экономического развития России: текущее состояние и перспективы // Экономика в промышленности. 2020. № 2. С. 257–268.
6. Измайлова М. А. Роль менеджмента в формировании современных подходов к управлению в условиях кризисных явлений российской экономики // Экономика в промышленности. 2016. № 2. С. 123–132.
7. Квинт В. Л. Глобальный формирующийся рынок — влияние на стратегию России и стратегическое развитие российских компаний // Эффективное антикризисное управление. 2012. № 3 (72). С. 50–61.
8. Квинт В. Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование. 2016. № 6. С. 14–25.
9. Квинт В. Л. Теория и практика стратегирования. Ташкент, 2018. 160 с.
10. Новикова И. В. Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 254 с.
11. Рубинштейн Т. Б., Ли Ч. Уроки кризиса и стратегия M&A при переходе на траекторию роста // Экономика в промышленности. 2010. № 3. С. 20–23.
12. Сенчагов В. К. Финансовый кризис и обострение угроз и вызовов экономической безопасности // Экономика в промышленности. 2009. № 3. С. 2–7.
13. Сидорова Е. Ю., Тимохова Г. В. Несбалансированность бизнес-процессов промышленной организации как основной сдерживающий фактор ее развития // Экономика в промышленности. 2019. №. 2(12). С. 191–196.
14. Социально-экономическое положение России — 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (дата обращения: 01.06.2021).
15. Chen H., Qian W., Wen Q. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Consumption: Learning from High Frequency Transaction Data. SSRN Electronic journal. 2020.
16. Ebinger F., Omondi B. Leveraging Digital Approaches for Transparency in Sustainable Supply Chains: A Conceptual Paper. Sustainability. 2020. N 12. P. 6129.
17. Fernandes N. Economic Effects of Coronavirus Outbreak (COVID-19) on the World Economy. SSRN Electronic journal. 2020.

18. *Ivanov D., Dolgui A.* Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability. A position paper motivated by COVID-19 outbreak. *Int. J. Prod. Res.* 2020. N 58. P. 2904–2915.
19. *Karia N.* Knowledge resources, technology resources and competitive advantage of logistics service providers. *Knowl. Manag. Res. Pract.* 2018. N 16. P. 414–442.
20. *Parfenov A., Shamina L., Niu J., Yadykin V.* Transformation of Distribution Logistics Management in the Digitalization of the Economy. *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex.* 2021. N 7 (1). P. 58.
21. *Porter M. E.* Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review.* 1998. N 6 (76). P. 77–90.
22. *Rajput H., Changotra R., Rajput P., Gautam S., Gollakota A. R. K., Arora A. S.* A shock like no other: coronavirus rattles commodity markets. *Environ Dev Sustain.* 2020. N 23 (5). P. 6564–6575.
23. *Shmatko A., Yanovskiy V., Shamina L.* Adaptability as a Tool for Managing an Enterprise in a Turbulent External Environment. *Advanced Science Letters.* 2018. N 9 (24). P. 6323–6325.
24. *Vial G.* Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *J. Strateg. Inf. Syst.* 2019. N 28. P. 118–144.

Об авторе

Шматко Алексей Дмитриевич, директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, профессор PAO; Shmat2000@yandex.ru

References

1. Alkhimovich I.N., Zalyvsky N.P. Crisis phenomena in Russia and the organization of enterprise interaction in activating the development of monoprofile cities // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2015. N 1. P. 45–50. (In rus).
2. Amosov A.I. Industrial development as a means of overcoming the systemic crisis // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2009. N 3. P. 8–12. (In rus).
3. Brinza V.V., Germanova A.V., Kuznetsov I.S. Alternatives to the post-crisis development of metallurgical enterprises: forecasting the consequences // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2010. N 3. P. 10–19. (In rus).
4. Gogvadze M.G., Shamina L.K., Shmatko A.D. Global value chains and production customization // *Audit and financial analysis [Audit i finansovyi analiz]*. 2019. N 4. P. 175–179. (In rus).
5. Zakharova O.D., Kharitonova N.A. Fuel and Energy Complex as a driver of Russia's economic development: current state and prospects // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2020 N 2. P. 257–268. (In rus).
6. Izmailova M.A. The role of management in the formation of modern approaches to management in the context of crisis phenomena of the Russian economy // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2016. N 2. P. 123–132. (In rus).
7. Kvint V.L. Global emerging market — influence on the strategy of Russia and strategic development of Russian companies // *Effective crisis management [Effektivnoe antikirizisnoe upravlenie]*. 2012. N 3 (72). P. 50–61. (In rus).
8. Kvint V.L. Strategic economic impact of global negative trend of terrorism and extremism // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2016. N 6. P. 14–25. (In rus).
9. Kvint V.L. *Theory and practice of strategy.* Tashkent, 2018. 160 p. (In rus).
10. Novikova I.V. *Concept of a strategy for employment of the population in the digital economy.* Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 254 p. (In rus).
11. Rubinstein T.B., Lee Ch. Lessons of the crisis and M&A strategy in the transition to the growth trajectory // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2010. N 3. P. 20–23. (In rus).
12. Senchagov V.K. Financial crisis and exacerbation of threats and challenges to economic security // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2009. N 3. P. 2–7. (In rus).
13. Sidorova E.Yu., Timokhova G.V. Unbalanced business processes of the industrial organization as the main deterrent to its development // *Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]*. 2019. № 2(12). P. 191–196. (In rus).
14. *The socio-economic situation of Russia–2021 [Electronic resource].* URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (date of address: 01.06.2021).

15. *Chen H., Qian W., Wen Q.* The Impact of the COVID-19 Pandemic on Consumption: Learning from High Frequency Transaction Data. SSRN Electronic journal. 2020.
16. *Ebinger F., Omondi B.* Leveraging Digital Approaches for Transparency in Sustainable Supply Chains: A Conceptual Paper. Sustainability. 2020. N 12. P. 6129.
17. *Fernandes N.* Economic Effects of Coronavirus Outbreak (COVID-19) on the World Economy. SSRN Electronic journal. 2020.
18. *Ivanov D., Dolgui A.* Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability. A position paper motivated by COVID-19 outbreak. Int. J. Prod. Res. 2020. N 58. P. 2904–2915.
19. *Karia N.* Knowledge resources, technology resources and competitive advantage of logistics service providers. Knowl. Manag. Res. Pract. 2018. N 16. P. 414–442.
20. *Parfenov A., Shamina L., Niu J., Yadykin V.* Transformation of Distribution Logistics Management in the Digitalization of the Economy. J. Open Innov. Technol. Mark. Complex. 2021. N 7 (1). P. 58.
21. *Porter M. E.* Clusters and the new economics of competition. Harvard Business Review. 1998. N 6 (76). P. 77–90.
22. *Rajput H., Changotra R., Rajput P., Gautam S., Gollakota A. R. K., Arora A. S.* A shock like no other: coronavirus rattles commodity markets. Environ Dev Sustain. 2020. N 23 (5). P. 6564–6575.
23. *Shmatko A., Yanovskiy V., Shamina L.* Adaptability as a Tool for Managing an Enterprise in a Turbulent External Environment. Advanced Science Letters. 2018. N 9 (24). P. 6323–6325.
24. *Vial G.* Understanding digital transformation: A review and a research agenda. J. Strateg. Inf. Syst. 2019. N 28. P. 118–144.

About the author:

Alexey D. Shmatko, Director of the Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Shmat2000@yandex.ru

Стратегическая оценка эффективности диверсификации отраслевого инвестиционного портфеля

Гаврилина Д. Н. *, Огарева А. С.

Московская школа экономики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; dariagavrilina23@gmail.com

РЕФЕРАТ

Инвестиционный портфель является инструментом, используемым для достижения наименьшего риска и устойчивого дохода инвестиций. При этом одной из наиболее простых и эффективных стратегий минимизации риска инвестора является диверсификация инвестиций в ценные бумаги. В статье приводятся результаты выполненного анализа эффективности диверсификации формируемого отраслевого инвестиционного портфеля на примере крупных предприятий металлургической промышленности. Выбор отрасли обусловлен тем, что металлургия является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей мировой экономики. В исследовании был проведен анализ стратегических тенденций развития металлургической отрасли и рассмотрены три крупнейшие компании данной отрасли (ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК»). Сравнительный стратегический анализ проводился по таким индикаторам финансового состояния, как коэффициенты текущей ликвидности, коэффициенты концентрации собственного капитала и финансового левериджа, а также коэффициенты обеспеченности процентов к уплате, оборачиваемость запасов и средств в расчетах, рентабельность рассматриваемых компаний.

При результирующем формировании инвестиционного портфеля были рассчитаны коэффициенты корреляции между доходностями акций этих компаний. Установлено, что финансовое положение, а также низкий коэффициент корреляции между доходностями акций исследуемых компаний позволяют сформировать отраслевой инвестиционный портфель, минимизирующий риски потенциального инвестора.

Ключевые слова: стратегия минимизации риска, стратегические тенденции, диверсификация, портфель ценных бумаг, металлургическая отрасль, финансовый анализ

Для цитирования: Гаврилина Д. Н., Огарева А. С. Стратегическая оценка эффективности диверсификации отраслевого инвестиционного портфеля // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 31–44.

Strategic Assessment of the Efficiency of Diversification of the Industry Investment Portfolio

Daria N. Gavrilina*, Anna S. Ogareva

Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; dariagavrilina23@gmail.com

ABSTRACT

One of the effective special tools used to achieve the least risk and sustainable income of investment in enterprises is the investment portfolio. At the same time, one of the simplest and most effective strategies to minimize investor risk is its diversification.

The article presents the results of the performed strategic financial analysis of the effectiveness of diversification of the formed sectoral investment portfolio using the example of large enterprises of the metallurgical industry. The choice of industry was determined by the fact that metallurgy is one of the fastest growing industries in the world economy.

The article analyzes the strategic development trends of the metallurgical industry and considers the three largest companies in this industry ("MMK", "Severstal", "NLMK"). Their activity was analyzed in dynamics based on financial reporting data presented on company websites.

Comparative analysis was carried out on such indicators of financial analysis as current liquidity ratios, equity and financial leverage concentration ratios, as well as interest-to-payment ratios, turnover of reserves and funds in turnover, profitability of the companies under consideration.

In the resulting formation of the investment portfolio, correlation coefficients between the returns of the shares of these companies were calculated. It was established that the financial situation, as well as the low correlation coefficient between the assets of the reviewed companies, allow us to form from their shares an industry investment portfolio that minimizes the risks of a potential investor.

Keywords: risk minimization strategy, strategic trends, diversification, securities portfolio, metallurgical industry, financial analysis

For citing: Gavrilina D. N., Ogareva A. S. Strategic Assessment of the Efficiency of Diversification of the Industry Investment Portfolio // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 31–44.

Введение

С развитием экономики и фондового рынка у инвесторов появляется все больше стратегических сценариев инвестирования в финансовые активы с целью извлечения прибыли. На протяжении последних лет одним из наиболее часто применяемых методов является формирование инвестиционного портфеля, в котором представлены ценные бумаги компаний в разных пропорциях. Инвесторы при составлении такого портфеля руководствуются собственной моделью поведения и стратегией. Принципами формирования инвестиционного портфеля являются безопасность и доходность вложений, стабильный рост, высокая ликвидность¹. Стратегической целью инвестора является получение прибыли в результате осуществления инвестиций в ценные бумаги, входящие в портфель, и обеспечение минимального риска финансовых операций [1; 4]. Для достижения данной цели экономистами было разработано множество различных методов.

Диверсификация — это метод, позволяющий снизить риск путем распределения инвестиций между разными финансовыми инструментами, отраслями и другими категориями активов². Диверсификация означает распределение инвестиций среди нескольких активов вместо концентрации их всех в одном-единственном активе. Диверсификация ограничивает подверженность инвестора риску, связанному с вложением в единственный вид активов³. Многие профессионалы в области инвестиций пришли к выводу, что несмотря на то, что она не гарантирует отсутствие потерь, стратегия диверсификации является одним из наиболее важных компонентов достижения долгосрочных стратегических финансовых целей при минимизации риска.

В статье на основе произведенных расчетов было показано, что не всегда соблюдается один из принципов диверсификации, согласно которому максимальное снижение риска достигается за счет включения в портфель ценных бумаг не связанных между собой отраслей. В частности, изучена ситуация в металлургической отрасли. Выбор металлургической отрасли обусловлен ее высокой значимостью в экономике Российской Федерации. По данным Федеральной службы государ-

¹ Делойт. Обзор рынка черной металлургии. Москва, второе полугодие 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/metals-2h-2019.pdf>.

² Джеймс К. Ванхорн, Джон М. Вахович. Основы финансового менеджмента. 12-е издание : пер. с англ. М. : ООО «ИД Вильямс», 2008. 1232 с.

³ Делойт. Обзор рынка черной металлургии. Москва, первое полугодие 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/metals-1h-2019.pdf>.

ственной статистики, в 2019 г. доля отрасли в обрабатывающей промышленности составила 19,2%¹. Также металлургия является одной из важнейших отраслей нашей страны в международном разделении труда. По производству стали Россия в настоящий момент находится на пятом месте в мире, после Китая, Индии, Японии и США [14].

Материалы и методы

Целью данной работы является стратегическая оценка эффективности диверсификации отраслевого инвестиционного портфеля на примере крупных предприятий металлургической промышленности.

Для ее достижения было предусмотрено выполнение следующих задач:

1. Провести внутренний и внешний стратегический анализ деятельности исследуемых предприятий металлургической промышленности (ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК»).
2. Сформировать отраслевой инвестиционный портфель для инвестора, придерживающегося стратегии минимизации риска.
3. Оценить и сравнить эффективность диверсификации сформированных инвестиционных портфелей.

В качестве теоретической базы исследования выступают работы отечественных и зарубежных исследователей в сфере стратегии, экономики и финансового менеджмента. В работе были использованы данные научных изданий, действующего законодательства, периодической литературы, финансовой отчетности предприятий. В работе применяется описательный метод, который включает в себя наблюдение, интерпретацию и классификацию материала, использованного при изложении процесса и результатов исследования, а также приемы синтеза и анализа.

Результаты

В работе рассмотрены стратегические глобальные и национальные тенденции развития металлургии. «Результат анализа глобальных, региональных и отраслевых трендов и закономерностей затем используется для актуализации глобального прогноза, а впоследствии — для региональных и отраслевых поисковых и целеориентированных прогнозов. Так создается платформа последующих оценок возможных конкурентных преимуществ и выбора на их основе приоритетов развития» [13]. «Целеориентированные прогнозы фокусируются на трендах, которые могут привести к значительным изменениям в отраслевой структуре региона» [6].

По данным Всемирной ассоциации производителей стали (WSA), в 2018 г. в мире (64 страны) было произведено почти 2 млрд тонн стали². Китай занимает лидирующие позиции по производству стали — 928 264 000 тонн, в то время как Россия заняла пятое место с производством в 72 042 000 тонн, годовой прирост составил 551 000 тонн.

На долю азиатских стран сегодня приходится в общей сложности около 69% выплавляемой стали. Китай активно участвует в процессах инноваций и обновления основных фондов. В стране реализуются крупные инвестиционные проекты по строительству новых и расширению существующих производственных мощностей.

¹ Российский статистический ежегодник. 2019 [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm.

² Global crude steel output increases by 4.6% in 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2019/Global-crude-steel-output-increases-by-4.6--in-2018.html>.

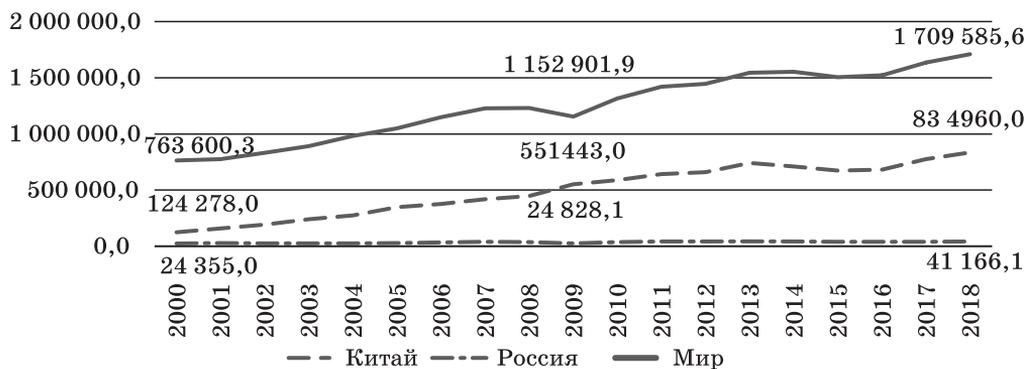

Рис. 1. Потребление стали, тыс. т
Fig. 1. Steel consumption, thousand tons

Источник: 2020 World Steel Association, Steel Statistical Yearbook 2019.

За прошедший год потребление металлопродукции в Китае увеличилось на 7,9%, достигнув почти 735 млн тонн. Рост объемов производства стали в России был вызван, среди прочего, увеличением внутреннего спроса. В 2019 г. среднее значение роста потребления стали в мире составило 4,6% по сравнению с 2018 г. (рис. 1).

В черной металлургии можно выделить следующие стратегические глобальные тенденции: рост производительности труда и операционной эффективности; рост доли инновационной продукции; рост экологических инноваций (повышение внимания к экологичности производства) [2]. В 2019 г. крупнейшими производителями стали в РФ были представлены обновленные стратегии развития до 2023 г., которые предполагают увеличение капитальных расходов на расширение и модернизацию производственных мощностей. Планируется, что с 2021 г. эти инвестиции приведут к возобновлению роста производства стали в России¹.

В качестве стратегических глобальных тенденций в области цветной металлургии можно выделить: рост потребления продукции цветной металлургии; ужесточение требований по экологичности производства; рост заинтересованности предприятий в развитии производств более высоких переделов: компании, лидирующие на мировом рынке первичного алюминия, не первый год диверсифицируют бизнес за счет расширения производства различной металлической продукции, эта тенденция поддержит темпы роста мирового спроса и цены на цветные металлы [12].

Ключевыми национальными тенденциями развития отечественной металлургии, которые были определены в стратегиях развития металлургического производства, являются²: замедление темпов роста объемов производства и потребления металлопродукции; увеличение доли продукции, поставляемой на внутренний рынок; увеличение поставок на экспорт продукции с увеличением глубины переработки; рост импортозамещения; повышение требований к служебным характеристикам продукции, совершенствование ее сортамента и конкурентоспособности; ресурсо- и энергосбережение, снижение негативного экологического воздействия на окру-

¹ Делойт. Обзор рынка черной металлургии. Москва, 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/overview-of-steel-and-iron-market-2020.html>.

² Стратегии развития черной и цветной металлургии России на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2030 г.

жающую среду; оптимизация избыточных производственных мощностей; строительство мини-заводов, передельных и сервисных центров; внедрение новой техники и технологий.

Компании «ММК», «Северсталь», «НЛМК», «ЕВРАЗ», «Металлоинвест» и «Мечел» в первом полугодии 2019 г. всего произвели 31 700 000 тонн стали (87% производства стали в РФ)¹. Проведенный стратегический финансовый анализ некоторых из этих компаний, а именно, ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК» (табл. 1), был обусловлен тем, что данные предприятия входят в список крупнейших производителей по рейтингу Мировой ассоциации стали [14].

По производительности, выручке и EBITDA первое место занимает ПАО «НЛМК». В ПАО «Северсталь» наибольший показатель чистой прибыли и EBITDA. Расчет EBITDA используется для измерения операционной рентабельности компании, поскольку он учитывает только те расходы, которые необходимы для «ежедневного» ведения бизнеса [10; 11]. Перейдем к расчету коэффициентов стратегического финансового анализа и более детальному сравнению компаний. Первая группа индикаторов финансового состояния — показатели ликвидности (табл. 2), которые являются внешними характеристиками финансовой устойчивости с точки зрения степени обеспеченности оборотных активов долгосрочными источниками финансирования [4; 5].

Таблица 1

Сравнительная таблица крупнейших предприятий металлургической промышленности РФ на 2019 г.

Table 1. Comparative table of the largest enterprises of the metallurgical industry of the Russian Federation in 2019

Показатель	ПАО «ММК»	ПАО «Северсталь»	ПАО «НЛМК»
Объем производства стали, млн тонн	12,5	11,8	15,7
Выручка, млн долл.	7566	8157	10554
Чистая прибыль, млн долл.	850	1766	1341
Дивидендная политика, доход, %	15,51	14,27	17,89
ЕБИТДА, млн долл.	1797	2805	2564

Источники: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК» (URL: <http://www.mmk.ru/>), ПАО «Северсталь» (URL: <https://www.severstal.com>), ПАО «НЛМК» (URL: <https://nlmk.com/ru/>).

Таблица 2

Коэффициенты текущей ликвидности

Table 2. Current ratio

Компания	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	1,840	1,954	1,911
ПАО «Северсталь»	1,768	1,845	1,951
ПАО «НЛМК»	2,357	2,098	1,903

Источники: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

¹ Делойт. Обзор рынка черной металлургии. Москва, второе полугодие 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/metals-2h-2019.pdf>.

Среднеотраслевое значение коэффициента текущей ликвидности находится в пределах от 1,5 до 2¹. На основе приведенных расчетов можно сделать вывод о высокой платежеспособности рассматриваемых предприятий.

В конце 2017 г. общий объем стали, выплавленной на ММК, впервые превысил отметку в 800 млн тонн. Данный показатель является рекордным для металлургической отрасли России². После чего в 2018 г. текущая ликвидность ПАО «ММК» резко возросла. Далее наблюдалось незначительное снижение коэффициента, это связано с увеличением краткосрочных обязательств.

На протяжении рассматриваемого периода наблюдалась тенденция роста платежеспособности у ПАО «Северсталь» (коэффициент текущей ликвидности составил 1,951 в 2019 г. за счет роста оборотных активов). Данная тенденция была вызвана увеличением на 15% поставок российским машиностроителям и, кроме того, ростом продаж проката с покрытиями на 13% и увеличением поставок автопроизводителям на 21%. Важным стратегическим событием 2019 г. стало снижение расхода большинства энергоресурсов на тонну продукции Череповецким металлургическим комбинатом по сравнению с прошлым годом. Экономический эффект составил 156 млн рублей³.

В ПАО «НЛМК» наблюдается снижение коэффициента за счет уменьшения денежных средств и их эквивалентов. Ключевыми моментами этого стали некоторые стратегические факторы, в том числе падение объема продаж на экспортных рынках (на 15% до 5,8 млн тонн) из-за уменьшения поставок сортовой заготовки, а также на фоне капитальных ремонтов НЛМК. Производство стали снизилось на 10% до 15,7 млн тонн в связи с проведением капитальных ремонтов доменного и сталеплавильного производств НЛМК⁴.

Следует отметить, что коэффициенты быстрой и абсолютной ликвидности находятся в пределах среднего значения по отрасли. Далее перейдем к оценке показателей финансовой устойчивости исследуемых компаний (табл. 3).

Оптимальное отраслевое значение коэффициента концентрации собственного капитала находится в пределах от 0,5 до 0,6. Как видно из табл. 3, наблюдается тенденция снижения данного коэффициента у всех рассматриваемых предприятий. В динамике мы видим, что в 2018 г. по сравнению с 2017 г. у ПАО «ММК» и ПАО «Северсталь» наблюдался незначительный рост, а далее в 2019 г. снижение. Компании увеличивали как долю краткосрочных, так и долю долгосрочных обязательств. Такие небольшие изменения процента заемного капитала говорят о том, что за-

Таблица 3

Коэффициент концентрации собственного капитала

Table 3. Concentration of equity

Компания	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	0,692	0,695	0,666
ПАО «Северсталь»	0,471	0,490	0,423
ПАО «НЛМК»	0,604	0,587	0,567

Источник: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

¹ Данные <https://ru.investing.com/>.

² ПАО «ММК» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mmk.ru/press_center/publications/.

³ ПАО «Северсталь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.severstal.com/rus/media/news/>.

⁴ ПАО «НЛМК» [Электронный ресурс]. URL: <https://nlmk.com/ru/media-center/news-groups/>.

емный капитал и доля собственных средств изменяются равномерно. И такие компании значительно привлекательнее при выборе вложения инвестиций. В то время как в ПАО «НЛМК» наблюдалась тенденция снижения коэффициента за счет увеличения долгового финансирования на протяжении рассматриваемого периода.

С учетом проведенных расчетов рекомендацией для компании ПАО «ММК» по использованию капитала является формирование корпоративного венчурного фонда, что согласуется с глобальной и национальной стратегической тенденцией об увеличении стратегической значимости формирования корпоративных венчурных фондов. Данная инициатива будет способствовать росту технологичности компании путем реализации инновационных стартапов через созданный корпоративный венчурный фонд и повышению конкурентоспособности предприятия на глобальном рыночном пространстве.

Среднеотраслевое значение коэффициента финансового левериджа находится в пределах от 26 до 35%¹. Во всех рассматриваемых компаниях (табл. 4) данный показатель на протяжении рассматриваемого периода рос, но не превышал «1», т.е. активы компании финансировались в большей степени за счет собственного капитала.

По отрасли среди всех рассматриваемых компаний в 2019 г. наблюдалась тенденция снижения коэффициентов обеспеченности процентов к уплате по сравнению с 2018 г. (табл. 5). Данная тенденция была вызвана нестабильностью цен на рынке; особенно сильное колебание наблюдалось в 2019 г., когда произошла крупная авария на шахте компании Vale в Бразилии, что спровоцировало резкий скачок цен на железную руду. Возникли серьезные опасения по поводу дефицита этого сырья в мире (рис. 2). Железная руда дорожала очень быстро — с 76,03 долл. за 1 тонну в январе до 120,02 долл. за 1 тонну — в июле. К ноябрю цена резко упала — до 84,68 долл. за 1 тонну.

Таблица 4

Финансовый леверидж
Table 4. Coefficient of financial leverage

Компания	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	0,157	0,159	0,217
ПАО «Северсталь»	0,630	0,650	0,908
ПАО «НЛМК»	0,354	0,349	0,436

Источник: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

Таблица 5

Обеспеченность процентов к уплате
Table 5. The interest coverage ratio

Компания	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	26,944	38,188	20,548
ПАО «Северсталь»	10,444	21,315	16,387
ПАО «НЛМК»	23,654	37,526	17,789

Источник: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

¹ Данные <https://ru.investing.com/>

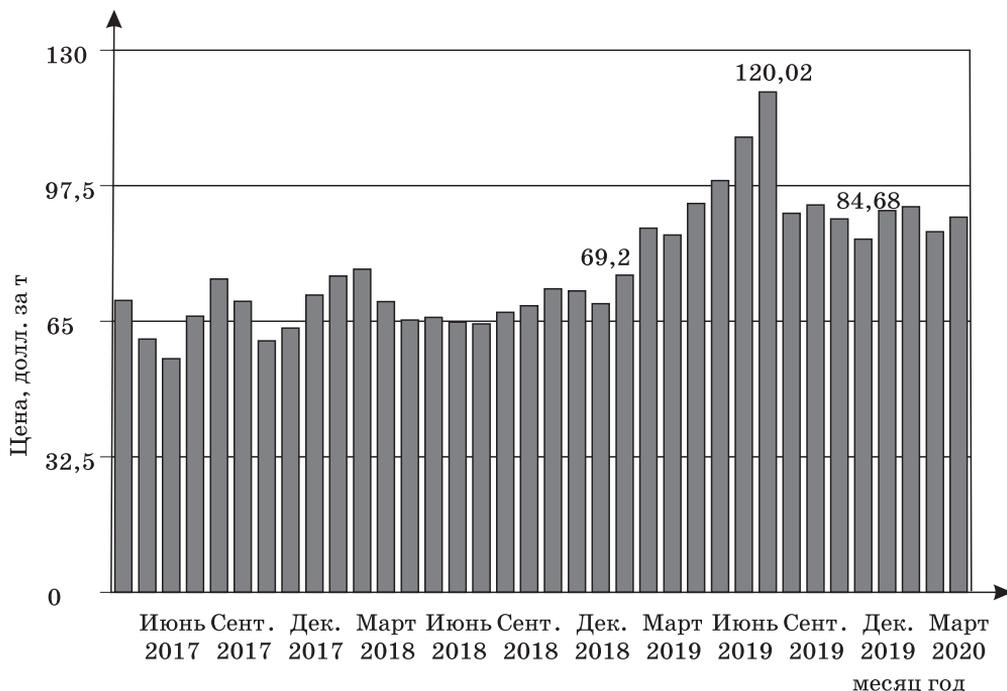

Рис. 2. Цены на железную руду, долл. за 1 т
 Fig. 2. The prices of iron ore, dollars for 1 ton

Источник: составлено авторами по статистике <https://ru.investing.com/>

Далее рассмотрим показатели внутрифирменной эффективности исследуемых компаний.

Оборачиваемость запасов в среднем по отрасли составляет от 3 до 4,5 оборотов¹. В ПАО «ММК» коэффициент увеличился за счет снижения товарно-материальных запасов (табл. 6), в ПАО «Северсталь» происходило увеличение запасов и, как следствие, наблюдалось падение данного коэффициента. В ПАО «НЛМК» оборачиваемость запасов в оборотах сильно отличается от среднеотраслевых,

Таблица 6

Оборачиваемость запасов в оборотах / в днях
 Table 6. Asset turnover ratio (times / in days)

Компания	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	4,235 / 86,192	4,193 / 87,043	4,531 / 80,556
ПАО «Северсталь»	4,919 / 74,195	4,586 / 79,598	4,414 / 82,698
ПАО «НЛМК»	1,075 / 339,636	1,038 / 351,584	0,964 / 378,608

Источник: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

¹ Данные <https://ru.investing.com/>.

а именно — оборачиваемость запасов равна 1 (в оборотах) и 340–380 (в днях). Это говорит о том, что у данной компании негативные тенденции по этим показателям. Низкая оборачиваемость запасов является плохим показателем финансово-хозяйственной деятельности предприятия, в данной компании такая ситуация вызвана низкой себестоимостью продаж.

Оборачиваемость средств у ПАО «ММК» и ПАО «Северсталь» (табл. 7) сохраняется примерно на одном уровне на протяжении рассматриваемого периода и находится в пределах нормы по отрасли (в оборотах 11–15, в днях 25–30). Напротив, в ПАО «НЛМК» коэффициенты отличаются от среднеотраслевых, а именно — 2 (в оборотах) и 140–180 (в днях). Это вызвано низкими значениями выручки компании.

Далее проведем оценку показателей рентабельности рассматриваемых предприятий (табл. 8). Среднеотраслевое значение рентабельности находится в интервале от 24 до 39% [3].

Согласно среднестатистическим данным, рентабельность собственного капитала ROE находится в пределах от 10 до 12% в США и Великобритании. Для инфляционной экономики, такой как российская, коэффициент должен быть больше.

В 2018 г. цены на сырьевые товары достигли своих пиковых значений за последние несколько лет. На это повлиял ряд стратегических факторов, в том числе — торговые споры, сокращение сталелитейных мощностей в Китае, а также различные природные катаклизмы, происходившие в течение года. В 2019 г. ра-

Таблица 7

Оборачиваемость средств в оборотах / в днях
Table 7. Inventory turnover ratio (times / in days)

Компания	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	11,263 / 32,408	11,108 / 32,861	11,721 / 31,140
ПАО «Северсталь»	14,493 / 25,184	14,896 / 24,503	14,361 / 25,416
ПАО «НЛМК»	2,579 / 141,527	2,359 / 154,698	1,949 / 187,315

Источник: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

Таблица 8

Рентабельность, %
Table 8. Profitability indicators, %

Компания	Рентабельность	2017	2018	2019
ПАО «ММК»	собственного капитала (ROE)	21,60	26,30	15,50
	активов (ROA)	14,60	18,10	10,20
	инвестированного капитала (ROI)	17,80	21,90	11,80
ПАО «Северсталь»	собственного капитала (ROE)	39,90	71,20	50,80
	активов (ROA)	16,90	33,10	21,60
	инвестированного капитала (ROI)	22,00	41,00	24,90
ПАО «НЛМК»	собственного капитала (ROE)	21,82	38,36	22,55
	активов (ROA)	13,30	22,62	12,88
	инвестированного капитала (ROI)	16,25	28,57	15,80

Источник: расчеты авторов, основанные на финансовой отчетности ПАО «ММК», ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК».

ствующие процентные ставки, кредитные ограничения в Китае и циклическое замедление автомобильного сектора на развитых рынках оказывали негативное влияние на мировой спрос на сталь. В 2019 г. потребление стали росло медленнее¹.

Среди рассматриваемых предприятий в ПАО «Северсталь» рентабельность значительно выше и составляет 50% в 2019 г. Такое значение достигается за счет большой чистой прибыли компании. Также важно отметить явную тенденцию снижения коэффициента у всех компаний за последний год, что вызвано снижением прибыли в связи с сезонным замедлением деловой активности и снижением цен на мировых рынках стали.

Рентабельность активов прежде всего зависит от отрасли. Средний показатель по исследуемой отрасли составляет от 10 до 20%. Наибольший коэффициент рентабельности активов у ПАО «Северсталь» (21,6%). На данный показатель наибольшее влияние оказали два стратегических фактора: чистая прибыль и активы компании. У ПАО «Северсталь» активы компании значительно выросли в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (на 28,6%), в то время как чистая прибыль упала на 13%. Противоположная ситуация у ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК», где снижение показателей в 2019 г. по сравнению с 2018 г. вызвано в большей степени резким снижением чистой прибыли и одновременно невысоким ростом активов компаний.

Средний показатель рентабельности инвестированного капитала по отрасли составляет от 15 до 30%. Во всех рассматриваемых компаниях данный коэффициент снизился в 2019 г. по сравнению с 2018 г. за счет увеличения долгосрочных обязательств и снижения прибыли.

Последующая часть нашего исследования состояла в том, чтобы сформировать отраслевой инвестиционный портфель. При вложении денег в ценные бумаги инвестор ставит две важные цели стратегического характера: максимизация ожидаемой доходности и минимизация риска. В зависимости от выбранной стратегии инвестор формирует оптимальный для себя портфель [7; 8]. Выборка в нашей работе составила 3000 ежедневных наблюдений цен на акции по всем рассматриваемым компаниям, а также по индексу Мосбиржи — основному индексу цен на акции наиболее ликвидных компаний на фондовой бирже. Данные были взяты с официального сайта Московской биржи (<http://moex.com/>). В табл. 9 представлены основные результаты расчетов по компаниям.

По результатам расчетов мы получили, что у компании ПАО «НЛМК» худшее рыночное положение относительно двух других компаний, так как акции характеризуются высоким стандартным отклонением и бета-коэффициентом, то есть высоким уровнем риска при таком же уровне ожидаемой доходности, что и у остальных предприятий. Подтвердился вывод, сделанный в фундаментальном анализе финансовой отчетности, о наименьшей привлекательности НЛМК.

Однако ожидаемая доходность всех рассматриваемых акций согласно CAPM (Capital Asset Pricing Model — модель оценки финансовых активов) ниже годовой эффективной доходности акций, следовательно, рынок достаточно высоко оценивает акции компаний. То есть данные акции можно покупать и включать их в инвестиционные портфели [9].

Прежде чем перейти к формированию инвестиционного портфеля, рассчитаем коэффициенты корреляции между доходностями акций рассматриваемых компаний (табл. 10), поскольку диверсификация имеет смысл только в том случае, если между доходностями активов низкий коэффициент корреляции.

¹ Делойт. Обзор рынка черной металлургии. Москва, первое полугодие 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/metals-1h-2019.pdf>.

Таблица 9

Анализ доходности и риска акций ПАО «ММК», ПАО «Северсталь» и ПАО «НЛМК»
 Table 9. Analysis of profitability and risk of MMK, Severstal and NLMK shares

Показатель	Формула	ММК	Северсталь	НЛМК	Мос Биржа
Ожидаемая дневная доходность, %	$E(R_i) = \sum_{k=1}^N P_k R_{ik}$	0,044	0,052	0,052	0,041
Годовая эффективная доходность, %	$(1 + E(R_i))^m - 1$	11,044	13,391	13,388	10,39
Стандартное отклонение, годовое, %	$\text{var}(R_i) \equiv \sigma_i^2 = E[R_{ik} - E(R_i)]^2$	6,56	6,70	7,26	4,67
Бета, β_1	$\beta_i = \frac{\text{cov}(R_i, R_m)}{\sigma_m^2}$	0,861	0,940	1,059	–
Ожидаемая доходность согласно CAPM	$E(R_i) = r_f + \beta_i [E(R_m) - r_f]$	9,299	9,866	10,728	–

Источник: расчеты авторов, основанные на данных официального сайта Московской биржи.

Таблица 10

Коэффициенты корреляции активов

Table 10. Correlation coefficient

Корреляция	ММК+Северсталь	НЛМК+Северсталь	ММК+НЛМК
	0,000010	0,000011	0,000011

Источник: расчеты авторов, основанные на данных официального сайта Московской биржи.

Несмотря на то, что компании принадлежат к одной отрасли, коэффициенты корреляции близки к 0, то есть в данном случае возможно сформировать инвестиционный портфель и, таким образом, диверсифицировать часть риска за счет инвестирования в несколько активов¹. Далее перейдем к формированию инвестиционного портфеля с минимальной дисперсией. Были сформированы три инвестиционных портфеля (табл. 11).

Из представленных данных мы видим, что наименьшее стандартное отклонение у портфеля 1, наибольшая доходность у портфеля 2. Портфель 3 не выгоден, так как имеет при той же ожидаемой доходности высокий уровень рисковости.

Рассмотрим портфель 2: он привлекателен за счет высокой доходности, но имеет высокое стандартное отклонение. Было замечено, что возможно снижение риска данного портфеля путем включения в него 8% безрискового актива, то есть государственной облигации. Новые пропорции в портфеле представлены в табл. 12.

Таким образом, ожидаемая доходность снизилась, но осталась выше, чем у портфеля ПАО «ММК» и ПАО «Северсталь», который по результатам предыдущих расчетов казался наилучшим. При этом стандартное отклонение нового портфеля

¹ Глобальные тенденции, влияющие на развитие металлургической промышленности. Аналитический отчет [Электронный ресурс]. URL: <http://kidi.gov.kz/docs/otchety/5531319.pdf>.

Расчет портфеля ценных бумаг
Table 11. Portfolio optimization

Расчет портфеля ценных бумаг	Ожидаемая доходность	Стандартное отклонение (год.)	Доли в портфеле
1: ММК, Северсталь	12,17%	4,69%	ММК 51%, Северсталь 49%
2: НЛМК, Северсталь	13,39%	4,93%	НЛМК 46%, Северсталь 54%
3: ММК, НЛМК	12,17%	4,87%	ММК 55%, НЛМК 45%

Источник: расчеты авторов, основанные на данных официального сайта Московской биржи.

Таблица 12

Включение безрискового актива в портфель 2
Table 12. Include risk-free asset in portfolio 2

Расчет портфеля ценных бумаг	Ожидаемая доходность	Стандартное отклонение (год.)	Доли в портфеле
НЛМК, Северсталь, государственная облигация*	12,39%	4,53%	НЛМК 42%, Северсталь 50%, гос. облигация 8%

*https://www.rusbonds.ru/ank_obl.asp?tool=135877

Источник: расчеты авторов, основанные на данных официального сайта Московской биржи.

значительно снизилось. Тем самым мы сформировали портфель 2 (ПАО «НЛМК»; ПАО «Северсталь» и государственная облигация) для инвестора, заинтересованного в стратегии минимизации риска портфеля.

Выводы

Подтверждена гипотеза об эффективности диверсификации отраслевого инвестиционного портфеля на примере компаний металлургической отрасли. Было выявлено, что не всегда соблюдается один из принципов диверсификации, согласно которому максимальное снижение риска достигается за счет включения в портфель ценных бумаг несвязанных между собой отраслей. Создание отраслевого портфеля, то есть включение компаний одних отраслей, может привести к хорошей диверсификации. Мы убедились в том, что создание портфеля позволяет минимизировать риск при высоком уровне дохода. А далее инвесторы формируют предпочтения в зависимости от личной стратегии по отношению к риску.

На основе произведенных расчетов и анализа можно сделать следующие выводы.

Наиболее привлекательной является компания ПАО «Северсталь» и наименее — ПАО «НЛМК». С учетом выявленных глобальных стратегических тенденций и для повышения уровня конкурентоспособности на глобальном рыночном пространстве исследуемым «компаниям необходимо разрабатывать серьезные, на грамотной методологической основе, приоритеты. На основе этих приоритетов надо разрабатывать качественные цели. Затем на уровне задач необходимо давать количе-

ственную оценку. На основе этой оценки надо разрабатывать несколько сценариев, затем делать ресурсный анализ. Тот сценарий, который наиболее работает, надо превращать постепенно в стратегический план, потом в тактические решения, стратегию выхода и так далее» [6].

Ожидаемая доходность акций рассматриваемых компаний согласно модели CAPM ниже годовой эффективной доходности акций, таким образом их следует включать в инвестиционные портфели. Были сформированы отраслевые портфели с минимальной дисперсией для инвестора, придерживающегося стратегии минимизации риска своих вложений. Включение безрискового актива позволило еще больше диверсифицировать часть риска, при этом сохранив значение ожидаемой доходности на приемлемом уровне.

Литература

1. Боди З. Принципы инвестиций / З. Боди, А. Кейн, А. Маркус. М. : Вильямс, 2008. 984 с.
2. Буданов И. А., Терентьев Н. Е. Проблемы и направления технологической модернизации металлургического комплекса России в условиях «зеленого» экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2017. № 15. С. 76–91.
3. Буданов И. А., Устинов В. С. Инновационно-инвестиционные процессы развития металлургического производства в России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. № 13. С. 324–347.
4. Глазунов В. Г. Анализ финансового состояния предприятия // Финансы. 2005. № 2. С. 55–57.
5. Гончаров А. И. Восстановление платежеспособности предприятия: Модель обновления основных средств // Финансы. 2004. № 9. С. 65–66.
6. Ермаков А. Н. Диверсификация структуры портфеля акций инвестиционной компании // Научные исследования. Серия: Общественные науки. 2009. № 3. С. 39–42.
7. Квинт В. Л. Глобальный формирующийся рынок — влияние на стратегию России и стратегическое развитие российских компаний // Эффективное антикризисное управление. 2012. № 3. С. 50–61.
8. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. I. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
9. Клитина Н. А. Оптимизация портфеля ценных бумаг в зависимости от диверсификации инвестиций // Финансовые исследования. 2010. № 1 (26). С. 41–51.
10. Клитина Н. А. Формирование портфелей ценных бумаг для различных типов инвесторов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 23. С. 9–14.
11. Подшивалова В. С. Показатели EBIT и EBITDA: особенности вычисления по данным МСФО отчетности // Современные тенденции в экономике и управлении. 2016. № 41-1. С. 174–179.
12. Семин А. Опережающее развитие производства высококачественной стали — государственный приоритет в области металлургии // Металлы Евразии. 2017. № 4. С. 14–15.
13. Fabozzi F., Grant J. (2001). Modern Portfolio Theory, Capital Market Theory, and Asset Pricing Models. URL: https://www.researchgate.net/publication/272157556_Modern_Portfolio_Theory_Capital_Market_Theory_and_Asset_Pricing_Models.
14. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. Routledge, New York, 2016. 520 p.
15. Markowitz H. M. (March 1952). Portfolio Selection // The Journal of Finance. URL: https://www.math.ust.hk/~maykwok/courses/ma362/07F/markowitz_JF.pdf.

Об авторах

Гаврилина Дарья Николаевна, преподаватель кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); dariagavrilina23@gmail.com

Огарева Анна Сергеевна, студент Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); ogareva-a@mail.ru

References

1. Body Z. Investment Principles / Z. Body, A. Kane, A. Marcus. M.: Williams, 2008. 984 p. (In rus).
2. Budanov I. A., Terentyev N. E. Issues and directions of Russia's metallurgy sector technological modernization within green growth context // Proceedings: Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences [Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN]. 2017. N 15. P. 76–91. (In rus).
3. Budanov I. A., Ustinov V. S. (2015). Innovation and investment processes of metallurgy development in Russia // Proceedings: Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences [Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN]. 2015. N 13. P. 324–347. (In rus).
4. Glazunov V. G. Analysis of the financial condition of the enterprise // Finance [Finansy]. 2005. No. 2. P. 55–57. (In rus).
5. Goncharov A. I. Restoring the solvency of an enterprise: a model for updating fixed assets // Finance [Finansy]. 2004. N 9. P. 65–66. (In rus).
6. Ermakov A. N. Diversification of the structure of the stock portfolio of an investment company // Scientific Research. Series: Social Sciences [Nauchnye issledovaniya. Seriya: Obshchestvennyye nauki]. 2009. N 3. P. 39–42. (In rus).
7. Kvint V. L. The global emerging market — the impact on the strategy of Russia and the Russian companies strategic development // Effective crisis management [Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie]. 2012. N 3. P. 50–61. (In rus).
8. Kvint V. L. The concept of strategizing. Vol. I. St. Petersburg : NWIM of RANEPa, 2019. 132 p. (In rus).
9. Klitina N. A. Optimization of the securities portfolio depending on the diversification of investments // Financial studies [Finansovye issledovaniya]. 2010. N 1 (26). P. 41–51. (In rus).
10. Klitina N. A. The formation of securities portfolios for various types of investors // Financial analytics: problems and solutions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2011. N 23. P. 9–14. (In rus).
11. Podshivalova V. S. Indicators of EBIT and EBITDA: features of calculation according to IFRS financial statements // Modern trends in economics and management [Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii]. 2016. N 41-1. P. 174–179. (In rus).
12. Semin A. The accelerated development of high-quality steel production is a state priority in the field of metallurgy // Metals of Eurasia [Metally Evrazii.]. 2017. N 4. P. 14–15. (In rus).
13. Fabozzi F., Grant J. (2001). Modern Portfolio Theory, Capital Market Theory, and Asset Pricing Models. URL: https://www.researchgate.net/publication/272157556_Modern_Portfolio_Theory_Capital_Market_Theory_and_Asset_Pricing_Models.
14. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. Routledge, New York, 2016. 520 p.
15. Markowitz H. M. (March 1952). Portfolio Selection // The Journal of Finance. URL: https://www.math.ust.hk/~maykwok/courses/ma362/07F/markowitz_JF.pdf.

About the authors:

Daria N. Gavrilina, Lecturer of Economic and Financial Strategy Department at Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); dariagavrilina23@gmail.com

Anna S. Ogareva, Student of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); ogareva-a@mail.ru

Роль концепции стратегирования В. Л. Квинта в экономических исследованиях стратегий и ее особенности*

Алабина Т. А.^{1, 2}

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; madam-alabina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В цикле статей из двух работ раскрыта *цель исследования* как определение места концепции стратегирования Иностранного члена РАН — академика, доктора экономических наук, профессора В. Л. Квинта в системе экономических исследований стратегий за рубежом, в СССР и современной России на основе описания содержательной части и систематизации базовых концепций стратегирования и обзора зарубежных и отечественных региональных экономических исследований, а также выделения автором ключевых характеристик данной научной школы стратегии.

Объектом исследования выступают теории стратегий за рубежом, в СССР и современной России. *Предметом исследования* — концепция стратегирования В. Л. Квинта в системе экономических исследований по стратегии.

Методологический инструментарий включает в себя приемы и методы системного анализа, сравнительного анализа, логического анализа, принципы диалектико-материалистического метода познания и комплексного подхода при характеристике экономических исследований, методов обобщения и конкретизации. В описании исследования применен исторический подход и временное обобщение на основе ключевых вех развития экономических исследований по теории стратегии и методологии и практики стратегирования.

В качестве *результатов* второй статьи цикла представлены авторские характеристики и определена роль концепции стратегирования В. Л. Квинта в системе экономических исследований. Показана практика стратегирования научной школы академика В. Л. Квинта как матричной организационной структуры, что говорит о ее сложном иерархическом наполнении и горизонтально-вертикальных взаимосвязях между ключевыми элементами. Сделан *вывод* о ее неоклассичности и неклассичности (нетипичности) в науках о стратегии ввиду того, что, с одной стороны, теория стратегии В. Л. Квинта является новой классической теорией, где классика становится частью современности науки о стратегии, в то же время, с другой стороны, благодаря таким ее характеристикам, как новизна, актуальность, универсальность, практико-ориентированность, простота, неповторимость и междисциплинарность не обременена громоздкими конструкциями классических исследований стратегии, которые отринуты, особенно с позиции практики формальных стратегий и других документов.

Ключевые слова: экономические исследования, неоклассическая стратегия, стратегирование, концепция стратегирования

Для цитирования: Алабина Т. А. Роль концепции стратегирования В. Л. Квинта в экономических исследованиях стратегий и ее особенности // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 45–57.

* Представлена вторая работа цикла статей, подготовленного по материалам научного исследования, получившего диплом победителя IV Международного конкурса «Инновационные стратегии развития» в номинации «Молодые ученые» (научный консультант Вит. В. Мищенко, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления МИЭМИС АлтГУ).

The Role of the Concept of Strategizing by V. L. Kvint in Economic Research of Strategies and its Features

Tatiana A. Alabina^{1, 2}

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

²Altai State University, Barnaul, Russian Federation; madam-alabina@yandex.ru

ABSTRACT

The two-part series of articles reveals the *purpose of the research* as determining the place of the concept of strategizing of a Foreign Member of the Russian Academy of Sciences — Academician, Doctor of Economics, Professor V. L. Kvint in the system of economic research of strategies abroad, in the USSR and modern Russia on the basis of the description of the content and systematization of the basic concepts of strategizing and a review of foreign and domestic regional economic research, as well as the author's identification of the key characteristics of this scientific school of strategy.

The object of the research is the theory of strategies abroad, in the USSR and modern Russia. *The subject of the research* is the concept of V. L. Kvint's strategizing in the system of economic research on strategy.

The methodological tools include techniques and methods of system analysis, comparative analysis, logical analysis, principles of the dialectical-materialistic method of cognition and an integrated approach to the characterization of economic research, methods of generalization and concretization. The description of the study uses a historical approach and a temporary generalization based on the key milestones in the development of economic research on the theory of strategy and the methodology and practice of strategizing.

As *the results* of the second article in the series, the author's characteristics are presented and the role of V. L. Kvint's concept of strategizing in the system of economic research is determined. The article shows the practice of strategizing the academic school of science of V. L. Kvint as a matrix organizational structure, which indicates its complex hierarchical content and horizontal-vertical relationships between key elements. It is *concluded* that it is neoclassical and non-classical (atypical) in the sciences of strategy, since, on the one hand, the theory of strategy of V. L. Kvint is a new classical theory, where the classics become part of the modern science of strategy, at the same time, on the other hand, due to its characteristics such as novelty, relevance, universality, practice-oriented, simplicity, uniqueness and interdisciplinarity, it is not burdened with the cumbersome constructions of classical strategy studies, which are rejected, especially from the point of view of the practice of formal strategies and other documents.

Keywords: economic research, neoclassical strategy, strategizing, the concept of strategizing

For citing: Alabina T. A. The Role of the Concept of Strategizing by V. L. Kvint in Economic Research of Strategies and its Features // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 45–57.

Стратегия должна простираться дальше и глубже того, что очевидно каждому...

В. Л. Квинт [10, с. 365]

Введение

Теоретическими и практическими разработками по стратегии и стратегированию занимаются различные зарубежные и отечественные научные школы экономических исследований [22]. Особое место в последние годы занимает концепция стратегирования В. Л. Квинта в общей системе экономических исследований. Ее особые характеристики и значение в контексте усиления процессов глобализации и междисциплинарного сотрудничества с уклоном на практическое стратегирование пока стараемся определить в данном исследовании, однако означенная научная школа

уже сейчас оказывает существенное влияние на развитие науки и практики стратегирования не только в нашей стране, но и за рубежом.

Теоретические основы

Анализируя труды различных исследователей, можно констатировать, что роли, месту и ключевым характеристикам научной школы стратегии академика В. Л. Квинта уделяется недостаточное внимание [1]. Хотя в трудах, лекциях и интервью академика В. Л. Квинта и таких авторов, как М. К. Алимуратов, К. Л. Астапов, Л. И. Власюк, М. Р. Голубев [2], С. Дарькин, А. А. Козырев [15–16], Е. А. Морозова, И. В. Новикова, Н. И. Сагаев, А. С. Хворостяная, С. Е. Цивилев и других раскрываются отдельные аспекты содержания и внутреннего наполнения концептуальных аспектов данной школы¹.

Роль и место научной школы теории стратегии и методологии стратегирования академика В. Л. Квинта в эволюции экономических исследований стратегий

Мировой и отечественный опыт теории стратегий и практики стратегирования в последние десятилетия реализует тезис о глобализации и междисциплинарности исследований, а также направленности на человека, его потенциал и потребности. Особо здесь выделяется концепция стратегирования Иностранного члена РАН — академика, доктора экономических наук, профессора Владимира Львовича Квинта, суть которой заключается в том, чтобы установить ценности и интересы объекта стратегирования, совокупность которых позволит сформулировать обоснованные стратегические приоритеты развития, а затем выявить имеющиеся конкурентные преимущества, которые позволят реализовать выбранные стратегические приоритеты. Объектом стратегирования может выступить как глобальное пространство, страна, отдельная отрасль или фирма, так и сам человек [8] как «главный и конечный ориентир всех стратегических преобразований» [12, с. 293], с его желаниями, потенциалом и возможностями.

В этой связи уникальность теории стратегии и методологии стратегирования В. Л. Квинта заключается, с одной стороны, в ее междисциплинарном характере как науки, а, с другой стороны, в конечной направленности на человека. При этом сам человек здесь выступает в нескольких ипостасях: как стратег, как лидер, как объект стратегирования и как субъект стратегирования [12].

Уникальность концепции стратегирования академика В. Л. Квинта предлагаем описать следующими ключевыми характеристиками.

1. Новизна: научная школа фактически появилась как теоретическое направление середины 2000-х и юридически закрепились как система преподавания теории стратегии и методологии стратегирования в России в 2007 г. 11 декабря приказом № 1000 ректора МГУ им. М. В. Ломоносова, академика В. А. Садовниченко созданием первой в стране кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики. Ее базовые позиции и основные исследования опубликованы в научном труде V. Kvint «The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics» [24] в 2009 г., который был переведен на русский язык и вышел как учебное пособие в 2012 г. под названием «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» [10]. В 2019 г. Ученый совет МГУ принял решение об утверждении нового названия

¹ Следует заметить: не теории стратегии и методологии и практики стратегирования, что естественным образом раскрыто в трудах и публикациях, в том числе в СМИ и на различных платформах, а именно развитию и характеристикам научной школы стратегии академика В. Л. Квинта.

кафедры как «Экономическая и финансовая стратегия» и несколько ранее аналогичного названия магистерской программы подготовки кадров высшей квалификации. В результате структурно конструкция научной школы академика В. Л. Квинта представляет собой полный цикл подготовки и обучения — от школьников до докторов наук, включая такие элементы, как Школы юных стратегов, Школа юных военных стратегов, бакалаврскую и магистерскую программы, краткосрочную переподготовку кадров, аспирантуру и докторантуру, диссертационный совет по защите диссертаций по теории стратегии и методологии стратегирования, а также Центр стратегических исследований ИМИСС МГУ.

Как утверждает научный руководитель школы академик В. Л. Квинт в своих лекциях, выступлениях, интервью и публикациях, он и его команда стараются «не идти по накатанной колее» и все время «учатся у других, признав свою неидеальность». Именно поэтому они постоянно развивают свою теорию, методологию¹, а следовательно, научную школу, о чем, например, говорит тот факт, что в 2020 г. в Кемеровском государственном университете была создана кафедра стратегии регионального и отраслевого развития, реализующая магистерскую программу «Экономическая и финансовая стратегия».

2. Актуальность научного направления обосновывается его востребованностью не только в нашей стране, но и за рубежом, как его теоретических разработок, так и практики стратегирования². Помимо МГУ и КемГУ подготовка магистров-стратегов ведется в Национальном исследовательском технологическом университете «МИСиС». Свыше 200 университетов мира используют издания научной школы в качестве учебников в связи с их научной значимостью и современностью. Актуальность обучения стратегов подтверждена магистерскими программами Гарвардского (Harvard University) и Оксфордского университетов (University of Oxford), Школы менеджмента им. С. С. Джонсона при Корнельском университете (Johnson at Cornell University) и Открытого университета Гонконга (Open University of Hong Kong, OUNK или OpenU) и ряда других.

3. Практикоориентированность: позиция научного руководителя школы и его учеников состоит в том, что теория стратегии только тогда является значимой, когда она применяется в реализации образовательных программ и практике разработки и реализации стратегий [3]. Кафедра экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики и Центр стратегических исследований Института математических исследований сложных систем, созданный приказом ректора МГУ в 2010 г. под руководством В. Л. Квинта, осуществляют не только подготовку специалистов по магистерской программе и программе МВА, но и практическую разработку национальных, отраслевых и региональных стратегий

¹ См., например, книгу «Глобальные развивающиеся рынки в переходный период: статьи, прогнозы и исследования» [27], которая выдержала два издания и используется в 660 библиотеках ведущих университетов и высших учебных заведениях мира (согласно данных сайта WorldCat — крупнейшего в мире библиотечного каталога [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldcat.org/title/global-emerging-market-in-transition-articles-forecasts-and-studies-1973-2003/oclc/897198667&referer=brief_results (дата обращения: 24.03.2021). Данное издание является важным руководством для понимания тонкостей мировых тенденций и развивающихся рынков в 1973–2003 гг. Начиная с объяснений и определений глобальных тенденций, классификации различных перспектив развивающихся рынков и общего понимания природы современных глобальных развивающихся рынков, профессор Квинт проводит читателя по развивающимся рынкам в Европе, Центральной Азии и Латинской Америке, опираясь на анализы и прогнозы. Автор представляет углубленный анализ крупнейшего в тот период развивающегося рынка — рынка России, подчеркивая важность перехода нашей страны от коммунистической командно-административной системы к рыночной экономике.

² См., например, краткое сообщение в журнале Forbes «The scary business of Russia» [25] или монографию в соавторстве «The Russian Far East: Strategic Priorities for Sustainable Development» [23].

и других стратегических документов (приоритетов, целевых программ и т. п.) в России и за рубежом.

4. Универсальность: концепция стратегирования академика Квинта может быть применена в любой сфере общества и применительно к любому объекту стратегирования — от глобального пространства [11; 14] или отдельной отрасли до компании или конкретного человека, что доказано научными разработками школы и ее практическими исследованиями, а также вышеописанным в данной работе. В качестве примеров можно назвать темы диссертационных исследований, принятых к защите Диссертационным советом МГУ.08.08 МГУ им. М.В. Ломоносова под председательством Владимира Львовича: «Экономические и социальные аспекты реализации стратегических приоритетов развития отрасли АПК (на примере кролиководства)», «Разработка, реализация и эффективность стратегии развития предприятия легкой промышленности (индустрии моды)», «Теоретические основы и методология стратегирования газовой отрасли» или «Концепция стратегирования социально-экономической и экологической безопасности (на материалах Кыргызской Республики)».

5. Простота понятийного аппарата и его содержания, а также самой методологии разработки и реализации стратегии вплоть до стратегии выхода [5–6; 13]: в отличие от громоздких конструкций предыдущих исследований по стратегии и школ стратегирования, большинство теоретических и методологических конструкций концепции Квинта можно изложить схематично, что является более понятным и наглядным для изучения и освоения. Например, в серии книг Библиотека «Стратегия Кузбасса» базовым изданием стала монография академика «Концепция стратегирования» [5], где в краткой (всего 170 страниц) и доступной форме изложены основные положения концепции с возможностью делать заметки на полях ее читателями. Именно благодаря данной характеристике подобная монография в 2021 г. была издана на немецком языке [26].

6. Неповторимость изложения и представления материала, подходов школы: проведение исследований и формирование, описание формальных стратегий и других документов на практике реализуется так, будто нет уже существующих установок в виде законодательных и нормативно-правовых актов, которые, несомненно, учтены в этих документах, словно отсутствует формализация устоев и процессов в обществе, поэтому с этих позиций стратегирование «превращается» и ощущается как творческий процесс, в том числе стратега-лидера и его команды, например, как обозначил Владимир Львович «...под руководством лидера, воодушевленного идеей воплощения стратегии и конкурентного сценария на практике» [4].

7. Междисциплинарность: с позиции интегративного характера современного этапа научного познания развитие теории стратегии научной школы академика Квинта проходит как часть междисциплинарной науки, формирующейся не только на экономической, исторической или философской основах [28], но и других науках, казалось бы, на первый взгляд, далеких от стратегии: химия, физика, инженерные науки, математика, генетика, геология или медицина и т. п. В этой связи особое место здесь отводится учету не только материального (в классической философии «бытие»), но и духовного (небытие), например, таких категорий, как «интуиция», «качества лидера», «мышление» [7] и других. Кажется, что если бы не было концепции стратегирования В.Л. Квинта, то ее нужно было бы разработать как уникальную и универсальную концепцию — радикальный передел и обобщение подходов, теорий и практик. И это уже не только позиция Владимира Львовича как стратега и лидера. Но и хочется констатировать, что это его личностная принципиальная стратегия.

Каково же место данной теоретико-эмпирической конструкции в науке о стратегии? Как обозначил сам Владимир Львович во втором томе книги «Концепция

стратегирования»: «...к концу XX в. начали анализироваться различные поведенческие модели в сфере принятия экономических решений в условиях высокой степени неопределенности в процессах прогнозирования, перспективного планирования и стратегирования с использованием теорий неоклассической экономической школы...» [6, с. 9].

Исходя из обозначенного тезиса и проанализировав теоретическую конструкцию концепции стратегирования В. Л. Квинта, автором выявлено следующее ее положение в совокупности экономической и других наук (рис. 1).

Рис. 1. Место концепции стратегирования В. Л. Квинта в мировой науке и ее ключевые характеристики

Fig. 1. The place of V. L. Kvint's concept of strategizing in the world science and its key characteristics

Источник: составлено автором.

Исследуя палитру исторических аспектов развития общества, ключевых мыслителей и философов, стратегов и лидеров, оказавших существенное влияние на формирование теории стратегии [5], опираясь на теоретические и, прежде всего, практические разработки отечественных и зарубежных исследователей, но, в большей мере, на своем огромном опыте лидера и стратега, Владимир Львович создал свою концепцию стратегирования — целостный конструктор, где органически пере-

плетаются теория стратегии, методология стратегирования с качествами стратега-лидера (думается, можно поставить между этими понятиями в данном контексте знак тождества). Ведь с точки зрения подхода академика, можно научить себя слышать и чувствовать более тонкие вещи с позиции не только материального (пространство, материальные ресурсы), но и духовного (фактор времени, интуиция), воспитав в себе, в итоге, стратега, личные интересы которого пересекаются с интересами объекта стратегирования, адепта привнесения чего-то свежего, открытости к новому.

*Практическое стратегирование научной школы академика В.Л. Квинта*¹ непосредственно связано со становлением системы преподавания теории стратегии и методологии и практики стратегирования не только в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова как лидере в системе образовательного и практического стратегирования, но и в России, и за рубежом (рис. 2. Источник рисунка: Теория и методология стратегирования: практика разработки и реализации стратегий (видео-лекция) [Электронный ресурс] // Экспертная площадка МГУ. URL: <https://expert.msu.ru/tmstrateg> (дата обращения: 01.04.2021). Подготовлено при участии Владимира Сергеевича Иванова, обучающегося 10-го класса Центра детского научного творчества «Интеллектуал КемГУ» группы «Информатика».)

Первостепенно в МГУ им. М.В. Ломоносова были созданы Московская школа экономики (МШЭ) в 2004 г. с кафедрой экономической и финансовой стратегии (КЭФС) в 2007 г. и Центр стратегических исследований Института математических исследований сложных систем (ЦСИ ИМИСС) в 2010 г. В связи с этим практическое стратегирование данной научной школы развивалось:

- с одной стороны, как реализация двух параллельных траекторий в сфере образования и разработки, и последующего мониторинга разного уровня стратегических документов (формальных стратегий), то есть образовательного и практического стратегирования;
- с другой стороны, как одновременно параллельное становление и развитие кафедры экономической и финансовой стратегии МШЭ и Центра стратегических исследований ИМИСС в Московском государственном университете.

Образовательное стратегирование научной школы стратегии В.Л. Квинта реализуется последовательно, согласно ступенчатости системы образования, принятой за эталон как в нашей стране, так и, в большей мере, в зарубежных развитых странах:

- от Школ юных стратегов Владимира Квинта, созданных по состоянию на апрель 2021 г. на базе средних общеобразовательных школ городов Санкт-Петербурга, Кемерово, Новокузнецка, Киселевска, Мариинска и Москвы, и Школы юных военных стратегов в городе Кемерово;
- до бакалавриата, магистратуры (с ее 35-ю дисциплинами, раскрывающими теорию стратегии и методологию стратегирования и другие аспекты экономической и финансовой стратегии), аспирантуры и докторантуры с возможностью последующей защиты научных работ на соискание степени кандидата и/или доктора наук в диссертационном совете на базе КЭФС МШЭ и краткосрочных программ переподготовки кадров по MBA и другим программам в ЦСИ ИМИСС МГУ.

На заданный период времени развитие системы подготовки профессиональных стратегов на основе образовательной программы кафедры МШЭ МГУ нашли свое

¹ Материал раздела подготовлен на основе презентаций цикла лекций заведующего кафедрой экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ В.Л. Квинта по темам «Абрис стратегии как новой междисциплинарной науки и ее роль в устойчивых условиях и в чрезвычайные периоды» [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.msu.ru/strategy> (дата обращения: 01.04.2021) и «Теория и методология стратегирования: практика разработки и реализации стратегий» [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.msu.ru/tmstrateg> (дата обращения: 01.04.2021).

Рис. 2. Лидерство научной школы академика В. Л. Квинта в системе образовательного и практического стратегирования*
 Fig. 2. Leadership of the scientific school of academician V. L. Kvint in the system of educational and practical strategizing*

* Примечание: в скобках указан год создания / внедрения.

применение не только в филиалах университета в Словении на базе Университета Приморска города Копера и Армении в городе Ереване, но и апробируются в Кемеровском государственном университете на кафедре стратегии регионального и отраслевого развития с сентября 2020 г. и в Национальном исследовательском технологическом университете «Московский институт стали и сплавов» (НИТУ «МИСиС») на кафедре индустриальной стратегии с 2021 г.

Практическое стратегирование научной школы стратегии было реализовано в участии разработки и мониторинга реализации национальных, региональных, отраслевых и корпоративных стратегий. По состоянию на апрель 2021 г. командой академика или при ее участии разработаны такие документы формальных стратегий и программ, как «Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года»¹ и ее логическое продолжение «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года»², утвержденная в качестве регионального закона; «Стратегия развития ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» на период до 2035 г. и более длительную перспективу»³; Обоснование стратегии проведения XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 г. в Казани, Стратегические приоритеты Дальневосточного и Приволжского федеральных округов; «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года»⁴ и ряд других.

Образовательное и практическое стратегирование научной школы академика В. Л. Квинта нашло свое отражение:

- в организации и курировании ЦСИ ИМИСС МГУ и Северо-Западным институтом управления РАНГХиГС при Президенте РФ при участии Шанхайского университета международного конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых «Инновационные стратегии развития»;
- проведении МШЭ МГУ международной научно-практической конференции «Теория и практика стратегирования», которая приурочена к дню рождения Владимира Львовича как научного руководителя данной школы и ее основоположника и проводится ежегодно в феврале месяце. В 2021 г. данная конференция проводилась сразу на трех площадках, названных Университариумами: в Москве в МГУ и МИСиС, а также в Кемеровской области — Кузбассе на базе КемГУ в городе Кемерово и его филиала в городе Новокузнецке.

На площадках данных научных мероприятий ведущие исследователи от школьников до докторов наук представляют последние разработки в стратегии и стратегировании в различных сферах деятельности: от личного стратегирования до идей развития теории стратегии.

¹ О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 г. № 355 // Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://spbstrategy2030.ru/?page_id=102 (дата обращения: 01.04.2021).

² О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года: Закон Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 г. № 771–164 (с изм. от 26 ноября 2020 г. № 507–112) // Консорциум «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (дата обращения: 01.04.2021).

³ Стратегия развития Водоканала Санкт-Петербурга до 2035 года и на более длительную перспективу: договор № 1–385 от 2018 г. // ИСТИНА: Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/projects/226128136/> (дата обращения: 01.04.2021).

⁴ О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года»: закон Кемеровской области — Кузбасса № 163-ОЗ от 23 декабря 2020 г. // Стратегия развития Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <https://кузбасс-2035.рф/> (дата обращения: 11.04.2021).

Немаловажное значение имеют публикации представителей научной школы стратегии и курирование ими научных изданий в качестве экспертов по стратегии и стратегированию: от сборников конференций / научных трудов и журналов из списка ВАК России и ВАК МГУ до серий монографий и учебников. Среди серий книг выделяются «Библиотека стратега» [9], библиотеки «Стратегия Кузбасса» [18–21], «Стратегия Дальнего Востока России» [17] и «Экономическая и финансовая стратегия».

Таким образом, организационная структура научной школы академика Владимира Львовича Квинта представляет собой матричную организационную структуру управления, что подтверждает не только ее сложное иерархическое наполнение и горизонтально-вертикальные взаимосвязи между ключевыми элементами, но и реализация образовательного и практического стратегирования на ее базе.

Заключение

В связи с вышеизложенным, с одной стороны, концепция стратегирования В. Л. Квинта, опираясь на базовые знания мировой науки, теорию и практику зарубежных школ и отечественных исследований, является новой классической теорией, где классика становится частью современности науки о стратегии, однако, с другой стороны, благодаря вышеперечисленным ее характеристикам далека от громоздких конструкций классических исследований стратегии, которые отринуты, особенно с позиции практики формальных стратегий и других документов. Поэтому в данном исследовании концепция Квинта одновременно обозначена как неоклассическая теория и неклассическая стратегия, т. е. нетипичная для предыдущих практик и школ.

Литература

1. Алабина Т. А. Роль и место концепции стратегирования В. Л. Квинта в эволюции экономических исследований стратегий // *Фундаментальные и прикладные науки в развитии общества и технологий в странах СНГ: Сборник тезисов II Международной конференции / под общ. ред. М. С. Яницкого, И. Ю. Сергеевой; ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*. Кемерово, 2020. 86 с. С. 3–6.
2. Алабина Т. А., Голубев М. Р., Морозова Е. А. «Стратегия» в стратегировании: теоретические подходы к определению понятия // *Теория и практика стратегирования: III Международная научно-практическая конференция (25 февраля 2020): сборник тезисов докладов / под науч. ред. В. Л. Квинта. М. : Издательство Московского университета, 2020. 183 с. (Экономическая и финансовая стратегия). С. 72–75.*
3. Ивантер В. В., Фелпс Э. С., Квинт В. Л., Максимцев И. А., Алферов Ж. И. Как будет развиваться экономика России? // *Инновации*. 2013. № 1 (171). С. 3–12.
4. Квинт В. Л. К анализу формирования стратегии как науки // *Вестник ЦЭМИ*. 2018. № 1. С. 3.
5. Квинт В. Л. Концепция стратегирования: монография. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.
6. Квинт В. Л. Концепция стратегирования: монография. Т. II. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 162 с.
7. Квинт В. Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // *Управленческое консультирование*. 2016. № 1 (85). С. 15–21.
8. Квинт В. Л. Стратегирование в России и мире: ставка на человека // *Экономика и управление*. 2014. № 11 (109). С. 15–17.
9. Квинт В. Л. Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению. СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021. 204 с.
10. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке / учеб. пособие для студентов вузов, слушателей бизнес-школ, школ государствен-

ного и общественного администрирования, обучающихся по направлению 080100.68 «Экономика». М. : Бизнес Атлас, 2012. 627 с.

11. Квинт В. Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование. 2016. № 6 (90). С. 14–25.
12. Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299.
13. Квинт В. Л. Теория и практика стратегирования: дайджест. Ташкент : Тасвир, 2018. 160 с.
14. Квинт В. Л., Окрепилов В. В. Роль качества в зарождении и развитии глобального формирующегося рынка: монография. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 46 с.
15. Козырев А. А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. № 4. С. 434–447.
16. Козырев А. А. Стратегия на перспективу // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 94–95.
17. Новикова И. В. Стратегическое развитие трудовых ресурсов Дальнего Востока России: монография / под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. М. : Креативная экономика, 2019. 158 с.
18. Стратегирование водных ресурсов Кузбасса / Н. И. Сасаев, Г. В. Задорожная, Т. А. Алабина и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. 388 с.
19. Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности в Кузбассе / И. З. Чхотуа, А. С. Хворостяная, А. В. Садовническая и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. 371 с.
20. Стратегирование человеческого потенциала Кузбасса / И. В. Новикова, О. Е. Абросова, К. В. Бойко и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 453 с.
21. Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса: монография / В. Л. Квинт, М. К. Алимуратов, К. Л. Астапов и др. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. 364 с.
22. Alabina T. A., Mishchenko V. V. Economic research of development strategies abroad, in the USSR and modern Russia: a brief overview and systematization // Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference. 2nd International Scientific Conference on 'Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy' (CSSDRE 2019). Ser.: Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Vol. 83. P. 383–390.
23. Darkin S., Kvint V. The Russian Far East: Strategic Priorities for Sustainable Development. New York : Apple Academic Press, 2016. 166 p.
24. Kvint V. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. New York, 2009. 453 p.
25. Kvint V. The scary business of Russia // Forbes. 2005. Vol. 175 (11). P. 42.
26. Kvint V. L. Konzepte der Strategie: Impulse für Führungskräfte. München : UVK Verlag, 2021. 128 p.
27. Kvint V. L. The Global Emerging Market in Transition: Articles, Forecasts, and Studies, 1973–2003. 2. ed. New York : Fordham University Press, 2004. 724 p.
28. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84 (3). P. 188–200.

Об авторе:

Алабина Татьяна Александровна, доцент кафедр финансов и кредита и стратегии регионального и отраслевого развития Института экономики и управления (ИЭУ) Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация); докторант кафедры региональной экономики и управления Международного института экономики, менеджмента и информационных систем (МИЭМИС) Алтайского государственного университета (Барнаул, Российская Федерация), кандидат экономических наук; madam-alabina@yandex.ru

References

1. Alabina T. A. The role and place of the concept of strategizing by V. L. Kvint in the evolution of economic research on strategies // Fundamental and applied sciences in the development of

- society and technology in the CIS countries: Collection of abstracts of the II International Conference / general ed. M. S. Yanitskiy, I.Yu. Sergeeva; Kemerovo State University, Kemerovo, 2020. 86 p. P. 3–6. (In rus)
2. Alabina T.A., Golubev M.R., Morozova E.A. "Strategy" in strategizing: theoretical approaches to the definition of the concept // Strategizing: Theory and Practice: III International Research-to-Practice Conference (February 25, 2020): book of abstracts / scient. ed. V.L. Kvint. M. : Moscow University Press, 2020. 183 p. (Economic and Financial Strategy). P. 72–75. (In rus)
 3. Ivanter V.V., Phelps E. S., Kvint V.L., Maksimtsev I.A., Alferov Zh.I. How will Russia's economy develop? // Innovations [Innovatsii]. 2013. N 1 (171). P. 3–12. (In rus)
 4. Kvint V.L. To the analysis of the formation of a strategy as a science // Herald of CEMI [Vestnik CEMI]. 2018. N 1. P. 3. (In rus)
 5. Kvint V.L. The Concept of Strategizing: monograph. Kemerovo : Kemerovo State University, 2020. 170 p. (In rus)
 6. Kvint V.L. The Concept of Strategizing: monograph. Vol. 2. SPb. : NWIM RANEPa, 2020. 162 p. (In rus)
 7. Kvint V.L. Search and Investigation of Philosophical Base of the Theory of Strategy. Interrelation of Philosophical and Strategic Thinking // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1 (85). P. 15–21. (In rus)
 8. Kvint V.L. Strategizing in Russia and the world: a rate on the person // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. N 11 (109). P. 15–17. (In rus)
 9. Kvint V.L. Strategic Leadership of Amir Timur: comments on the Code of Conduct. Saint Petersburg: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2021. 204 p. (In rus)
 10. Kvint V.L. Strategic management and economy on global emerging market : textbook for university students, students of business schools, schools of state and public administration, studying in the direction 080100.68 "Economics". M. : Business Atlas, 2012. 627 p. (In rus)
 11. Kvint V.L. Strategic Economic Influence of a Global Negative Trend of Terrorism and Extremism // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 6 (90). P. 14–25. (In rus)
 12. Kvint V.L. Theoretical basis and methodology of strategizing of the private and public sectors of the Kuzbass region as a medial subsystem of the national economy // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13. N 3. P. 290–299. (In rus)
 13. Kvint V.L. Theory and practice of strategy: digest. Tashkent : Tasvir, 2018. 160 p. (In rus)
 14. Kvint V.L., Okrepilov V.V. The role of quality in the birth and development of global emerging market: monograph. SPb. : Publishing house of the St. Petersburg University of Management and Economy, 2011. 46 p. (In rus)
 15. Kozyrev A.A. Study of methodological basis of strategizing of social and economic development // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13. N 4. P. 434–447. (In rus)
 16. Kozyrev A.A. Strategy on Prospect // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1 (85). P. 94–95. (In rus)
 17. Novikova I.V. Strategic development of labor resources of the Russian Far East: monograph / scientific ed. S.M. Darkin, V.L. Kvint. M. : Kreativnaya ekonomika, 2019. 158 p. (In rus)
 18. Strategizing of Kuzbass region water resources / N.I. Sasaev, G.V. Zadorozhnaya, T.A. Alabina et al. Kemerovo : Kemerovo State University, 2021. 388 p. (In rus)
 19. Strategizing of the tourism and trade show industries in Kuzbass region / I.Z. Chkhotua, A.S. Khvorostyanaya, A.V. Sadovnichaya et al. Kemerovo : Kemerovo State University, 2021. 371 p. (In rus)
 20. Strategizing of Kuzbass human capacity / I.V. Novikova, O.E. Abrosova, K.V. Boyko et al. Kemerovo : Kemerovo State University, 2020. 453 p. (In rus)
 21. Strategizing of Kuzbass region economic and investing development: monograph / V.L. Kvint, M.K. Alimuradov, K.L. Astapov et al. Kemerovo : Kemerovo State University, 2021. 364 p. (In rus)
 22. Alabina T.A., Mishchenko V.V. Economic research of development strategies abroad, in the USSR and modern Russia: a brief overview and systematization // Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference. 2nd International Scientific Conference on 'Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy' (CSSDRE 2019). Ser.: Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Vol. 83. P. 383–390.
 23. Darkin S., Kvint V. The Russian Far East: Strategic Priorities for Sustainable Development. New York : Apple Academic Press, 2016. 166 p.

24. Kvint V. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. New York, 2009. 453 p.
25. Kvint V. The scary business of Russia // Forbes. 2005. Vol. 175 (11). P. 42.
26. Kvint V.L. Konzepte der Strategie: Impulse für Führungskräfte. München : UVK Verlag, 2021. 128 p.
27. Kvint V.L. The Global Emerging Market in Transition: Articles, Forecasts, and Studies, 1973–2003. 2 ed. New York : Fordham University Press, 2004. 724 p.
28. Kvint V.L., Okrepilov V.V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84 (3). P. 188–200.

About the author:

Tatiana A. Alabina, Associate Professor of the Department of Finance and Credit and of the Department of Regional and Industrial Development Strategy of the Institute of Economy and Management of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). Doctoral candidate of the Department of Regional Economics and Management of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems of Altai State University (Barnaul, Russian Federation), PhD in Economics; madam-alabina@yandex.ru

Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования*

Сасаев Н. И.

Московская школа экономики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; msemu@mail.ru

РЕФЕРАТ

Изменения, связанные с усилением существующих трендов, трансляцией глобальных тенденций на региональный и национальные уровни, зарождением новых трендов и их масштабизацией до мирового уровня, приводят к трансформации условий и появлению новых стратегических факторов экономического развития. Данный нестационарный процесс, декларирующий как негативные, так и позитивные аспекты, усложняет мониторинг, поиск и выбор долгосрочных ориентиров отраслевого развития экономики, что обосновывает актуальность развития методологического аппарата стратегирования отраслей.

Отраслевая стратегия, разработанная в соответствии с общей теорией стратегии и методологией стратегирования, основоположником которой является академик, Иностраный член РАН В. Л. Квинт, призвана систематизировать и учитывать изменчивость условий, многообразие стратегических факторов и возникающие возможности, декомпозировать последние до уровня стратегических приоритетов, реализация которых будет генерировать высокую эффективность на всем горизонте стратегирования.

При этом общая теория стратегии является молодой наукой, находясь в постоянном соприкосновении с практикой, теоретические основы и методологические положения ее основных направлений, включая отраслевое, еще находится на этапе формирования и совершенствования.

Принятие верных и обоснованных стратегических решений все больше зависит от глубины изучения объекта стратегирования. В связи с этим, целью данной статьи стало раскрытие одного из подготовительных этапов к разработке стратегии, а именно изучение отрасли как объекта стратегирования.

В статье обосновывается необходимость разделения анализа отрасли как объекта стратегирования на два этапа: стратегическая диагностика (изучение основных характеристик, особенностей, текущей траектории развития и потенциала) и OTSW-анализ (изучение объекта отраслевой стратегии с позиции поиска будущих перспектив, выбора вектора долгосрочного развития и формирования траектории движения по выбранному направлению). Помимо этого, автором указываются потенциальные элементы стратегической диагностики отрасли как объекта стратегирования и раскрываются ключевые аспекты каждого из направлений анализа.

Ключевые слова: стратегия, отраслевое стратегирование, стратегическая диагностика, OTSW-анализ, отрасль, объект стратегирования

Для цитирования: Сасаев Н. И. Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 58–68.

Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object

Nikita I. Sasaev

Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; msemu@mail.ru

ABSTRACT

The changes associated with the strengthening of existing trends, the translation of global trends to regional and national levels, the emergence of new trends and their scaling up to the world level, leads to a transformation of conditions and the emergence of new strategic factors of economic development. This non-stationary process, which declares both negative

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Математические методы анализа сложных систем».

and positive aspects, complicates the monitoring, search and selection of long-term guidelines for the industrial development of the economy, which justifies the relevance of the development of the methodological apparatus for strategizing industries.

The industrial strategy developed in accordance with the general theory of strategy and the methodology of strategizing, the founder of which is Foreign Member of the Russian Academy of Sciences Vladimir L. Kvint, is designed to systematize and take into account the variability of conditions, the variety of strategic factors and emerging opportunities, decompose the latter to the level of strategic priorities, the implementation of which will generate high efficiency over the entire horizon of strategizing.

At the same time, the general theory of strategy is a young science, being in constant contact with practice, the theoretical foundations and methodological provisions of its main directions, including industrial, are still at the stage of formation and improvement.

Making correct and reasonable strategic decisions increasingly depends on the depth of studying the object of strategizing. In this regard, the purpose of this article was to disclose one of the preparatory stages for the development of a strategy, namely, the study of the industry as an object of strategizing.

The article justifies the necessity of dividing the analysis of the industry as an object of strategizing into two stages: strategic diagnostics (the study of the main characteristics, features, the current trajectory of development and potential), and OTSW-analysis (the study of the object of industrial strategizing from the position of searching for future prospects, choosing a vector of long-term development and forming a trajectory of movement in the chosen direction). In addition, the author indicates the potential elements of strategic diagnostics of the industry as an object of strategizing and reveals the key aspects of each of the areas of analysis.

Keywords: strategy, industrial strategizing, strategic diagnostics, OTSW-analysis, industry, strategizing object

For citing: Sasaev N. I. Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 58–68.

Введение

Изменения, связанные с усилением существующих трендов, трансляцией глобальных тенденций на региональный и национальные уровни, зарождением новых трендов и их масштабизацией до мирового уровня, приводят к трансформации условий и появлению новых стратегических факторов экономического развития [7; 10; 30]. Данный нестационарный процесс, декларирующий как негативные, так и позитивные аспекты, усложняет мониторинг, поиск и выбор долгосрочных ориентиров отраслевого развития экономики [9; 15; 26; 34].

С одной стороны, такие вызовы и шоки, как ухудшение экологии и эпидемиологической обстановки, энергетические, политические и экономические кризисы, создают новые ограничения для развития отраслей экономики, что, прежде всего, выражается в сжатии ресурсной базы, снижающей обеспеченность природными ресурсами, материальными, финансовыми средствами, а также в снижении технологической и технической оснащенности. Тем не менее данная трансформация открывает и новые стратегические возможности развития того или иного направления [2; 6; 24].

Отраслевая стратегия, разработанная в соответствии с общей теорией стратегии и методологией стратегирования [13], основоположником которой является академик, Иностраный член РАН В. Л. Квинт, призвана систематизировать и учитывать изменчивость условий, многообразие стратегических факторов и возникающие возможности, декомпозировать последние до уровня стратегических приоритетов, реализация которых будет генерировать высокую эффективность на всем горизонте стратегирования [12].

Сущностно любая стратегия, будь то национальная, региональная или отраслевая [16], является результатом глубокого анализа, сопряженного с системным и стратегическим мышлением [41], направлена на несение общественной пользы, что в ко-

нечном счете отражается на повышении качества и уровня жизни людей [11; 14; 22]. Отсюда следует, что для принятия верных и обоснованных решений необходимым является детальное изучение объекта стратегирования, особенно на ранних этапах.

Между тем, общая теория стратегии является молодой наукой, будучи в постоянном соприкосновении с практикой, теоретические основы и методологические положения ее основных направлений, включая отраслевое, еще находятся на этапе формирования и совершенствования. В связи с этим в данной статье будет раскрыт один из подготовительных этапов к разработке стратегии, а именно — изучение отрасли как объекта стратегирования.

Стратегическая диагностика в структуре отраслевого стратегирования

Обращаясь к методологии стратегирования [37], отметим, что изучение объекта отраслевой стратегии с позиции поиска будущих перспектив, выбора вектора долгосрочного развития и формирования траектории движения по выбранному направлению заложено в процесс стратегического анализа. Данный анализ включает в себя детальный мониторинг и оценку трендов по основным группам (глобальные, национальные, региональные, отраслевые, корпоративные) [18; 35], OTSW-анализ, подразумевающий поиск и формулирование стратегических возможностей и угроз [27], а также уточнение целого спектра интересов, которые будут реализованы принятой к исполнению стратегией. Отсюда следует, что информационную базу такого анализа должна составлять только та информация, которая указывает на будущую перспективу.

С другой стороны, это не означает, что разработчики стратегии в своих научных изысканиях не берут в расчет прошлую информацию об отрасли как объекте стратегирования. Напротив, изучение ее основных характеристик и особенностей, траектории развития по которой осуществляется движение, в соответствии с принятой доктриной, также является важным в диагностировании исходного состояния стратегизируемого объекта и его текущего потенциала. Данный анализ в большей степени направлен на исследование прошлого, именно поэтому он выносится на более ранний этап стратегирования (рис. 1).

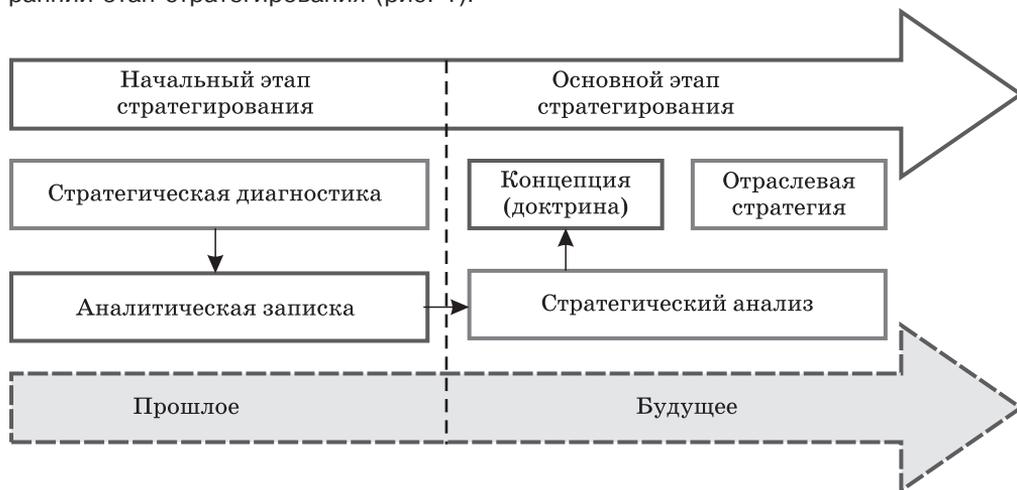

Рис. 1. Место стратегической диагностики объекта стратегирования в структуре разработки отраслевых стратегий

Fig. 1. Location of strategic diagnostics of the object of strategizing in the structure of development of industry strategies

Источник: составлено автором.

На начальном этапе стратегирования полезным и необходимым будет проведение стратегической диагностики отрасли как объекта стратегирования с целью позиционирования его в глобальной экономической системе и формирования первичного видения относительно исходного потенциала. Четкое понимание общей картины, внутренних стратегических факторов позволяет подготовить фундамент для последующей разработки творческих решений [41], конкретизировать цель разработки и реализации отраслевой стратегии, что является одним из ключевых аспектов в достижении долгосрочного успеха [39], а также сформулировать прочную систему стратегических принципов, на основе которой будет строиться и реализовываться будущая отраслевая стратегия.

Элементы стратегической диагностики

Глубина и направления изучения отрасли как будущего объекта стратегирования и отбор показателей, раскрывающих выбранные критерии, связаны с множеством определяющих факторов: причиной и целью разработки новой отраслевой стратегии, длиной горизонта стратегирования (среднесрочный, долгосрочный, сверхдолгосрочный), масштабностью (стратегирование отдельных направлений развития отрасли, стратегирование отрасли в целом, стратегирование межотраслевых взаимосвязей или группы отраслей), иерархичностью (межнациональный, национальный, региональный уровень в системе стратегий). Между тем, можно выделить общие элементы стратегической диагностики отрасли как объекта стратегирования (рис. 2).

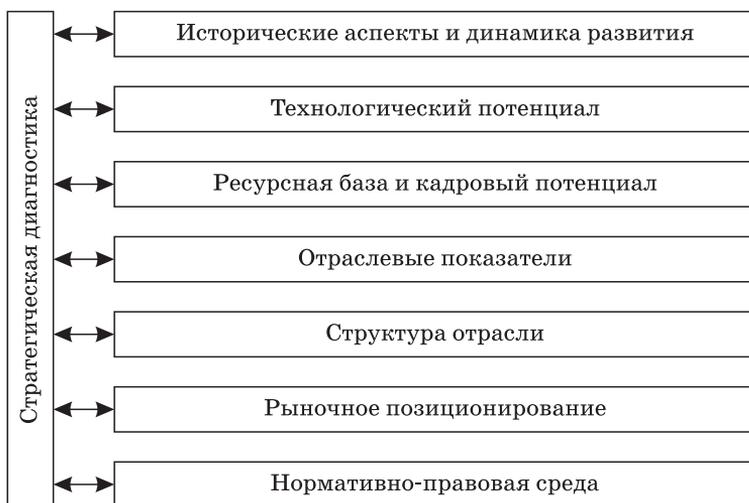

Рис. 2. Общие элементы стратегической диагностики отрасли как объекта стратегирования

Fig. 2. Common elements of strategic diagnostics of the industry as an object of strategizing

Источник: составлено автором.

Исторические аспекты и динамика развития

Изучение исторических аспектов и динамики развития отрасли позволяет проследить, как менялась ее роль и значение в развитии народного хозяйства [26], опре-

делить, какие ценности и интересы локализованы в отрасли, изучить и обобщить как позитивный, так и негативный опыт принятия тех или иных решений [29]. Рекомендуется провести следующие пункты анализа:

- изучение предпосылок, причин и особенностей возникновения отрасли;
- выявление групп интересов, связанных с отраслевой деятельностью, а также оценка их устойчивости в динамике;
- анализ динамики развития отрасли с выделением интервалов с высокими и низкими темпами роста, а также указанием причин, способствующих этому;
- оценка устойчивости отрасли по отношению к кризисным проявлениям и шокам;
- анализ принятых стратегических решений относительно развития отрасли и оценка их эффективности при сложившихся условиях.

Технологический потенциал

Изучение технологической среды и оценка технологического потенциала отрасли играют значимую роль в выстраивании будущих ориентиров ее развития [32]. В отраслевом стратегировании именно технологии и инновации позволяют генерировать наибольшую эффективность реализуемой отраслевой стратегии на протяжении всего стратегизируемого периода [5; 15; 30]. Поэтому, исследуя технологический потенциал отрасли, следует обратить внимание на:

- уровень технологической оснащенности;
- опыт имплементации технологий (в том числе передовых) и их влияние на развитие отрасли;
- наличие системы трансфера технологий и ее эффективность;
- уровень научно-технологической самостоятельности (доля зависимости от зарубежных технологий).

Ресурсная база и кадровый потенциал

Одним из первостепенных принципов каждой стратегии является ресурсообеспеченность [26]: только те стратегические приоритеты будут реализованы, которые подкреплены необходимыми ресурсами [28].

Все большее внимание уделяется развитию человеческого потенциала как фактора социального-экономического развития [36; 40; 42], отсюда необходимым становится анализ трудовых ресурсов, включая профессиональные кадры [20; 31] и уровень их компетентности [21]. Таким образом, по данному направлению стратегической диагностики отрасли можно отметить необходимость изучения следующих аспектов:

- уровень обеспеченности ресурсами (материальные, финансовые, технические и т. п.), в том числе устойчивость ресурсной базы на будущую перспективу;
- доступность к ресурсной базе (внутренние или внешние источники);
- кадровый потенциал.

Отраслевые показатели

Согласно основным положениям общей теории стратегии [38], отраслевое стратегирование не может быть абстрагировано от стратегий других уровней (национального, регионального, корпоративного и т. п.). В том числе от уровня интегрированности отраслевой стратегии в систему стратегий зависит как эффективность функционирования самой системы стратегий, так и каждого ее элемента в отдельности [17; 26; 30]. Прежде всего это отражается на достижении мультипликативного эффекта от принимаемых стратегических решений [25]. С этой позиции необходимо оценивать:

- влияние отрасли на экономическое развитие (городов, регионов, страны и т. п.);
- уровень интегрированности отрасли в экономику (национальный, региональный, межотраслевой, корпоративный уровень);
- вклад во внешнеторговую деятельность;
- уровень цифровизации (в том числе как инструмент организации горизонтальных и вертикальных взаимосвязей в системе стратегий).

Структура отрасли

Реализация стратегии развития отрасли, в конечном счете, происходит на уровне составляющей ее совокупности предприятий различного масштаба, территориального размещения, ресурсного обеспечения и возможностей [26]. Важно еще на раннем этапе стратегирования понимать, что способно составить основной базис реализации разрабатываемых стратегических приоритетов, это позволяет повысить практическую разрабатываемого документа отраслевой стратегии [19; 23]. Потенциальными направлениями исследования в данном разрезе являются:

- оценка вклада участников развития отрасли (вклад обеспечивает группа предприятий-лидеров или сбалансированное распределение);
- оценка способности отраслевых участников выступать драйверами исполнения будущей стратегии;
- анализ территориально-отраслевой структуры;
- изучение барьеров входа.

Рыночное позиционирование

Ключевая суть каждой стратегии (в том числе отраслевой) состоит в повышении качества жизни каждого человека за счет удовлетворения его потребностей и интересов [13]. Отсюда возникает необходимость определения групп основных потребителей продукции, производимой отраслью [39; 41], систематизация их интересов, а также оценка эффективности их обеспечения отраслью [3; 8]. Исследования данных аспектов могут включать в себя:

- определение ключевых потребителей и систематизацию их интересов;
- изучение ориентированности отрасли на внутренний и внешние рынки;
- анализ текущих рыночных возможностей и потенциал роста;
- оценку потенциальных конкурентов.

Нормативно-правовая среда

Отраслевая стратегия — отдельный и комплексный документ, декларирующий общий вектор развития отрасли и направления для каждого из ее элементов. Тем не менее каждая отрасль включена в экономику государства и призвана реализовывать как общественные, так и национальные интересы [33]. Как правило, национальные и региональные интересы ретранслируются в нормативно-правовых актах¹. В соответствии с этим для интегрированности отраслевой стратегии в общую систему

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 06.07.2021); Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/140/28/53/strategiya2030.pdf> (дата обращения: 06.07.2021); О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/571049329> (дата обращения: 06.07.2021).

стратегий необходим анализ существующих стратегических документов [26]. Требуется критическая оценка принимаемых и уже реализуемых документов, так как выстраивание отраслевых стратегий на транслируемых ложных векторах развития может привести к критической неудаче¹.

Итоговым результатом анализа по этому направлению становится понимание относительно текущей траектории развития, например, утвержденной на законодательном уровне в соответствующих документах, в каком нормативно-правовом поле оно достигается, какие факторы сдерживают и стимулируют достижение утвержденных ориентиров [1; 4; 17]. По данному направлению исследованию отрасли как объекта стратегирования следует:

- проанализировать реализуемые стратегические документы по развитию отрасли (стратегии, программы, проекты);
- изучить существующие нормативно-правовые акты, инструменты, механизмы (способствующие развитию отрасли или, наоборот, его ограничивающие).

Заключение

Таким образом, обоснована необходимость разделения анализа отрасли как объекта стратегирования на два этапа: *стратегическая диагностика* (изучение основных характеристик, особенностей, текущей траектории развития и потенциала) и *OTSW-анализ* (изучение объекта отраслевой стратегии с позиции поиска будущих перспектив, выбора вектора долгосрочного развития и формирования траектории движения по выбранному направлению). Указаны потенциальные элементы стратегической диагностики отрасли как объекта стратегирования и раскрыты ключевые аспекты каждого из направлений анализа.

Такой методологический подход позволяет систематизировать процесс сбора и анализа необходимой информации в процессе разработки и последующей реализации отраслевой стратегии, гарантируя принятие верных и обоснованных стратегических решений в период нестационарности, связанной с усилением существующих трендов, трансляцией глобальных тенденций на региональный и национальные уровни, зарождением новых трендов и их масштабизацией до мирового уровня, а также трансформацией условий и появлением новых стратегических факторов экономического развития.

Литература

1. Алимуратов М. К. Роль финансовых институтов в обеспечении реализации стратегических приоритетов Кузбасса // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 399–408.
2. Астапов К. Л. Роль трансформационных преобразований в стратегии развития крупных компаний // Финансы. 2019. № 11. С. 42–49.
3. Баженов О. В. Рыночное позиционирование предприятий медной промышленности. Современное состояние и динамика развития отрасли // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1–3. С. 445–451.
4. Белецкий А. А. Стратегические приоритеты судостроения рыбохозяйственного комплекса России // Управленческое консультирование. 2016. № 6. С. 62–72.
5. Быстров А. В., Ключин И. Н. Развитие трансфера технологий предприятий как фактор повышения экономической эффективности промышленного производства // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 17. С. 2461–2472.
6. Быстров А. В. Форсайт как инструмент промышленного стратегического развития // Экономика в промышленности. 2019. Т. 12, № 3. С. 248–255.

¹ Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития? // Журнал «Огонек» № 10 от 18.03.2019. С. 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3908584> (дата обращения: 06.07.2021).

7. Гамидуллаева Л. А., Толстых Т. О. Реализация кросс-отраслевых проектов на принципах экосистемности как новый вектор инновационного развития // *Инновации*. 2020. № 8. С. 65–74.
8. Гринченко М. Д. Анализ стратегических тенденций развития мясной промышленности России // *Управленческое консультирование*. 2021. № 1. С. 117–126.
9. Карасев О. И. Форсайт как инструмент определения стратегических приоритетов развития нефтегазовой отрасли в России // *Вестник ВГУ. Сер.: Экономика и управление*. 2019. № 4. С. 44–49.
10. Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований «Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте», 2021. 351 с.
11. Квинт В. Л., Сасаев Н. И., Хворостяная А. С. Стратегирование российской индустрии бутилированной воды: тренды, приоритеты и принципы // *Экономическое возрождение России*. 2021. № 2 (68). С. 20–33.
12. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 2 (Сер. «Библиотека стратега»). СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020. 164 с.
13. Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // *Экономика в промышленности*. 2020. Т. 13, № 3. С. 290–299.
14. Квинт В. Л., Окрепилов В. В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // *Вестник Российской академии наук*. 2014. Т. 84, № 5. С. 412–424.
15. Квинт В. Л., Хворостяная А. С., Сасаев Н. И. Авангардные технологии в процессе стратегирования // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26, № 11. С. 1170–1179.
16. Козырев А. А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // *Экономика в промышленности*. 2020. Т. 13, № 4. С. 434–447.
17. Кудряшова К. Л. Стратегические тенденции и приоритеты развития аквакультуры в России // *Управленческое консультирование*. 2018. № 1. С. 126–131.
18. Мирзиеева С. Ш. Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 184 с.
19. Мирзиеева С. Ш. Обоснование стратегической приоритетности отраслей в структуре экономики Узбекистана // *Экономика в промышленности*. 2019. Т. 12, № 1. С. 4–17.
20. Новикова И. В. Стратегирование занятости населения как механизм минимизации ее неустойчивости // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. Т. 14, № 2. С. 71–77.
21. Новикова И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия // *Экономика в промышленности*. 2018. Т. 11, № 4. С. 318–326.
22. Новикова И. В. Стратегические приоритеты формирования достойной жизни в Кузбассе // *Экономика в промышленности*. 2020. Т. 13, № 3. С. 308–317.
23. Проворная И. В. Устойчивые тенденции развития нефтепереработки в России: региональная и организационная структура отрасли // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2019. № 1. С. 20–30.
24. Садовнича А. В. Кризис: угрозы и возможности. Влияние пандемии на стратегию развития индустрии международных промышленных выставок // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Т. 223, № 3. С. 400–405.
25. Сасаев Н. И. Первичная оценка экономической эффективности стратегических направлений развития газовой отрасли России // *Экономика и математические методы*. 2020. Т. 56. № 2. С. 52–65.
26. Сасаев Н. И. Теоретические основы и методология разработки стратегии развития газовой отрасли России. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 176 с.
27. Сасаев Н. И. Фундаментальная основа для формирования новой культуры стратегирования // *Экономика в промышленности*. 2021. Т. 14, № 2. С. 153–163.
28. *Стратегирование водных ресурсов Кузбасса*: монография / под науч. ред. В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. 388 с.: ил. (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).
29. *Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности в Кузбассе*: монография / под науч. ред. В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. 373 с.
30. *Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса*: монография / под науч. ред. В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. 364 с.

31. *Фадеев А. М.* Кадровое обеспечение реализации шельфовых проектов в Арктике как эффективный инструмент стратегического управления нефтегазовым комплексом // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2. С. 16–25.
32. *Филатов В. В.* Модель развития промышленного комплекса России на основе регулирования рынка инноваций отраслевой экономической системы // Инновации и инвестиции. 2016. № 12. С. 208–211.
33. *Цивилев С. Е.* Кузбасс 2035: национальные интересы и стратегические приоритеты развития региона // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13, № 3. С. 281–289.
34. *Череповицын А. Е.* Методические подходы к сценарному планированию в минерально-сырьевом комплексе // Проблемы развития территории. 2017. № 6. С. 53–67.
35. *Шаклеин К. И.* Мониторинг глобальных и национальных потребительских трендов — важный этап стратегирования (на примере отрасли кролиководства) // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 154–164.
36. *Aganbegyan A. G.* Investments in fixed assets and human capital: Two interconnected drivers of socioeconomic growth // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28, N 4. P. 361–363.
37. *Kvint V. L.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
38. *Kvint V. L.* Konzepte der Strategie: Impulse für Führungskräfte. Munchen : UVK Verlag, 2021. 128 p.
39. *Morita A.* et al. Made in Japan: Akio Morita and Sony. New York : Dutton, 1986.
40. *Nelson R. R., Phelps E. S.* Investment in humans, technological diffusion, and economic growth // The American economic review. 1966. Vol. 56. N 1/2. P. 69–75.
41. *Ohmae Kenichi.* The Mind of the Strategist: The Art of Japanese Business. United Kingdom, McGraw-Hill Education, 1982. 283 p.
42. *Phelps E. S.* Mass flourishing: How grassroots innovation created jobs, challenge, and change. Princeton University Press, 2013.

Об авторе:

Сасаев Никита Игоревич, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук, msemsu@mail.ru

References

1. Alimuradov M. K. The role of financial institutions in ensuring the implementation of the strategic priorities of Kuzbass / M. K. Alimuradov, K. L. Astapov, K. G. Wenger, M. K. Khabekova // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13. N 3. P. 399–408. (In rus).
2. Astapov K. L. The role of transformational transformations in the development strategy of large companies // Finance [Finansy]. 2019. N 11. P. 42–49. (In rus).
3. Bazhenov O. V. Market positioning of copper industry enterprises. Current state and dynamics of industry development // Economics and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2014. N 1-3. P. 445–451. (In rus).
4. Beletsky A. A. Strategic priorities of shipbuilding of the Russian fisheries complex // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 6. P. 62–72. (In rus).
5. Bystrov A. V., Klyukin I. N. Development of transfer of enterprise technologies as a factor in increasing the economic efficiency of industrial production // Russian entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2017. Vol. 18. N 17. P. 2461–2472. (In rus).
6. Bystrov A. B. Foresight as an instrument of industrial strategic development // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2019. Vol. 12, N 3. P. 248–255. (In rus).
7. Gamidullaeva L. A., Tolstykh T. O. Implementation of cross-industry projects on the principles of ecosystem as a new vector of innovative development // Innovation [Innovatsii]. 2020. N 8. P. 65–74. (In rus).
8. Grinchenko M. D. Analysis of strategic trends in the development of the meat industry of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 1. P. 117–126. (In rus).
9. Karasev O. I. Foresight as a tool for determining strategic priorities for the development of the oil and gas industry in Russia / O. I. Karasev, E. I. Mukanina, S. S. Trostyansky, A. V. Beloshitsky // VSU Bulletin. Series: Economics and Management [Vestnik VGU. Ser.: Ekonomika i upravlenie]. 2019. N 4. P. 44–49. (In rus).

10. Kvint V.L., Bodrunov S.D. The strategy for the transformation of society: knowledge, technology, nonomics. St. Petersburg: Association S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, 2021. 351 p. (In rus).
11. Kvint V.L., Sasaev N.I., Hvorostyanaya A.S. Strategy of the Russian bottled water industry: trends, priorities and principles // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2021. N 2 (68). P. 20–33. (In rus).
12. Kvint V.L. Strategizing concept. Vol. 2 (Series “Strategist’s Library”). St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2020. 164 p. (In rus).
13. Kvint V.L. Theoretical foundations and methodology of Kuzbass strategy as the most important industrial region of Russia // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13, N 3. P. 290–299. (In rus).
14. Kvint V.L., Okrepilov V.V. Quality of life and values in national development strategies // Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2014. Vol. 84, N 5. P. 412–424. (In rus).
15. Kvint V.L., Hvorostyanaya A.S., Sasaev N.I. Avant-garde technologies in the process of strategy // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2020. Vol. 26, N 11. P. 1170–1179. (In rus).
16. Kozyrev A.A. Studying the methodological foundations of the strategy of socio-economic development // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13, N 4. P. 434–447. (In rus).
17. Kudryashova K.L. Strategic trends and priorities of aquaculture development in Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 1. P. 126–131. (In rus).
18. Mirziyoyeva S.Sh. Methodological foundations for the strategy of socio-economic development of Uzbekistan. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2020. 184 p. (In rus).
19. Mirziyoyeva S.Sh. Substantiation of strategic priority of industries in the structure of the economy of Uzbekistan // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2019. Vol. 12, N 1. P. 4–17. (In rus).
20. Novikova I.V. The strategy of employment of the population as a mechanism to minimize its instability // Living standards of the population of the regions of Russia [Uroven' zhizni naseleeniya regionov Rossii]. 2018. Vol. 14, N 2. P. 71–77. (In rus).
21. Novikova I.V. Strategic management of the enterprise’s labor resources // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2018. Vol. 11, N 4. P. 318–326. (In rus).
22. Novikova I.V. Strategic priorities for the formation of a decent life in Kuzbass / I.V. Novikova, K.V. Boyko, Yu.V. Dudovtseva, V.A. Ovchinnikov // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13, N 3. P. 308–317. (In rus).
23. Provornaya I.V. Stable trends in the development of oil refining in Russia: regional and organizational structure of the industry / I.V. Provornaya, L.V. Eder, I.V. Filimonova, V.Yu. Nемов // Problems of economics and management of the oil and gas complex [Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom]. 2019. N 1. P. 20–30. (In rus).
24. Sadovnichaya A.V. Crisis: threats and opportunities. The impact of the pandemic on the strategy for the development of the industry of international industrial exhibitions // Scientific works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2020. Vol. 223, N 3. P. 400–405. (In rus).
25. Sasaev N.I. Primary assessment of the economic efficiency of strategic directions for the development of the gas industry of Russia // Economics and mathematical methods [Ekonomika i matematicheskie metody]. 2020. Vol. 56. N 2. P. 52–65. (In rus).
26. Sasaev N.I. Theoretical foundations and methodology for developing a strategy for the development of the Russian gas industry. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2019. 176 p. (In rus).
27. Sasaev N.I. Fundamental basis for the formation of a new strategy culture // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2021. Vol. 14, N 2. P. 153–163. (In rus).
28. Strategy of water resources of Kuzbass: monograph / under scientific. ed. V.L. Kvint. Kemerovo: Kemerovo State University, 2021. 388 p. (Kuzbass Strategy Library). (In rus).
29. Strategy of the tourism industry and exhibition and fair activities in Kuzbass: monograph / scientific. ed. V.L. Kvint. Kemerovo: Kemerovo State University, 2021. 373 p. (In rus).
30. Strategy of economic and investment development of Kuzbass: monograph / scientific. ed. V.L. Kvint. Kemerovo: Kemerovo State University, 2021. 364 p. (In rus).
31. Fadeev A.M. Personnel support for the implementation of offshore projects in the Arctic as an effective tool for strategic management of the oil and gas complex / A.M. Fadeev, A.E. Cherepovitsyn, F.D. Larichkin, A.Yu. Tsvetkova // North and market: formation of economic order [Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2018. N 2. P. 16–25. (In rus).

32. Filatov V.V. Model of the development of the industrial complex of Russia based on the regulation of the innovation market of the sectoral economic system // Innovation and investment [Innovatsii i investitsii]. 2016. N 12. P. 208–211. (In rus).
33. Tsvilev S.E. Kuzbass 2035: national interests and strategic priorities for the development of the region // Economics in industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13, N 3. P. 281–289. (In rus).
34. Cherepovitsyn A.E. Methodological approaches to scenario planning in the mineral raw materials complex / A.E. Cherepovitsyn, F.D. Larichkin, V.D. Novoseltseva, A.M. Fadeev, L.I. Goncharova // Problems of territory development [Problemy razvitiya territorii]. 2017. N 6. P. 53–67. (In rus).
35. Shaklein K.I. Monitoring of global and national consumer trends is an important stage of strategy (using the example of the rabbit management industry) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 7. P. 154–164. (In rus).
36. Aganbegyan A.G. Investments in fixed assets and human capital: Two interconnected drivers of socioeconomic growth // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28, N 4. P. 361–363.
37. Kvint V.L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
38. Kvint V.L. Konzepte der Strategie: Impulse für Führungskräfte. Munchen : UVK Verlag, 2021. 128 p.
39. Morita A. et al. Made in Japan: Akio Morita and Sony. New York : Dutton, 1986.
40. Nelson R. R., Phelps E. S. Investment in humans, technological diffusion, and economic growth // The American economic review. 1966. Vol. 56. N 1/2. P. 69–75.
41. Ohmae Kenichi. The Mind of the Strategist: The Art of Japanese Business. United Kingdom, McGraw-Hill Education, 1982. 283 p.
42. Phelps E. S. Mass flourishing: How grassroots innovation created jobs, challenge, and change. Princeton University Press, 2013.

About the author:

Nikita I. Sasaev, Associate Professor of Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University Moscow School of Economics (Moscow, Russia), PhD in Economics; msemu@mail.ru

Особенности развития современного финского феминистического движения

Погодин С. Н. *, Саблина М. А.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *pogodin56@mail.ru

РЕФЕРАТ

Финское государство создало для своих женщин высокий уровень социальной защиты. Благодаря социальной поддержке финские женщины стали экономически независимыми и получили возможность личного и профессионального развития. Гендерное равноправие неразрывно связано с демократией, правами человека и социальной справедливостью. Финское государство активно поддерживает женское движение и, в частности, феминистические организации. Процесс вовлечения женщин в политику протекал довольно медленно. В Финляндии действует первая феминистская партия «Feministinen puolue».

Ключевые слова: права женщин, феминизм, вторая и третья волны феминистического движения, общество всеобщего благоденствия, Финляндия, феминистические организации, политические партии

Для цитирования: Погодин С. Н., Саблина М. А. Особенности развития современного финского феминистического движения // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 69–78.

Features of the Development of the Modern Finnish Feminist Movement

Sergey N. Pogodin*, Marina A. Sablina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; *pogodin56@mail.ru

ABSTRACT

The Finnish state has created a high level of social protection for its women. Thanks to social support, Finnish women have become economically independent and have been given the opportunity for personal and professional development. Gender equality is inextricably linked to democracy, human rights and social justice. The Finnish state actively supports the women's movement and in particular feminist organizations. The process of involving women in politics was slow. The first feminist party, Feministinen puolue, is active in Finland.

Keywords: women's rights, feminism, second and third waves of the feminist movement, welfare society, Finland, feminist organizations, political parties

For citing: Pogodin S. N., Sablina M. A. Features of the Development of the Modern Finnish Feminist Movement // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 69–78.

Введение

Развитие модели государства всеобщего благоденствия в 60-х годах XX в. способствовало тому, что женщины стали вовлекаться в трудовую деятельность и стали активными членами общественной жизни Финляндии. Финское государство создало для своих женщин высокий уровень социальной защиты. Благодаря социальной поддержке, финские женщины стали экономически независимыми и получили возможность личного и профессионального развития. Финское государство

можно считать «государством, с благоприятными условиями для женщин» («a women-friendly state») [13].

Таким образом, целью данного исследования является анализ особенностей развития современного финского феминистского движения, его влияние на социальную и политическую жизнь финского общества.

Материалы и методы

В работе были использованы теоретические материалы ряда зарубежных и отечественных авторов, исследовавших этапы развития феминистского движения как в общем мировом пространстве, так, в частности, и в Финляндии. Особый интерес представляет проблема гендерного равноправия в социальной и политической сфере жизни, пути ее решения в финском обществе.

Обсуждение

Гендерное равноправие неразрывно связано с демократией, правами человека и социальной справедливостью. Гендерный баланс в Финляндии рассматривается как главное условие современной демократии [9]. В политической системе было достигнуто согласие по гендерному равенству и наличие в обществе политической культуры [17, с. 21]. «Типичным для политической культуры страны, — считают финские исследователи Перти Песонен и Олави Риихинен, — является устойчивое требование справедливого и равного отношения ко всем гражданам. В силу открытости общества и прозрачности властных структур трудно скрыть от общественности какие-либо подковерные тайны» [6, с. 21].

Финское государство активно поддерживает женское движение и рассматривает «равноправие не только с точки зрения расширения прав и возможностей участия в экономической и политической жизни женщин, но и более широко — как изменение традиционной роли полов в обществе» [17, с. 152]. В Финляндии преобладает точка зрения, что «общество может развиваться в демократическом направлении, когда принимаются во внимание компетентность, знания, жизненный опыт как женщин, так и мужчин, и что это положительно влияет на развитие всех сфер общества» [14, с. 22]. Гендерное равенство в Финляндии тесно связано с моделью государства всеобщего благосостояния¹.

В Финляндии действует большое количество феминистских или профеминистских организаций, есть государственные организации и неправительственные, а также действуют филиалы международных организаций. Некоторые организации ставят своей задачей борьбу за права финских женщин, другие выступают за мультикультурные идеалы. Их деятельность охватывает представителей всех национальностей Финляндии. Деятельность некоторых сводится к социальным и просветительским вопросам, другие уделяют большое внимание политической сфере.

Долгое время феминизм не играл самостоятельной идеологической роли в политической сфере [10]. Он рассматривался во многих теориях в ракурсе дихотомии «мужчина — женщина», либо как разновидность либерализма, в основе которого заложено либеральное политическое мышление и гражданское общество, либо как разновидность социализма [4]. Эти теории можно соотнести с политической проблематикой гендера. Со временем феминизм стал завоевывать все новые и новые слои общества, его популярность росла, и ситуация стала меняться. Лидеры дви-

¹ Julkunen R. Women's Rights in Finland — the Ascendancy of Citizen's rights. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://virtual.finland.fi/finfo/english/women/women.html> (дата обращения: 15.03.2020).

жения стали осознавать необходимость активного участия в политической деятельности государства.

С 60-х годов XX в. началась вторая волна феминизма. В отличие от первой волны феминистского движения [3], ставящей перед собой задачу преодоления неравенства на уровне законодательства, представители второй волны выступали за решение широкого спектра проблем, связанных с неравенством на работе, в семье, в сексуальной сфере¹. Американская феминистка Кэрол Ханиш выдвинула лозунг «Личное — это политическое» («The Personal is Political») [19, с. 153]. Лозунг стал своеобразным лейтмотивом второй волны феминизма [11, с. 416]. Его смысл заключался в том, что различные формы культурного и политического неравенства женщин неразрывно связаны между собой. Лидеры феминистского движения призывали женщин к осознанию факта, что их личная жизнь глубоко политизирована.

В середине XX в. политическая активность женщин была очень низкой. Тем не менее, 12% женщин работали в финском парламенте. Если учесть, что в это же время в шведском парламенте было 10, а в норвежском — всего 5%, у финского парламента были самые высокие данные. К середине 60-х годов XX в. в этих странах показатели выросли. Так, в финском парламенте до 17, в шведском — до 13, а в норвежском — до 6%. Следует отметить, что даже в настоящее время многие страны не имеют таких результатов.

К 60-м годам созданные ранее финские женские организации продолжали свою деятельность, однако численность женщин существенно сократилась. Этот факт во многом объяснялся возрастными изменениями. Новое поколение не соглашалось с прежними требованиями феминистских организаций, что привело к созданию новых организаций с новыми требованиями, отвечающими духу времени [18].

В 1964 г. группа финских студенток высказалась против неудовлетворительного статуса женщин в обществе. На следующий год возникло объединение, включавшее как девушек, так и юношей, получившее название «Ryhmä 9» («Group 9»). Целью объединения стали вопросы равенства как женщин, так и мужчин. Достижение данной цели не заставило себя долго ждать, и в 1966 г. появилась организация с названием «Organisaatio 9» («Organization 9»). Она насчитывала 700 членов, в основном это были студенты и работники сферы образования, при этом 28% составляли мужчины. Участие мужчин в организации подчеркивало особый характер финского феминизма. Он заключался в том, что в идеях равенства доминировал тезис не столько «женщины к мужчине», сколько «человека к человеку». Участие мужчин в организации говорило о недовольстве их своим положением в обществе и новом распределении гендерных ролей [15]. Организация определила свою деятельность в либеральном направлении. Она сотрудничала с «Движением за мир», «Радикальным литературным движением» и другими организациями, обеспокоенными вопросами социальной жизни финского общества.

Организации второй волны финского феминизма пытались отойти от политики и действовать как нейтральные, независимые акторы. Их главной целью стало улучшение статуса женщины в обществе. Однако такого курса придерживаться удавалось недолго. Стало ясно, для качественных изменений в положении женщин можно добиться только вовлеченными в политику. В начале создания организации «Organisaatio 9» около 70% ее членов не состояли в политических партиях, а к 1968 г. их количество сократилось до 20% [15].

Приоритетами финского феминистского движения второй волны во второй половине XX в. стали социальные вопросы. В центре внимания стали: право замужней

¹ Women's rights movement. Political and Social movement // Encyclopædia Britannica Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/event/womens-movement/Successes-and-failures> (дата обращения: 20.02.2020).

женщины работать полный день, доступность детских садов для более широких слоев населения, разделение домашнего труда между супругами. Для привлечения общественности к данным вопросам участники феминистских организаций выступали на публичных дебатах и проводили семинары. Постепенно женское движение обратилось к исследовательской модели поведения, поскольку большая часть его членов были студенты и преподаватели.

Активная деятельность финских женских организаций привела к принятию новых, усовершенствованных законов в 1970, 1973 и 1988 гг., по вопросам женского найма на работу, доступности детских садов и разделения домашнего труда. Идея равноценного распределения труда между супругами обрела популярность. Количество работающих замужних женщин возросло с 34 в 1950 до 71% в 1980 г. В 60–70-е годы был принят ряд законов относительно декретного или родительского отпуска по уходу за ребенком. Отпуск с равным успехом могли получить как женщины, так и мужчины [15].

В начале 70-х годов XX в. в Финляндии становятся популярными идеи американского феминистского движения. Огромный поток литературы из США, поездки за границу оказали существенное влияние на мировоззрение финских феминисток. В эти годы создаются первые феминистские ассоциации: *The Red Wives* и *Marxist-Feminists*¹.

Феминизм в Финляндии развивался в двух направлениях. С одной стороны, феминистические ассоциации выполняли роль информационных служб и занимались просветительской деятельностью. С другой стороны, привлекали в свои ряды заинтересованных женщин в идеях феминизма. Препятствие на пути к членству в организации, по мнению активисток феминизма, было в том, что это были организации, а не движение. Однако, на данном этапе развития феминизма, организации имели большее влияние, о чем говорил факт увеличения членов организации «*Unioni Naisasialiitto*» (*Women's Union*) [15].

«*Unioni Naisasialiitto*» феминистская неправительственная ассоциация, или союз независимых женских групп. Суви Салменниemi охарактеризовала деятельность финского феминистского движения: «Женские движения исполняют функцию медиатора-посредника, вывода потребности и желания индивидуальных женщин на государственный уровень принятия решений» [5, с. 308]. Целью «*Unioni Naisasialiitto*» является достижение гендерного равенства и искоренение дискриминации в финском обществе. Организация обладает большим политическим влиянием и использует его на изменение законодательства, путем социального диалога². Главным методом деятельности организации является принцип сплочения мужчин и женщин для расширения возможностей и полномочий женщинам в обществе. Официальный статус феминистской организации «*Unioni Naisasialiitto*» получила в 70-х годах, когда идеи феминизма стали особенно популярны в Финляндии. Источником информации о деятельности «*Unioni Naisasialiitto*» и актуальные вопросы феминизма освещаются на страницах журнала «*Tulva*»³.

В восьмидесятые годы «*Unioni Naisasialiitto*» проводила широкую кампанию по вовлечению женщин в политику. Кампания проходила под феминистским лозунгом — «Женщина! Голосуй за женщину!». Результатом кампании стало увеличение женщин в муниципальных советах: если в 1984 их доля составляла 25, то в 1988 — 27, а в 1992 — 30 и в 1996 г. — 31,4% [8].

¹ Гурнак А. В. Причины раскола феминистического движения США в конце XX века // Социодинамика. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19812 (дата обращения: 23.03.2020).

² *Unionin historiaa // Unioni*. 2017. 03 Heinäkuuta [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naisunioni.fi/historia/> (дата обращения: 12.04.2020).

³ *Tulva* [Электронный ресурс]. URL: <https://tulva.fi/> (дата обращения: 10.04.2020).

Следует отметить, что в 2019 г. «Unioni Naisasialiitto» опубликовала свою новую политическую Программу «Naisasialiitto Unioni poliittinen ohjelma», которая была одобрена на общем собрании организации 23 ноября 2019 г.¹ Целями Программы являются: право распоряжаться своим телом — соматическое право; право выбора сексуальной ориентации; равноправие в сфере труда; равноправие в семье; достойная старость для всех; право на дошкольное воспитание; равноправная и безопасная школа; предотвращение насилия; проведение безопасной политики феминизма; феминистская политика среди эмигрантов; запрет на торговлю людьми, — все это подтверждает высокую активность организации и ее членов и в настоящее время.

В 1986 г. Финляндия ратифицировала конвенцию ООН о ликвидации всех дискриминаций в отношении женщин и стала первым в мире государством, учредившем должность омбудсмана по вопросам равенства. Главная задача финского омбудсмана заключается в надзоре за соблюдением положений закона о гендерном равноправии и в запрете гендерной дискриминации². ООН и Европейский союз активно поддерживали политику Финляндии в области гендерного равенства и ликвидации дискриминации.

Феминистское движение в конце XX в. столкнулось не просто с вопросом равенства возможностей женщин, а с вопросом результата реализации этих возможностей. Эти годы стали знаковыми в истории становления женщины в политике Финляндии. Большое количество женщин заняло ведущие места в различных государственных учреждениях. В 1990 г. Элизабет Рен становится министром обороны, в 1991 г. Сирпа Петикайнен избрана министром окружающей среды, а в 1992 г. впервые женщина избирается директором Банка Финляндии, им становится Сиркка Хямляйнен. В 1995 г. Ханнеле Покка становится Постоянным секретарем Министерства окружающей среды, Туула Линнайнема избрана на пост министра транспорта, а Лиса Яаконсаари избрана министром труда [12].

Вопрос о количественном составе участия мужчин и женщин в политической сфере был решен в 1995 г. с принятием закона о равенстве мужчин и женщин (Laki naisten ja miesten välisestä tasa-arvosta) [5, с. 311], в котором государственные органы должны иметь 40% и больше женщин и мужчин [7].

Тарья Халонен, член Социал-демократической партии, была избрана президентом в 2000 г. Ее высокая популярность на посту главы государства была не только в самой Финляндии, что позволило ей переизбраться на второй срок в 2006 г., но и среди глав других государств. Так, в 2009 г. Тарья Халонен, по версии журнала Forbes, признана самой влиятельной женщиной в мире. Как профессиональный юрист и политик Тарья Халонен успешно занималась и вопросами дискриминации финских женщин, в частности, ее позиция в этом вопросе способствовала проведению исследования по гендерному равноправию в управлении обороны³.

В 2001 г. был учрежден орган для координации и подготовки государственной политики в области равенства — Отдел по вопросам равенства (TASA-ARVOYKSIKKÖ — TASY), который был введен в подчинение Департамента экономики и планирования Министерства социального обеспечения и здравоохранения. В обязанности подраз-

¹ Unioni Naisasialiitto. Naisasialiitto Unionin poliittinen ohjelma // Unioni. 2019. 12 joulukuuta [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naisunioni.fi/poliittinen-ohjelma/> (дата обращения: 12.03.2020).

² Финляндия: V периодический доклад о выполнении КЛОДЖ (2003) // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : МАКС Пресс, 2008.

³ Yöstalo H. Sukupuolinäkökulman valtavirtaistaminen puolustushallinnossa // puolustusministeriö. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.defmin.fi/files/2670/sukupuolinakokulman_vavi_raportti.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

деления TASY входила подготовка соответствия национального законодательства по вопросам гендерного равенства с законодательством и политикой Европейского Союза в области равенства, а также международного права; координация работы министерств по вопросам равенства и актуализация гендерной проблематики в государственном управлении [2].

В 2007 г. правительство, возглавляемое премьер-министром Мари Кивиниеми, приняло комплексную и практическую программу по продвижению гендерного равенства. Базой программы являлась реализация политики правительства в области гендерного равенства на основе прав человека. За реализацию программы ответственность возлагалась полностью на правительство.

С 1998 г. в «Барометре гендерного равенства Финляндии» и до настоящего времени регулярно публикуются отчеты на основе общественных мнений, взглядах различных целевых аудиторий по вопросу гендерного равенства, регулярно публикуются и научные исследования по этому вопросу, — все это показывает степень ответственности и отношения государственных и общественных институтов Финляндии к этому вопросу. В 2019 г. была принята «Программа гендерного равенства Правительства Финляндии на 2020–2023 годы»¹.

В 2003 г. премьер-министром стала Аннели Яаттенмяки, в 2010 г. — Мари Кивиниеми. Из 19 членов кабинета министров — 12 женщин (63%) [16, с. 50]. В Парламенте Финляндии в 2018 г. женщины составляли 42%. В нынешнем финском парламенте 47% депутатов — женщины. Это второй результат после Швеции (47,3%)².

В июне 2019 г., после парламентских выборов в Финляндии, министрами стали представительницы многих политических партий, таких как: партия Зеленая Лига — 2, Шведский народ — 1, Социал-демократическая партия — 4, партия Левый альянс — 2; партия Центр — 2³.

Из двухсот высокопоставленных государственных служащих Финляндии 34 женщины, или 18,2%. Среди вторых по значимости государственных должностей: заведующие департаментами, агентствами, директора отделов и подразделений министерств, доля женщин увеличилась с 16,5 в 1997 до 31% в 2010 г. Женщины составляют 45% среди экспертов, работающих в государственных органах управления. Кадры государственных служащих разного уровня состоят на 48% из женщин⁴.

В современной Финляндии наблюдается процесс увеличения числа женщин в церковной системе. В 2009 г. доля работающих в пастырской службе достигла 64% [16, с. 47].

Многие финские партии уделяют большое внимание интересам женщин. В составе многих партий определенную часть составляют женщины, так, например, в «Партии Центра» женская секция в конце XX в. составляла до 60 тыс. членов [1, с. 208]. В Финляндии широко распространены гендерно-смешанные партии. Жен-

¹ Suomi Tasa-arvon kärkimaaksi hallituksen Tasa-arvo-ohjelma 2020-2023 valtioneuvoston periaatepäätös [Электронный ресурс]. URL: [https://stm.fi/documents/1271139/20825107/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf/abc3b771-8611-8b85-937d-34531e90f712/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf?t=1593156652563](https://stm.fi/documents/1271139/20825107/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf/abc3b771-8611-8b85-937d-34531e90f712/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf/Valtioneuvoston_periaatep%C3%A4%C3%A4t%C3%B6s_hallituksen_tasa-arvo-ohjelma_2020-2023+.pdf?t=1593156652563) (дата обращения: 18.05.2021).

² Naiset kansanedustajina. Eduskunta [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eduskunta.fi/FI/naineduskuntatoimii/kirjasto/aineistot/yhteiskunta/historia/naisten-aanioikeus-110-vuotta/Sivut/naiset-kansanedustajina.aspx> (дата обращения: 15.05.2021).

³ Pääministeri Sanna Marinin hallitus. Valtioneuvosto [Электронный ресурс]. URL: <https://valtioneuvosto.fi/marinin-hallitus/ministerit> (дата обращения: 24.05.2021).

⁴ The Government approved a Report on Gender Equality // 2010. 21 October [Электронный ресурс]. URL: <http://stm.fi/pressreleases/pressrelease/view/1538019en> (дата обращения: 15.02.2020).

щины занимают важное место в партийной деятельности («Vihreä liitto»), а некоторые партии состоят преимущественно из женщин («Vihreät Naiset»). В Финляндии не существовало политической партии, которая бы избрала своей идеологией феминизм и целенаправленно работала в данном направлении.

В июне 2016 г. была создана первая в Финляндии феминистская партия «Feministinen puolue». Однако официально она была внесена в реестр политических партий только в 2017 г. Идеология партии заключается не только в избранном ею политическом курсе, но и во внутренней структуре партии. Первоначально партию должны были возглавлять три человека, такое решение было принято с учетом коллегиальности управления партией. Однако комиссия по регистрации политических партий не одобрила это решение, считая, что руководителем должно быть только одно лицо. Было принято решение о назначении председателем партии Катью Аро, заместителем председателя стала Катрина Росаваара. Кроме этих двух руководителей, правление партии состоит из девяти членов и девяти заместителей. Такой состав партии представляет собой горизонтальную структуру власти и все члены внутри нее равны.

Идеология «Feministinen puolue» строится на следующих принципах: гендерное равенство, антидискриминация и безопасность человека. Партия выступает за установление равной заработной платы для всех работников в одной и той же сфере труда, сокращение рабочего дня и увеличение пенсий для пенсионеров, трудившихся на протяжении всей жизни¹.

Стать членом «Feministinen puolue» может любой гражданин, заинтересованный в феминистическом движении и заполнивший форму на официальном сайте партии. Политическая программа партии построена с учетом интересов всех групп населения, особое внимание уделяется меньшинствам и дискриминируемым группам. Такое положение является достаточно значимым для финского феминизма, поскольку в финском обществе уровень всеобщего равенства выше статуса движения за права и свободы женщин. На первом месте права человека вне зависимости от его пола, возраста, цвета кожи, сексуальной ориентации, наличия гражданства, каких-либо физических или психологических отклонений от нормы.

Отличительной особенностью программных установок «Feministinen puolue» является озабоченность решением общих и глобальных проблем в масштабах Финляндии. Партия подготовила программу «Город для всех». Программа предусматривает ряд урбанистических реформ, состоящих из разделов: «Город — дом для всех», «Город не знает границ», «Город также принадлежит женщинам и молодежи». Цель программы — улучшение качества жизни и комфорта всех людей, находящихся на территории Финляндии. В проекте предлагаются идеи предоставления образования и медицинской помощи вне зависимости от социального статуса и наличия гражданства, обустройство городов недостающими инфраструктурными единицами и так далее².

«Feministinen puolue» разработала экономический план развития страны. План учитывает современные реалии и построен на принципах повышения статуса Финляндии как страны всеобщего благосостояния и предусматривает увеличение средств на финансирование образования, медицины, сферы человеческих ресурсов. Однако на данный момент у партии нет четкого плана внешнеполитического экономического сотрудничества. Партия намерена провести изменения в институтах общественной безопасности и в целом выйти на пацифистский политический курс³.

¹ Feministinen Puolue [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feministinenpuolue.fi/eng/> (дата обращения: 13.03.2020).

² Kaikien Kaupunki // Feministinen Puolue [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feministinenpuolue.fi/kuntavaaliohjelmia> (дата обращения: 13.03.2020).

³ Feministisen puolueen yleisohjelma Puolue [Электронный ресурс]. URL: https://static1.squarespace.com/static/5752c3e57c65e467139063f0/t/584fe6a49de4bbb88e8e34f9/1481631397690/F_P_yleisohjelma.pdf (дата обращения: 13.03.2020).

На муниципальных выборах 2017 г. «Feministinen puolue» выдвинула 40 своих кандидатов по девяти позициям. По всей стране партия получила 6856 голосов или 0,3% от числа всех принявших участие в голосовании. Этот результат обеспечил «Feministinen puolue» одно место в городском совете Хельсинки.

Активное проникновение в общество либеральных идей порождало либеральные настроения. Осознание гендерного неравенства подталкивало женщин к объединению в группы, ассоциации, союзы, защищающих их права, добиваться равных прав с мужчинами. Но у этих групп, ассоциаций и союзов было незначительное или не было совсем влияния на решение проблемных вопросов положения женщин в обществе в государственных структурах. Такая ситуация подтолкнула к решению создать партию «Feministinen puolue» и тем самым иметь возможность реально влиять на политику государства в отношении гендерного равенства. Партия за короткий период стала популярной и на последних парламентских выборах 2019 г. набрала 6669 голосов, стала заметной в общественной жизни Финляндии. Это говорит о том, что общество нуждается в изменениях и идеях¹.

В политическом плане усиление интеграции во власть представителей феминистского движения является естественным процессом, так как основные положения движения закреплены на международном уровне, в Законе о равенстве Финляндии, в текущей правительственной программе. Использование этих инструментов политики для всего правительства можно считать важным для дальнейшей интеграции.

Таким образом, можно сделать вывод, в Финляндии активно развивается феминистское движение. Целью движения является дальнейшее и полное искоренение гендерного правового и социального неравенства между мужчинами и женщинами. Феминистское движение достигло огромных успехов в сфере образования, карьерного роста и зарплаты. Наибольшие успехи достигнуты в политической сфере, в которой гендерные стереотипы на грани исчезновения.

Литература

1. *Гендерная реконструкция политических систем* / [Ред. Сост.: Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина]. СПб. : Алетейя. 2004.
2. *Королева Т. А.* Обеспечение равенства женщин в Финляндии: специфика гендерной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4 (1). С. 134–139.
3. *Крыкова И. В.* Феминистическое движение «первой волны»: особенности идеологии и организации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 7 (75). С. 151–158.
4. *Кулыгин В. П.* Феминизм в современной мировой социологической теории / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед., Рос. о-во социологов, Исслед. ком. «История и теория социологии». М. : ИСПИ, 2005. 187 с.
5. *Салменниemi С.* Гендерное равенство в Скандинавских странах: случай Финляндии // Женщины. История. Общество : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. И. Успенской. 2002. Вып. 2. С. 302–315.
6. *Северная Европа. Регион нового развития* / под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М. : Весь мир, 2008.
7. *Степанова Н. М.* Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 185–196.
8. *Суслов Е. В.* Феномен финской женщины в политике // «Запад–Восток». Научно-практический ежегодник. 2013. С. 93–107.
9. *Штылева М. В.* Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 67–80.

¹ Aro K. On hopes and dreams, and aspiring for a better future // Feministinen puolue. 2017. 3 october [Электронный ресурс]. URL: <https://www.katjuaro.fi/blogi/2017/10/7/on-hoping-and-dreaming-and-on-aspiring-for-a-better-future> (дата обращения: 19.02.2020).

10. Bryson V. *Feminist Political Theory: An Introduction*. 2nd ed. Palgrave Macmillan, 2003.
11. Echols A. *Daring to be bad: radical feminism in America, 1967–1975*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1989.
12. *Gender Equality Policies in Finland* // Brochures of the Ministry of Social Affairs and Health. Helsinki, 2006.
13. Hernes H. M. *Welfare State and Woman Power: Essays in State Feminism*. Oslo, 1987. 176 p.
14. Laxen M. Nordic. Co-operation on gender Equality // *News from NIKK*. 1999. N 1. P. 22.
15. Marakowitz E. *Women's Associations in Finland: Links between the Welfare State & Feminism* // *Canadian woman studies*. 1991. N 2. P. 48–50.
16. Nieminen T. *Gender Equality Barometer 2009*. Helsinki : Ministry of Social Affairs and Health, 2010.
17. Pesonen P., Riihinen J. *Dynamic Finland. The Political System and the Welfare State*. Finnish Literature Society / SKS. Helsinki, 2002.
18. Pietilä H. *The Progress of women in Finland — their commitments and entitlements in the past and present*. New York : New York University Press, 2006. 17 p.
19. Smith Dale M. *Poets beyond the Barricade: Rhetoric, Citizenship, and Dissent after 1960*. University of Alabama Press, 2012.

Об авторах:

Погодин Сергей Николаевич, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; pogodin56@mail.ru

Саблина Марина Александровна, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; marina.sablina2011@gmail.com

References

1. Gender reconstruction of political systems / [Ed. Comp.: N. M. Stepanova, E. V. Kochkin]. SPb. : Aletheya. 2004. (In rus).
2. Koroleva T.A. Ensuring equality of women in Finland: the specifics of gender policy // *Central Russian Journal of Social Sciences* [Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk]. 2012. N 4 (1). P. 134–139. (In rus).
3. Krykova I.V. Feminist movement of the “first wave”: features of ideology and organization // *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities* [Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2009. Is. 7 (75). P. 151–158. (In rus).
4. Kultygin V.P. Feminism in modern world sociological theory / *Russian Academy of Sciences, Institute of Social and Political Studies, Russian Society of Sociologists, Research Company “History and Theory of Sociology”*. M. : ISPI, 2005. 187 p. (In rus).
5. Salmenniemi S. Gender equality in the Scandinavian countries: the case of Finland // *Women. History. Society : collection of scientific articles* / total. ed. V.I. Uspenskaya. 2002. Is. 2. P. 302–315. (In rus).
6. Northern Europe. Region of New Development / ed. Yu. S. Deryabin, N. M. Antyushina. M. : Publishing house “Ves mir”, 2008. (In rus).
7. Stepanova N. M. Experience in using gender quotas in Western Europe // *Social sciences and modernity* [Obshchestvennye nauki i sovremennost’]. 1999. N 4. P. 185–196. (In rus).
8. Suslov E.V. Phenomenon of the Finnish woman in politics // “West-East”. *Scientific and practical yearbook*. 2013. P. 93–107. (In rus).
9. Shtyleva M.V. Implementation of the gender equality policy in the Nordic countries // *Woman in Russian society* [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2012. N 1. P. 67–80. (In rus).
10. Bryson V. *Feminist Political Theory: An Introduction*. 2nd ed. Palgrave Macmillan, 2003.
11. Echols A. *Daring to be bad: radical feminism in America, 1967–1975*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1989.
12. *Gender Equality Policies in Finland* // Brochures of the Ministry of Social Affairs and Health. Helsinki, 2006.
13. Hernes H. M. *Welfare State and Woman Power: Essays in State Feminism*. Oslo, 1987. 176 p.

14. Laxen M. Nordic. Co-operation on gender Equality // News from NIKK. 1999. N 1. P. 22.
15. Marakowitz E. Women's Associations in Finland: Links between the Welfare State & Feminism // Canadian woman studies. 1991. N 2. P. 48–50.
16. Nieminen T. Gender Equality Barometer 2009. Helsinki : Ministry of Social Affairs and Health, 2010.
17. Pesonen P., Riihinen J. Dynamic Finland. The Political System and the Welfare State. Finnish Literature Society / SKS. Helsinki, 2002.
18. Pietilä H. The Progress of women in Finland — their commitments and entitlements in the past and present. New York : New York University Press, 2006. 17 p.
19. Smith Dale M. Poets beyond the Barricade: Rhetoric, Citizenship, and Dissent after 1960. University of Alabama Press, 2012.

About the authors:

Sergey N. Pogodin, Director of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; pogodin56@mail.ru

Marina A. Sablina, Associate Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, marina.sablina2011@gmail.com

Стратегии преодоления гендерного разрыва работающими женщинами (на примере российских организаций)

Гуриева С. Д. *, Удавихина У. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
*gurievsv@gmail.com

РЕФЕРАТ

В ситуации всемирного экономического кризиса, связанного с пандемией, возрос индекс гендерного разрыва, что свидетельствует об усилении гендерного неравенства, и, соответственно, гендерной ассимиляции в обществе. Несмотря на то, что в России общее количество образованных, квалифицированных, здоровых, работающих женщин значительно выше, чем мужчин, женщины сталкиваются с неравномерностью в распределении заработной платы и ощущают разрыв в доходах, редко достигают руководящих должностей, не представлены на высоком управленческом уровне, исключены из политической жизни. Цель исследования состояла в выявлении и изучении особенностей гендерных стратегий построения карьеры российскими женщинами как способа сокращения гендерного разрыва. Использованы следующие методологические подходы к рассмотрению гендерного неравенства в организационном контексте: «Гендер в организации» («Gender in organization»), «Организация, актуализирующая гендер» («Gendered organization»), концепция гендерных стратегий «Подчеркивание гендерных различий» и «Стирание гендерных различий» («Doing & Undoing Gender Strategies»). Основные результаты: подтверждено существование гендерных стратегий как способа преодоления гендерного разрыва в организации; выявлены и описаны особенности применения российскими женщинами гендерных стратегий при построении своей карьеры. Стратегия «Подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender) используется чаще, чем стратегия «Стирание гендерных различий» (Undoing Gender). Тем не менее, охват применения стратегии Undoing Gender был значительно шире и варибельнее. Те женщины, что использовали сочетание гендерных стратегий («Doing & Undoing Gender»), оценивали себя как «сильных игроков», подчеркивали высокую субъективную удовлетворенность своей жизнью (наличие семьи и детей), а также отмечали успешное построение своего карьерного пути в отличие от тех, кто использовал только одну из стратегий. Сочетание гендерных стратегий может способствовать наиболее оптимальному продвижению женщин по карьерной лестнице и преодолению гендерного разрыва в организации.

Ключевые слова: гендерный разрыв, гендерное неравенство, гендерные стратегии, подчеркивание гендерных различий, стирание гендерных различий

Для цитирования: Гуриева С. Д., Удавихина У. А. Стратегии преодоления гендерного разрыва работающими женщинами (на примере российских организаций) // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 79–88.

Strategies for Overcoming the Gender Gap by Working Women (Case Study of Russian Organizations)

Svetlana D. Gurieva*, Uliana A. Udavikhina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; *gurievsv@gmail.com

ABSTRACT

In the context of the global economic crisis associated with the pandemic, the gender gap index has increased, indicating increasing gender inequalities and, consequently, gender assimilation in society. Despite the fact that in Russia the total number of educated, qualified, healthy, working women is significantly higher than that of men, women face unequal wage

distribution and feel the income gap, rarely reach managerial positions, are not represented at high managerial levels, and are excluded from political life. The aim of the study was to identify and examine the specifics of gendered career-building strategies by Russian women as a way of narrowing the gender gap. The following methodological approaches were used to consider gender inequalities in the organizational context: Gender in organization, Gendered organization, Doing & Undoing Gender Strategies. Key results: confirming the existence of gender strategies as a way to bridge the gender gap within an organization; identifying and describing how Russian women apply gender strategies in their career development. The “Doing Gender” strategy was used more frequently than the “Undoing Gender” strategy. However, the scope of Undoing Gender was much wider and more variable. Those women who used a combination of gender strategies (“Doing & Undoing Gender”) rated themselves as “strong players”, emphasized high subjective satisfaction with their lives (having a family and children), and noted a successful career path, unlike those who used only one of the strategies. A combination of gender strategies can help to promote women’s careers in the best possible way and bridge the gender gap in the organization

Keywords: gender gap, gender inequality, gender strategies, doing gender, undoing gender

For citing: Gurieva S.D., Udavikhina U.A. Strategies for Overcoming the Gender Gap by Working Women (Case Study of Russian Organizations) // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 79–88.

Введение

Глобальные кризисы, их последствия и последующие трансформационные процессы затрагивают все аспекты современного общества: политику, экономику, образование и здоровье. К последствиям глобального кризиса, связанного с пандемией, относят и изменения в показателе индекса гендерного разрыва за текущий период. Отмечается биполярная тенденция: с одной стороны, произошел значительный рост индекса гендерного разрыва за текущий период, проявляющийся в гендерной ассимиляции, что наблюдалось в 48 странах; с другой стороны, к последствиям экономического кризиса относят не столько снижение показателей гендерного разрыва, сколько широкое распространение прогресса в сокращении гендерного разрыва в 149 странах [17; 23]. Тем не менее, если обратиться к обобщенной статистике Всемирного экономического форума (WEF) в 2020 г., то в целом ситуация с гендерным неравенством в мире значительно ухудшилась по результатам подсчета этого показателя (Global Gender Gap Index). Так, например, в 2018 г. Россия занимала 75-е место, индекс гендерного разрыва составил 0,701; в 2020 г. Россия занимала 81-е место (из 153 стран), индекс гендерного разрыва составил 0,706¹. Тем не менее, как и в прошлом году, возглавляют список страны с высоким показателем гендерного равенства, такие как: Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания и другие.

Общий обзор состояния гендерного неравенства в России

Несмотря на изменения социальных условий, юридических норм и политических тенденций в Российской Федерации, гендерное неравенство воспроизводится, оказываясь устойчивым социально-психологическим феноменом, известным как феномен «заторможенного прогресса» [15]. На наш взгляд, наиболее важными и существенными особенностями, характеризующими сложившуюся ситуацию в Рос-

¹ The Global Gender Gap Report 2020 by World Economic Forum, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2020> (дата обращения: 20.01.2021).

сии, согласно данным международного отчета о глобальном индексе гендерного неравенства, можно считать следующие: российские женщины в среднем более образованны, чем мужчины (91% закончили среднюю школу, против 90,4% мужчин; 89% получили высшее образование по сравнению с 75% мужчин). Кроме того, количество женщин, обладающих научной степенью, почти столько же, сколько мужчин (64% против 66%)¹. Женщины в целом ведут более здоровый образ жизни, их продолжительность жизни почти на 10 лет больше, чем у мужчин².

В результате в России общее количество образованных, квалифицированных, здоровых и способных работать женщин значительно выше, чем мужчин. При этом женщины сталкиваются с неравенством в начислении заработной платы и разрывом в доходах (71,2% от средней заработной платы мужчин составляет разрыв в оплате труда женщин; 57,9% от среднего уровня дохода мужчин составляет разрыв в доходах женщин), редко достигают руководящих должностей, не представлены на высоком управленческом уровне, исключены из политической жизни (в течение последних 100 лет в России женщина никогда не была во главе государства, в настоящее время женщин среди министров только 12,9%, а среди парламентариев — 15,8%)³.

Таким образом, имеет место противоречивая ситуация, в основе которой заложена неравномерность в распределении различных ресурсов (финансы, власть) между мужчинами и женщинами [8; 11]. Несмотря на тот факт, что российское общество предоставляет женщине неограниченные возможности и доступ для получения образования и личностного развития, включая получение степени PhD, повышения профессиональной квалификации, тем не менее, продолжает существовать разрыв в неравенстве доходов, финансовой самостоятельности; женщина сталкивается с психологическим сопротивлением со стороны коллег и руководителей, близких и знакомых к занятию руководящих позиций как в политике, так и в бизнесе [2; 19]. Гендерный разрыв наиболее ярко проявляется, прежде всего, в профессиональной сфере, где важны не только полученные знания, навыки и квалификация работников, но и реализация креативного потенциала сотрудника [18; 20; 24]. Одним из способов сокращения гендерного разрыва может являться использование гендерных стратегий при построении карьеры.

Материалы и методы

Цель исследовательского проекта заключалась в выявлении и изучении особенностей гендерных стратегий построения карьеры российскими женщинами как способа сокращения гендерного разрыва.

Методология исследования. Для реализации целей исследования были взяты за основу следующие теоретические подходы:

- концепция «Организации, актуализирующей гендер» (Gendered organization), согласно которой в организации действует «гендерный режим»: сотрудники реагируют на гендерные признаки при принятии кадровых решений, распределении ресурсов, что поддерживает несправедливость и иерархию [6; 9];
- концепция «Гендер в организации» (Gender in organization). Основные различия данного подхода с предыдущим лежат в области предмета анализа, концептуа-

¹ Там же.

² Статистический сборник «Женщины и мужчины России», Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BPL9rLwU/Sbornik.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

³ The Global Gender Gap Report 2020 by World Economic Forum, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2020> (дата обращения: 20.01.2021)..

лизации понятий «пол» и «гендер» в организационном контексте, а также в оценке роли структурных факторов организации в возникновении гендерного неравенства на рабочем месте (табл.);

- концепция гендерных стратегий, известных в научной литературе как усиление или стирание гендерных различий (*Doing & Undoing Gender Strategies*) [16; 25]. Понятие усиление гендерных различий (*Doing Gender*), понимаемое как усиление, подчеркивание и фокусирование внимания на гендерной принадлежности, определяется как включающее в себя повседневное исполнение «комплекса социально ориентированной перцептивной, интерактивной и микро-политической деятельности, ставящей особые стремления как выражение мужской и женской «натуры» [21, с. 126].

Понятие стирание гендерных различий («*Undoing Gender*») описывает то, каким образом гендерные субъекты воспроизводят и бросают вызов гендеру в своей повседневной жизни [14; 16; 25].

В подходе «Гендер в организации» (**Gender in organization**) успешность карьеры женщины определяется тем, насколько ей удалось адаптироваться и приспособиться к конкретной организации, в соответствии со своими гендерными особенностями, например, преодолеть устоявшиеся в обществе стереотипы восприятия традиционной роли женщины [12]. Важно заметить, что в основе гендерных стереотипов находится «зерно истины», которое определяет и закрепляет сформировавшуюся социальную позицию женщины в обществе, и определяет ее как справедливую. Организация может оставаться «гендерно нейтральной», как не увеличивать гендерный разрыв, так и не способствовать процессу адаптации женщины к организационной культуре. Женщина, оказавшись в такой ситуации в рамках организации, должна разрешить возникший внутриличностный, полоролевой, межролевой конфликты, принять или бросить вызов сложившимся в обществе гендерным стереотипам, закрепляя или ломая образ работающей (успешной и счастливой) женщины в организации [5].

Второй подход, известный как «Организация, актуализирующая гендер» (**Gendered organization**), отличается большей системностью и динамичностью анализа. В нем учитывается, что человек функционирует в рамках определенной социальной структуры, а его успешность связана с наличием доступа к различным видам ресурсов или «капитала» организации [13]. Таким образом, в рамках данного подхода предметом анализа становится, с одной стороны, организация, со сложившейся организационной культурой, гендерными практиками и нормами, иерархической структурой, особенностями функционирования внутри и за ее пределами; с другой стороны, — женщина, реагирующая на гендерные практики организации, на актуализацию или нейтрализацию гендера в контексте организации. Существование и поддержание системы подчинения, дискриминации, заложенной в иерархическую социальную структуру организации, переносится на гендер, который является очевидным и оправданным критерием распределения социального статуса. При всей очевидности функционирования механизма гендерного неравенства в рамках организации нам не удалось найти современные отечественные исследования, посвященные данному феномену и раскрывающие его механизм функционирования.

Методы исследования. Основной метод качественно-количественного исследования — полуструктурированное интервью. Гендерный режим организации оценивался через индивидуально-поведенческий, нормативный и структурный компоненты. Для оценки индивидуально-поведенческой компоненты были использованы две разработанные авторами шкалы: шкала поведения, подчеркивающего пол (**Doing Gender**), и шкала поведения, направленного на «стирание пола», нейтрализацию гендерных различий (**Undoing Gender**); обе шкалы описывали поведение женщин на рабочем месте (мужчины в рамках данного исследования участие не принимали).

Сравнительный анализ подходов к изучению гендерного неравенства в организации

Table. Comparative analysis of approaches to the study of gender inequalities in the organization

Параметр для сравнения	«Гендер в организации», «Gender in organization»	«Организация, актуализирующая гендер», «Gendered organization»
Примеры исследований	Кабайкина, Сущенко [4]; Медведева, Киндаев [7]; Broadbridge [13]	Acker [9]; Aktepe [10]; Britton [12]; Mastracci & Arreola [22]
Предмет анализа	Женщина: ее сложности при построении карьеры в организации, обусловленные индивидуальными особенностями, связанными с полом	Организация: ее структура и функционирование, поддерживающие дискриминирующие практики. Женщина: поведение в ответ на актуализацию гендера в организации
Концептуализация понятий «пол»/«гендер»	«Пол» и «гендер» рассматриваются как синонимы, гендер — как черта или социальная роль работника	Гендер рассматривается в широком контексте как результат организационных процессов
Роль организации в возникновении гендерного неравенства	Не учитывается (не признается). Организация является гендерно «нейтральной»	Организация своей структурой и внутриорганизационной культурой воссоздает неравенство
Связанные с гендером феномены организационного поведения	Межролевой конфликт, управление впечатлением	Гендеринг, подчеркивание/стирание гендера (Doing & Undoing Gender)
Мишени психологической интервенции	Женщина: психологическое вмешательство в личное пространство женщины, с целью стимулирования позитивных изменений, как, например, необходимость овладения новыми знаниями и навыками, недостающие ей в профессиональной карьере, способствующие быстрой адаптации к организации	Организация: психологическое вмешательство в личное пространство женщины, с использованием дискриминирующих практики политик. Женщина: распознавание и понимание дискриминирующих практик: уточнение, вербализация, интерпретация, конфронтация, разъяснение, уточнение и др. навыки, способствующие их преодолению
Уровень анализа гендерного неравенства	Индивидуально-поведенческий и нормативный	Индивидуально-поведенческий, нормативный, структурный

Выборка исследования. В исследовании приняла участие 51 женщина, в возрасте от 22 до 60 лет (M ≈ 33,3 года), среди которых 100% имеют высшее образование, 92% проживают в Санкт-Петербурге, остальные, 8% — в крупных городах

России. Исследование проводилось в период 2019–2020 гг. научным коллективом кафедры социальной психологии СПбГУ [1; 3].

Результаты и их обсуждение

Результатом исследования стало подтверждение факта существования гендерных стратегий как способа преодоления гендерного разрыва в организации. Также были выявлены и описаны особенности применения российскими женщинами гендерных стратегий при построении своей карьеры. Стратегия «Подчеркивание гендерных различий» проявлялась в использовании флирта, внешней привлекательности, эмоциональной аргументации, намеренном непонимании с целью получить ту или иную выгоду, в зависимости от ситуации. Согласно результатам частотного анализа, стратегия «Подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender) используется в подавляющем количестве случаев и упоминалась почти 65% опрошенными респондентами. Применение данной стратегии встречалось в контексте ситуации общения как с непосредственным начальством, руководителем (то есть «по вертикали»), так и с коллегами, партнерами и друзьями («по горизонтали»). «Включение гендера» происходило осознанно в тех ситуациях, когда необходима была поддержка, помощь или просто внимание и забота. Осознавая свою гендерную принадлежность, женщины стремились акцентировать внимание руководства (начальника) на своей природной привлекательности, женском обаянии, психологической и физической слабости, трудностях запоминания технической информации, плохой ориентацией в пространстве, забывчивостью, излишней эмоциональностью. Скрытым мотивом было получение внимания и поддержки со стороны руководства, что в определенной степени снижало уровень требований к занимаемой должности и профессиональным качествам; также использование данной стратегии в коммуникациях с коллегами (по горизонтали) сопровождалось потребностью быть принятой, снятия коммуникационных барьеров и уменьшения социально-психологической дистанции в общении.

Стратегия «Стирание гендерных различий» (Undoing Gender) проявлялась в пресечении контактов с сексуальным подтекстом, демонстрации профессиональной экспертности и высоких навыков самоорганизации, а также в более настойчивом и агрессивном поведении в переговорах. Применение данной стратегии упоминалось 30% опрошенных женщин. Тем не менее охват применения данной стратегии был значительно шире и вариабельнее. Кроме того, контекст ситуаций общения включал в себя общение как «по горизонтали», так и «по вертикали». «Выключение гендера» на работе происходило также осознанно в тех ситуациях, когда необходимо было показать и доказать свою профессиональную компетентность и осведомленность в решении производственных вопросов. Осознавая свою гендерную принадлежность, женщины стремились не акцентировать внимание руководства (начальника) на своей природной привлекательности, а, наоборот, демонстрировать исключительно «мужские» черты характера и поведения: напористость, жесткость, прямолинейность, четкость и немногословность, агрессивность, психологическую силу, независимость и самостоятельность. Скрытым мотивом было также получение одобрения со стороны руководства в том, что данный сотрудник отличается исключительно профессиональными качествами, он компетентен, независим, способен решать разного уровня задачи, тем самым помогая и поддерживая свое руководство (начальника); также использование данной стратегии в общении с коллегами-мужчинами сопровождалось потребностью быть «своим», быть принятой в круг избранных с целью снятия напряжения и барьеров.

Важно отметить, что более трети (35,3%) опрошенных женщин, принимавших участие в исследовании, отметили использование в зависимости от ситуации как

стратегию «Подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender), так и стратегию «Стирание гендерных различий» (Undoing Gender). Именно эта часть выборки отмечала себя профессионалами, «сильными игроками», подчеркивала высокую субъективную удовлетворенность своей жизнью (наличие семьи и детей), а также успешное построение своего карьерного пути в отличие от тех, кто использовал только одну из стратегий.

Выводы

В данном исследовании были впервые проанализированы и классифицированы на российской выборке гендерные стратегии, используемые женщинами при построении карьеры. Предыдущие исследования особенностей построения карьеры акцентировали внимание на гендерных различиях в условиях и ограничениях продвижения по карьерной лестнице, в уровне притязаний, ориентации на конкуренцию и других особенностей личности.

Таким образом, полученные в рамках данного исследования результаты позволили сформулировать следующие выводы.

1. Гендерные стратегии «подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender) и «стирание гендерных различий» (Undoing Gender) могут выступать одним из способов сокращения гендерного разрыва, они используются женщинами как для получения определенной выгоды в карьерном продвижении, так и для преодоления гендерных барьеров, шаблонов, стереотипов.
2. Использование стратегии «подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender) способствует получению необходимой помощи и некоторых тактических, локальных «преимуществ». Тем не менее данная стратегия не связана с достижением профессионального роста в карьере и личностным профессиональным ростом.
3. Использование исключительно стратегии «стирание гендерных различий» (Undoing Gender) способствует достижению профессионального роста в карьере, в перспективе. Однако может сопровождаться высокой вероятностью столкновения с негативными оценками, стереотипами о «мужеподобной», «мужик в юбке», «неприступной и холодной женщине», «карьеристке» и т. д., что также может оказывать влияние на выстраивании карьеры женщиной.
4. Сочетание гендерных стратегий (Doing & Undoing Gender) может способствовать наиболее оптимальному продвижению женщин по карьерной лестнице и преодолению гендерного разрыва в организации.
5. Управленческим решением для организации, направленным на поддержание баланса между двумя стратегиями поведения: «подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender) и «стирание гендерных различий» (Undoing Gender), может быть соблюдение строгого дресс-кода в рабочее время, с внимательной проработкой деталей, не нарушающего природный образ работающей женщины, но подчеркивающий статус работающей женщины (не трансформировать в мужской образ и не противопоставлять с ним).
6. Руководство организации, зная и понимая важность сохранения баланса между двумя стратегиями поведения, может регулировать и корректировать их. Так, например, если наблюдается доминирование стратегии «подчеркивание гендерных различий» (Doing Gender), это может быть индикатором того, что работающая женщина подсознательно ощущает и переживает гендерное неравенство, требуя повышенного внимания, проявляющегося в излишней демонстрации женственности, привлекательности, сексуальности и т. д. (за исключением «beauty-компаний», специализирующихся на продажах предметов ухода и красоты). Доминирование стратегии «стирание гендерных различий» (Undoing Gender) может быть индикатором того, что работающая женщина подсознательно не ощущает себя как «сла-

бый пол», стараясь не уступать в профессиональных знаниях и опыте коллеге-мужчине, вступая с ним в конкурентные отношения.

Заключение

Современное общество, в том числе российское, представлено большим количеством образованных женщин, желающих и способных реализовать свой личностный потенциал. Однако, сталкиваясь на своем жизненном пути с различными проявлениями социального и гендерного неравенства (неравномерностью в начислении заработной платы, большим разрывом в доходах, ограничениями в достижении руководящих должностей, исключением из политической сферы и т. д.), женщины стремятся «компенсировать» существующий гендерный разрыв, расширяя и усиливая свои природные способности и профессиональные качества.

Отметим, что одним из ограничений представленного исследования является изучение гендерных стратегий как способа преодоления гендерного разрыва только на выборке женщин, обусловленной темой научного гранта, в рамках которого оно проводилось. Полученные в рамках исследования результаты и выводы требуют уточнения на расширенной выборке женщин, необходимо также проведение исследований с привлечением мужской выборки респондентов. Кроме того, планируется разработка дополнительного методического инструментария, корректировка методов, что является перспективным направлением исследования гендерных стратегий работающих женщин.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-013-00686А «Гендерное неравенство как фактор карьерного капитала женщины».

Литература

1. Белова О. Е., Гуриева С. Д. Социальные представления о гендерном неравенстве в обществе и в организации // Материалы сборника статей участников международной научной конференции молодых ученых «Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения». СПб. : Скифия-принт. 2020. С. 175–183.
2. Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 12–20.
3. Гуриева С. Д., Удавихина У. А. Особенности применения гендерных стратегий при построении карьеры женщинами в России // Материалы III Международной научно-практической конференции «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании». 2020. Вып. 3. С. 270–273.
4. Кабайкина О. В., Сущенко О. А. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 140–155.
5. Казанцева Т. В., Гуриева С. Д., Марарица Л. В. Субъективное переживание гендерного неравенства работающими женщинами // Петербургский психологический журнал. 2020. № 3. С. 35–52.
6. Марарица Л. В., Гуриева С. Д., Казанцева Т. В. Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины: постановка проблемы // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 1. С. 44–52.
7. Медведева Н. Р., Киндаев А. Ю. Гендерное неравенство при трудоустройстве выпускников вузов // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 8 (12). С. 309–314.
8. Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3–14.
9. Acker J. Inequality regimes: Gender, class, and race in organizations // Gender and society, 2006. Vol. 20. N 4. P. 441–464.

10. Aktepe S. Gender Inequality in Work Organizations: What HRM Practices Mean for Gender Inequality // *Macro and Micro-Level Issues Surrounding Women in the Workforce: Emerging Research and Opportunities*, edited by Başak Uçanok Tan, IGI Global. 2020. P. 1–36.
11. Benschop Y. The Micro-politics of Gendering in Networking // *Gender, work and organization*. 2009. Vol. 16. N 2. P. 217–237.
12. Britton D. M. The epistemology of the gendered organization // *Gender & Society*. 2000. Vol. 14. N 3. P. 418–434.
13. Broadbridge A. 25 years of retailing; 25 years of change? Reflecting on the position of women managers. // *Gender in Management: An International Journal*, 2010. Vol. 25. N 8. P. 649–660.
14. Cloninger S. Exploring the Lives of Women Who Lead (PhD Thesis). Culver City : Antioch University, 2017. 353 p.
15. Cohen P. N., Huffman M. L., Knauer S. Stalled Progress? Gender Segregation and Wage Inequality Among Managers, 1980–2000 // *Work and Occupations*. 2009. Vol. 36. N 4. P. 318–342.
16. Deutsch F. M. Undoing gender // *Gender & Society*. 2007. Vol. 21. N 1. P. 106–127.
17. Dorius S. F., Firebaugh G. Trends in global gender inequality // *Social Forces*. 2010. Vol. 88. N 5. P. 1941–1968.
18. Duberley J., Cohen L. Gendering career capital: An investigation of scientific careers // *Journal of Vocational Behavior*. 2010. Vol. 76. N 2. P. 187–197.
19. Ibarra H. Paving an alternative route: Gender differences in managerial networks // *Social Psychology Quarterly*. 1997. Vol. 60. N 1. P. 91–102.
20. Jokinen T., Brewster C., Suutari V. Career capital during international work experiences: Contrasting self-initiated expatriate experiences and assigned expatriation, *The International Journal of Human Resource Management*. 2008. Vol. 19. N 6. P. 979–998.
21. Kelan E. Gender Logic and (Un)doing Gender At Work // *Gender, Work and Organization* 2010. Vol. 17. N 2. P. 174–194.
22. Mastracci S., Arreola V. Gendered Organizations: How Human Resource Management Practices Produce and Reproduce Administrative Man // *Administrative Theory & Praxis*. 2016. N 38. P. 137–149.
23. Spoor J. R., Schmitt M. T. “Things are getting better” isn’t always better: Considering women’s progress affects perceptions of and reactions to contemporary gender inequality // *Basic and Applied Social Psychology*. 2011. Vol. 33. N 1. P. 24–36.
24. Tulin M., Lancee B., Volker B. Personality and social capital // *Social psychology quarterly*. 2018. Vol. 81. N 4. P. 295–318.
25. West C., Zimmerman D. H. Doing gender // *Gender & Society*. 1987. Vol. 1. N 2, P. 125–51.

Об авторах:

Гуриева Светлана Дзахотовна, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор психологических наук, профессор; gurievasv@gmail.com

Удавихина Ульяна Андреевна, ассистент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), преподаватель-исследователь по психологии; uludav@gmail.com

References

1. Belova O. E., Gurieva S. D. Social perceptions of gender inequalities in society and in the organisation // *Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists “Psychology of the XXI Century: Current Challenges and Achievements* St. Petersburg: Scythia-Print Publ. 2020. P. 175–183. (In rus)
2. Voronina O. A. Gender Equality Policy in Modern Russia: Problems and Contradictions // *Woman in Russian Society [Zhenshchina v rossijskom obshchestve]*. 2013. N 3. P. 12–20. (In rus)
3. Gurieva S. D., Udavikhina U. A. Peculiarities of applying gender strategies in career building by women in Russia // *Proceedings of the III International Scientific-Practical Conference “Herzen Readings: Psychological Research in Education”*. 2020. Is. 3. P. 270–273. (In rus)
4. Kabaykina O. V., Sushchenko O. A. Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work // *Moscow University Bulletin Ser. 18. Sociology and Political Science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya]*. 2017. Vol. 23. N 3. P. 140–155. (In rus)

5. Kazantseva T.V., Gurieva S.D., Mararitsa L.V. Subjective experience of gender inequality by working women // St. Petersburg Psychological Journal [Peterburgskij psihologicheskij zhurnal]. 2020. N 3. P. 35–52. (In rus)
6. Mararitsa L.V., Gurieva S.D., Kazantseva T.V. The phenomenon of gender inequality as a factor in women's career capital: framing the problem // Human Psychology in Education [Psihologiya cheloveka v obrazovanii]. 2019. T. 1. N 1. P. 44–52. (In rus)
7. Medvedeva N.R., Kindaev A.Y. Gender inequality in the employment of university graduates // XXI century: results of the past and problems of the present plus [XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus]. 2013. N 8 (12). P. 309–314. (In rus)
8. Ryabova T.B., Ovcharova O.G. Gender political science in Russia: achievements, problems and prospects // Woman in Russian Society [Zhenshchina v rossijskom obshchestve]. 2016. N 1. P. 3–14. (In rus)
9. Acker J. Inequality regimes: Gender, class, and race in organizations // Gender and society, 2006. Vol. 20. N 4. P. 441–464.
10. Aktepe S. Gender Inequality in Work Organizations: What HRM Practices Mean for Gender Inequality // Macro and Micro-Level Issues Surrounding Women in the Workforce: Emerging Research and Opportunities, edited by Başak Uçanok Tan, IGI Global. 2020. P. 1–36.
11. Benschop Y. The Micro-politics of Gendering in Networking // Gender, work and organization. 2009. Vol. 16. N 2. P. 217–237.
12. Britton D.M. The epistemology of the gendered organization // Gender & Society. 2000. Vol. 14. N 3. P. 418–434.
13. Broadbridge A. 25 years of retailing; 25 years of change? Reflecting on the position of women managers // Gender in Management: An International Journal, 2010. Vol. 25. N 8. P. 649–660.
14. Cloninger S. Exploring the Lives of Women Who Lead (PhD Thesis). Culver City: Antioch University. 2017. 353 p.
15. Cohen P.N., Huffman M.L., Knauer S. Stalled Progress? Gender Segregation and Wage Inequality among Managers, 1980–2000 // Work and Occupations. 2009. Vol. 36. N 4. P. 318–342.
16. Deutsch F.M. Undoing gender // Gender & Society. 2007. V. 21. N 1. P. 106–127.
17. Dorius S.F., Firebaugh G. Trends in global gender inequality // Social Forces. 2010. Vol. 88. N 5. P. 1941–1968.
18. Duberley J., Cohen L. Gendering career capital: An investigation of scientific careers // Journal of Vocational Behavior. 2010. Vol. 76. N 2. P. 187–197.
19. Ibarra H. Paving an alternative route: Gender differences in managerial networks // Social Psychology Quarterly. 1997. Vol. 60. N 1. P. 91–102.
20. Jokinen T., Brewster C., Suutari V. Career capital during international work experiences: Contrasting self-initiated expatriate experiences and assigned expatriation, The International // Journal of Human Resource Management. 2008. Vol. 19. N 6. P. 979–998.
21. Kelan E. Gender Logic and (Un)doing Gender At Work // Gender, Work and Organization. 2010. Vol. 17. N 2. P. 174–194.
22. Mastracci S., Arreola V. Gendered Organizations: How Human Resource Management Practices Produce and Reproduce Administrative Man // Administrative Theory & Praxis. 2016. N 38. P. 137–149.
23. Spoor J.R., Schmitt M.T. “Things are getting better” isn't always better: Considering women's progress affects perceptions of and reactions to contemporary gender inequality // Basic and Applied Social Psychology. 2011. Vol. 33. N 1. P. 24–36.
24. Tulin M., Lancee B., Volker B. Personality and social capital // Social psychology quarterly. 2018. Vol. 81. N 4. P. 295–318.
25. West C., Zimmerman D.H. Doing gender // Gender & Society. 1987. Vol. 1. N 2, P. 125–51.

About the authors:

Svetlana D. Gurieva, Head of the Chair of Social Psychology of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Psychology), Professor; gurievasv@gmail.com

Uliana A. Udavikhina, Assistant of the Chair of Social Psychology of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Teacher-Researcher (Psychology); uludav@gmail.com

Игровое моделирование политического пространства: анализ зарубежной литературы*

Байер Ю. П., Васильева В. А., Ветренко И. А. *

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vetrenko-ia@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Выявить основные тренды и пробелы в исследованиях зарубежных ученых по теме «Игровое моделирование политического пространства».

Методы. В данном обзоре авторы использовали полусистематический метод исследования литературы, при котором на первом этапе применили количественные методы, а затем выбранный массив публикаций исследовали интегративным методом, выявляя теоретические исследования и практические результаты применения игровых политических компонентов.

Результаты. На основе отобранного зарубежного публикационного потока по теме «игровое моделирование политического пространства» методом полусистематического анализа выявлены шесть основных трендов к исследованию и применению теории игр и игрового моделирования в политическом дискурсе:

- рассмотрение ценности игрового моделирования через призму взаимодействия, а не столкновения акторов;
- применение игрового моделирования при разработке и принятии политических решений;
- разработка новых подходов к анализу самой методологии игрового моделирования в политике;
- игра как форма эффективной политической коммуникации;
- изучение теории игры на основе фундаментальных классических монографий середины XX в. применительно к решению актуальных политических проблем;
- применение игрового моделирования в прогнозировании результатов выборов, особенно в тех политических системах, которые основываются на теории рационального выбора при голосовании.

Лакуной в исследованиях последних десятилетий был выявлен вопрос применения политического игрового моделирования в выборных процессах. Несмотря на непрерывно актуальную тему выборов во всем мире, какого-либо значительного объема публикаций отобрано не было.

Выводы. Потенциал игрового моделирования в политике зарубежными исследователями используется чаще и многограннее, чем в отечественной политологии. Эволюционные теоретико-игровые модели применяются не только для моделирования самих политических и международных процессов, но и смежных социальных сфер, таких как экономика, религиозные и этнические отношения. Теория игр используется для исследования широкого круга социальных и политических проблем и социальных явлений: голосование, фундаментализм, религиозные и этнические конфликты, гражданское насилие.

Ключевые слова: игровое моделирование, политическое пространство, эволюционная теория игр, игра в разрешении конфликтов, игровые формы коммуникации, принятие политических решений, игры политиков, метод сценарных прогнозов, игровые модели, игровое сотрудничество, игровые технологии выборов

Для цитирования: Байер Ю. П., Васильева В. А., Ветренко И. А. Игровое моделирование политического пространства: анализ зарубежной литературы // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 89–111.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Game Modeling of the Political Space: Analysis of Foreign Literature

Julia P. Bayer, Valeria A. Vasilyeva, Inna A. Vetrenko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; *vetrenko-ia@ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose is to identify the main trends and gaps in the research of foreign scientists on the topic "Game modeling of political space".

Methods. In this review, the authors used a semi-systematic method of researching the literature, in which at the first stage they used quantitative methods, and then the selected array of publications was investigated by the integrative method, revealing theoretical studies and practical results of the application of game political components.

Results. Based on the selected foreign publication stream on the topic "game modeling of political space" by the method of semi-systematic analysis, six main trends in the study and application of game theory and game modeling in political discourse have been identified:

- considering the value of game modeling through the prism of interaction, not collision of actors;
- application of game modeling in the development and adoption of political decisions;
- development of new approaches to the analysis of the very methodology of game modeling in politics;
- game as a form of effective political communication;
- study of game theory on the basis of fundamental classical monographs of the mid-20th century as applied to the solution of pressing political problems;
- application of game modeling in predicting election results, especially in those political systems that are based on the theory of rational choice during voting.

A lacuna in the studies of recent decades has identified the issue of using political game modeling in electoral processes. Despite the continuing relevance of the topic of elections around the world, no significant volume of publications was selected.

Conclusions. Foreign researchers use the potential of game modeling in politics more often and more multifaceted than in domestic political science. Evolutionary game-theoretic models are used not only to model political and international processes themselves, but also to related social spheres, such as economics, religious and ethnic relations. Game theory is used to study a wide range of social and political problems and social phenomena: voting, fundamentalism, religious and ethnic conflicts, civil violence.

Keywords: game modeling, political space, evolutionary game theory, game in conflict resolution, game forms of communication, political decision making, politician games, scenario prediction method, game models, game cooperation, game technologies of elections

For citing: Bayer Ju. P., Vasilyeva V. A., Vetrenko I. A. Game Modeling of the Political Space: Analysis of Foreign Literature // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 89–111.

Введение

Игровое моделирование в политике представляет собой междисциплинарный подход к изучению, анализу и прогнозированию различных политических процессов. Его актуальность для современных исследователей вызвана неуклонным процессом расширения политических акторов как участников политики и международных отношений, увеличением объема информации для полноценного анализа их поведения в конкретной политической ситуации, а также появлением новых форм взаимодействия и коммуникации, вызванного развитием информационных и коммуникативных технологий.

Теорию игр обычно определяют как математическую теорию конфликта. Эта теория представляет собой самостоятельную математическую дисциплину, изучающую методы поведения в конфликтных или спорных ситуациях, под которой по-

нимается процесс, где сталкиваются интересы двух или более сторон, преследующих противоположные цели.

Данный методологический подход очень активно используется зарубежными исследователями для поиска оптимальных моделей поведения в рамках политических переговоров, для прогнозирования вариантов разрешения политических конфликтов, для анализа экономических санкций и ведения мировой торговли, а также с целью превентивного подсчета результатов выборов и электорального поведения граждан. Однако в российской политической науке этот зарубежный опыт, к сожалению, практически не изучен. Это стало одним из главных оснований нашего обращения к данной теме.

Поскольку цель нашей обзорной статьи — выявление основных трендов и пробелов в исследуемой предметной области с элементами теоретических обобщений, эта публикация будет способствовать представлению об игровом моделировании вообще и может быть использована в работе политических технологов и консультантов, политических аналитиков, партологов и исследователей в области политики, международных отношений и социальных процессов, а также представленный обзор может быть применим в образовательной деятельности, при разработке дисциплин и курсов, связанных с проблематикой территориальных конфликтов и теории игр.

Вызывает неподдельный эвристический интерес то, насколько теория игр может быть, по мнению западных ученых, успешно применима для решения практических политических вопросов. Данный методологический подход в зарубежных исследованиях представляет собой системно и перманентно развивающийся процесс, который постоянно расширяет возможности применения игрового моделирования в политике и меняет стереотипное представление об игре.

Методология исследования

Изначально нам потребовался содержательный обзор англоязычных исследований по игровому моделированию политических процессов для российских политологов и социологов, чтобы сравнить методологические подходы в подобных исследованиях. Для этого была проанализирована литература по определенной теме, за определенный период, имеющий целью выявить тенденции и возможные пробелы в исследованиях.

При работе над обзором мы использовали комбинированный, по Х. Снайдер [25], полусемантический метод, когда наряду с количественными методами, т. е. изучением массивов публикаций на предмет выявления различных показателей, характеризующих глубину и степень разработанности тематического направления, изучаются непосредственно тексты отобранных документов, которые наиболее соответствуют выбранным критериям для изучения.

Источниками для исследуемого информационного массива послужили Индекс научного цитирования Web of Science как база наиболее престижных журналов мировых издательств и платформа Dimensions как ресурс, содержащий документы открытого доступа.

Критериями отбора документов для исследования стали публикации, вышедшие в ведущих журналах издательств Elsevier, Wiley, SpringerNature, Taylor&Francis, Cambridge University Press и т. д. по политическим и социологическим тематикам, годы публикаций — с 1980-х по настоящее время, типы публикаций — исследовательские статьи, обзоры и монографии. Данные критерии были определены, исходя из основных задач исследования — проследить тренды в представлении игрового моделирования политического пространства в зарубежной литературе и сравнить методологические подходы исследователей. Для решения этой задачи

необходимо было, с одной стороны, изучить документы, отражающие влияние игрового моделирования на происходящие политические процессы, на большом временном диапазоне, с другой — сконцентрироваться на исследовательских статьях, обзорах и монографиях, исключив материалы конференций как первый этап апробации результатов исследований и не оказывающий большого влияния на значимые тренды в развитии выбранной тематики.

Первыми шагами при изучении массива данных, полученных из Web of Science и Dimensions, были определение основных кластеров ключевых слов, определение изданий, публикующих материалы по теме исследования для дальнейшего поиска релевантных документов, и анализ цитирования для выделения возможных групп коллабораций ученых из разных стран.

Эти задачи на первом этапе решались наукометрическими инструментами и программами, позволяющими исследовать большие массивы данных с разных сторон.

Изначально был произведен поиск документов по теме «теория игры» с выделением предметной области «политика». Построен график, демонстрирующий динамику интереса к исследуемой проблеме за 35 лет. Предположительно, что отдельные всплески интереса к теории игр в политическом пространстве отражают знаковые события в отдельных регионах и в мире.

Ключевые слова — отдельная исследовательская проблема, мы ее решили с помощью программы визуализации научного ландшафта VOSviewer. При получении карты ключевых слов были выделены несколько основных кластеров вокруг таких ключевых слов первого уровня, как «сотрудничество», «власть», «конфликт» и второго уровня — «война», «демократия» и «политика».

Отдельно стоящий кластер вокруг ключевого слова «Европейский Союз», демонстрирующий связи с понятиями «власть», «принятие решений», «престиж», «голосование» и «выборы», в дальнейшем игнорировался как аккумулирующий пул документов, напрямую не относящийся к игровому моделированию.

В дальнейшем несколькими итерациями массив документов для критического анализа текстов был ограничен наиболее релевантными и востребованными публикациями с большим количеством цитирования, авторами, входящими в облако цитирования и выбранными для исследования журналами ведущих мировых издательств.

Таким образом, в поле для критического анализа были отобраны около 60 публикаций.

Содержательный этап работы был связан с анализом текстов самих статей, который позволил сделать ряд интересных исследовательских выводов.

Анализ содержания статей зарубежных авторов

Первичный анализ статей зарубежных авторов, выявленных по ключевым словам, показал, что все большее число авторов рассматривает теорию игр не столько в контексте проблем конфликта, сколько в контексте вопросов сотрудничества. Как мы уже отмечали, в отечественной науке игровое моделирование хоть и в небольших объемах, но чаще всего применялось именно для поиска оптимальных выходов из политических конфликтов [29–33].

Так, М. Вайцер и М. Кукиер-Сугула [28] основывают свою концепцию эволюционного сотрудничества в форме игры на работах целого ряда научных исследований [3; 6; 7; 10] и отмечают, что кооперативное поведение среди Homo sapiens является обычным явлением и проявляется гораздо чаще, чем у других видов. Для человеческого сотрудничества, в отличие от животного мира, характерно то, что оно не ограничивается только группами, в которых кровные узы играют доминирующую роль. Современные общества связаны плотной сетью социальных отно-

шений, основанных на взаимодействии между лицами, не являющихся родственниками. Кровные узы в таких отношениях заменяются чувством общей идентичности на основе, например, веры в одного Бога или принадлежностью к одной политической идеологии [22].

Авторы справедливо отмечают, что умение сотрудничать фактически стало основой эволюционного успеха нашего вида. Таким образом, теория эволюции и конкуренции, представленная Ч. Дарвином, современными исследователями воспринимается как изжившая себя. «...В настоящее время люди полностью доминируют на планете не потому, что отдельный человек намного умнее и шустрее, чем отдельный шимпанзе или волк, но поскольку *Homo sapiens* — единственный вид на Земле, способный гибко сотрудничать даже когда его численность очень значительна...» [12].

Таким образом, эволюционная теория игр используется для исследования широкого круга социальных и политических проблем и социальных явлений — фундаментализма, религиозных и этнических конфликтов, гражданского насилия [28].

Цель статьи польских ученых — представить возможное использование эволюционной теории игр в изучении эволюции сотрудничества между политическими элитами. Это интересно не только как научный подход, но и с точки зрения выявления социальных ловушек, то есть ситуаций, в которых краткосрочный интерес отдельного индивидуума противоречит долгосрочным интересам группы. Таким образом, используя модель эволюционной теории игр для изучения политического сотрудничества, авторы изучают частоту, с которой люди используют определенные стратегии, а также возможность включения в анализ тех игроков, которые ведут себя иррационально.

Основные выводы этой работы основаны на теории демократической элиты Е. Эциони-Галеви [9]. Согласно основным предположениям этой теории, существование политических и социальных элит не противоречит функционированию представительной демократии. Важно отметить, что теория элиты не обязательно должна быть антидемократической или элитарной. Эциони-Галеви определяет элиты в категорию, тесно связанную с распределением ресурсов. В этом свете к политической элите относятся люди, которые контролируют ресурсы, позволяющие трансформировать политический порядок в особую социальную и политическую систему. Ресурсов мало, а это означает, что спрос больше предложения.

Своей работой М. Вайцер и М. Кукиер-Сугула представили методы и инструменты исследования, используемые в анализе теории игр, основные предположения моделей, обсуждение результатов анализа и определили ограничения использования эволюционной теории игр в исследованиях политических элит [28]. В ходе анализа были рассмотрены две модели игр: «2 × 2»: однопопуляционная и двухпопуляционная.

1. Игра с одной популяцией населения

Активное участие в политической жизни требует формирования союзов. Среди факторов, которые определяют общность интересов политических образований, возникает ощущение угрозы, исходящей от других участников политической жизни. В таком случае создается альянс, чтобы предпринять действия по нейтрализации общего врага. На языке теории игр эта ситуация может быть определена как построение модели игры двух игроков с симметричными выигрышами.

Давайте теперь предположим, говорят авторы статьи, что участники игры выбирают между двумя стратегиями:

C — сотрудничество в борьбе против общего врага (политик, угрожающий положению обоих игроков); или

D — отказ от принятия общих мер по нейтрализации угрозы.

Последнее приводит к попытке решить проблему самостоятельно. От действуя сообща, политики явно не получают мгновенных результатов, но они реализуют общий целостный план. Самостоятельные действия, в свою очередь, принесут мгновенные, но лишь частичные результаты. Следует отметить, что они не знают, какое решение выберет потенциальный союзник. Следующая игровая матрица включает выплаты, полученные в результате выбора игроками С или D.

	C	D
C	4,4	0,2
D	2,0	2,2

Игрок строки и игрок столбца выбирают С или D независимо друг от друга. Допустимы следующие комбинации стратегий:

- (С, С) — политики сотрудничают и, как следствие, их общий враг терпит поражение;
- (D, D) — из-за боязни потерпеть поражение от другой стороны и стремления достичь результатов максимально быстро политики действуют индивидуально; каждый из них решает проблему только частично при индивидуальном действии;
- (С, D) — игрок ряда взаимодействует, а игрок столбца действует независимо; следовательно, первый ничего не получает, а другой только продлевает угрозу;
- (D, С) — игрок ряда действует независимо, а игрок столбца взаимодействует.

2. Игра с двумя популяциями населения

Однопопуляционные модели — это надуманные идеализации. На самом деле, взаимодействия с высоким уровнем релевантности почти никогда не бывает симметричным. Чаще всего можно наблюдать игры между представителями двух и более разных популяций. В биологии это будут индивидуумы, представляющие разные виды; в экономике это будут покупатели и продавцы; и в политической науке это будут, например, представители антагонистических идеологических лагерей. Допустим, они случайным образом вступают в конфликты, связанные с ценностями, доступом к товарам или доступу к власти. Информация о причинах конфликтов и протекании конфликта раскрывается общественности средствами массовой информации. Коллекция стратегий каждого игрока состоит из двух элементов: стратегии сотрудничества (С) — мирное урегулирование конфликта — и стратегии отказа от сотрудничества (D) — стремление к эскалации конфликта с использованием политического насилия.

Ситуация отражается в различных показателях, таких, например, как уровень социального доверия, измеряемый в процентах. Информация об уровне доверия предоставляется через периодически проводимые опросы.

	C	D
C	1,2	0,3
D	1½, 1	-1, 0

В игре возможны следующие комбинации стратегий:

- (С, с) — политики идут на компромисс; следовательно, игрок столбца получает на один процент больше, чем игрок ряда;
- (D, d) — конфликт обостряется; игрок ряда наблюдает за снижением социального доверия, в то время как игрок столбца поддерживает статус-кво;
- (С, d) — игрок строки идет на уступки, а игрок столбца играет в отказ от сотрудничества; первый ничего не проигрывает и не выигрывает, а другой получает три процента балла;
- (D, с) — игрок ряда стремится к эскалации конфликта, а игрок столбца идет на уступку; они оба пользуются более высоким социальным доверием.

Таким образом, М. Вайцер и М. Кукиер-Сугула доказывают преимущества использования моделей эволюционной теории игр в исследованиях по политическим вопросам элиты, так как это приводит к получению точных результатов и возможности проверки. Эти особенности являются результатом построения моделей на языке математики. Авторы подчеркивают, что противники использования математических моделей в исследованиях социальных явлений склонны указывать на то, что математические модели чрезмерно упрощают богатый мир человеческих отношений, что приводит к результатам, далеким от реальности. Безусловно, одним из главных ограничителей применения игрового моделирования в политике является то, что математические модели строятся только на основе рационального поведения всех участников процесса, что для политических акторов практически невозможно.

Выявленный нами **первый тренд** — рассмотрение ценности игрового моделирования через призму взаимодействия, а не столкновения, подтверждает и Д. Лемперт [15], говоря о том, что эволюционная теория игр имеет долгую историю моделирования человеческих взаимодействий и недавно начала использоваться для анализа появления и прогноза долгосрочной жизнеспособности работы команды.

Исследователь рассматривает некоторые основные элементы эволюционного анализа и обсуждает проблемы, связанные с заимствованием эволюционной теории игр из биологии, где она первоначально использовалась для изучения генетической эволюции поведения животных, в гуманитарные науки. В частности, автор подчеркивает важные различия между генетической и культурной эволюцией. Придя к некоторым, как говорит автор, фундаментальным результатам, он описывает недавний эволюционный анализ командной работы и вспоминает предостережение у Х. Бахараха [4] относительно построения игр игроками. Предполагать, что правила игры «безошибочны» для игроков, может являться «чрезвычайно ограничивающим» — особенно для игры «в поле» [2, с. 257–258]. Представление игрока о ситуации следует тщательно теоретизировать, а не принимать как данность [2, с. 271]. Поскольку любая реальная игра подвержена фреймингу игроков, она может существенно отличаться от своего абстрактного представления. Чем дальше взаимодействие продвигается за пределы лаборатории, тем больше это оказывает влияние на принятие решений.

Обе статьи показывают эволюционирующую природу игры и усложнение ее структуры в этой эволюции.

В свою очередь статья Р.Х. Вагнер «Теория игр и проблема международного сотрудничества» построена, наоборот, на критике классических моделей игрового поведения, таких как «дилемма заключенного» и «Охота на оленей» [27].

В самом начале своей статьи автор заявляет, что многие международные конфликты являются результатом анархии на глобальном уровне, а не агрессивными намерениями правительства. В связи с этим «дилемма заключенного» и «Охота на оленя» являются неадекватными моделями, и дилемма безопасности в том виде, в каком она обычно определяется, не должна иметь последствий, которые ей приписывают. Выход из этой ситуации автор видит в разработке более адекватных моделей игр, которые помогут в обеспечении соблюдения соглашений в условиях анархии, а также позволят понять, почему международного сотрудничества легче достичь в одних областях, чем в других.

Вагнер утверждает, что из-за отсутствия глобального правительства очень трудно достичь международного сотрудничества, конфликты часто возникают не из-за агрессивных намерений какого-либо государства, а потому что в условиях анархии даже государствам с оборонительной стратегией сложно избежать участия в конфликтах [27]. Существует множество моделей, метафор и аргументов, подтверждающих такой вывод автора. Один из них — это образ «Охоты на оле-

ней», представленный Руссо: сотрудничество является первым выбором каждого, но последствия сотрудничества, когда другие не делают того же, просто катастрофические [13].

Таким образом, неуверенность в намерениях других ведет к отказу от сотрудничества. Далее автор рассматривает концепцию дилеммы безопасности: действия, предпринимаемые одним государством для повышения своей безопасности, уменьшают безопасность других, тем самым приводя к конфликту. Третья — это дилемма заключенного: у каждого есть доминирующая стратегия побега, но индивидуальный результат хуже, нежели общий, коллективный [27].

Автор начинает обсуждение с рассмотрения игры «дилемма заключенного». Эта игра играет важную роль в обсуждении проблемы сотрудничества. **Во-первых**, она иллюстрирует общий тезис о том, что равновесные результаты в некооперативных играх могут быть неоптимальными. Таким образом, это заставляет задуматься о том, могут ли только равновесные исходы быть решениями некооперативных игр. Автор акцентирует внимание на изучение того, к каким результатам приходят рациональные игроки в любой некооперативной игре.

Во-вторых, порядок предпочтений в игре «дилемма заключенного», по-видимому, отражает предпочтения отдельных лиц (или правительств) во многих ситуациях, когда одни могут отказаться сотрудничать, в то время как другие готовы к сотрудничеству. Например, варианты «С» и «D» в игре «дилемма заключенного» можно отождествить с «без тарифа» и «тарифом», или «не ставить на охрану» (или «снимать с охраны») и «ставить на охрану». Иногда правдоподобно отождествлять их со словами «не атаковать» и «атаковать». Действительно, полезно рассматривать набор международных ограничений как результат международного соглашения.

Конечно, «сотрудничать» и «отступить» могут быть правдоподобными вариантами для выбора правительствами разных стран, и все же их предпочтения по сравнению с четырьмя возможными комбинациями выборов могут не совпадать с предпочтениями двух заключенных. Они могут, например, соответствовать охоте на оленей Руссо.

Р. Х. Вагнер рассматривает и другие варианты, в которых дилемма заключенного не может смоделировать точно ситуации, к которым она применяется, даже когда предпочтения правительства действительно соответствуют предпочтениям заключенных. Изучение этих других неточностей выявит проблемы не только самой игры «дилемма заключенного», но также и весь класс игр 2×2 в качестве инструментов анализа.

Еще один важный способ, которым классическая игра «дилемма заключенного» может не отражать реальность точно, заключается в том, что моделируемая ею ситуация может повторяться, что порождает новую игру, в которой сотрудничество может привести к равновесию [3]. Исследователи указывают на ряд причин, по которым игра «дилемма заключенного» не может точно смоделировать многие ситуации в международных отношениях, к которым она применялась, даже когда предпочтения участников идентичны предпочтениям, принятым в этой игре. Среди них — подразумеваемое в этой игре предположение, что игроки действуют, не зная о выборе друг друга, и что каждый делает выбор только один раз. Во многих ситуациях участники могут реагировать на выбор друг друга, и никто не может рассчитывать на последний выбор. Если это так, условное сотрудничество может быть равновесным результатом, даже если предпочтения игроков совпадают с предпочтениями дилеммы заключенного, и игра проводится только один раз. Это противоречит распространенному представлению о том, что, когда предпочтения индивидов совпадают с предпочтениями заключенных, условное сотрудничество рационально только в том случае, если игра повторяется бесконечно [27].

Рассмотрение более широкого диапазона стратегий (даже когда у игроков есть одинаковое количество вариантов выбора) позволяет, например, разработать те-

оретико-игровую модель дилеммы безопасности. Такая модель демонстрирует, что дилемма безопасности, как ее обычно определяют, не обязательно должна иметь последствия, которые ей обычно приписывают. К счастью, тот факт, что повышение безопасности одной нации должно ослабить безопасность другой, не является достаточным условием для существования опасности чисто оборонительного конфликта или гонки вооружений.

Таким образом, считает автор статьи, «теории дилеммы безопасности, подобные тем, которые основаны на дилемме заключенного, приводят к чрезмерно пессимистичным выборам, сделанных правительствами разных стран» [12, ч. 345].

Из всего этого автор делает более общий вывод: любая игровая матрица может точно представить ситуацию, только если она включает в себя все возможные стратегии. Но стратегии зависят не только от альтернатив, доступных игрокам, но и от последовательности, в которой они выбирают, и от того, какую информацию они имеют при выборе. Таким образом, только очень простые ситуации можно адекватно смоделировать без предварительного представления в развернутой форме. Ни одна из классических игр 2×2 не может соответствовать всему разнообразию жизни.

Предлагаемый анализ касается вопроса о влиянии анархии на отношения между государствами. Использование «дилеммы заключенного» (или «охоты на оленя») в качестве метафоры или модели при обсуждении этого вопроса приводит к тому, что мы фокусируем наше внимание на неоптимальности результатов, которые могут возникнуть, когда соглашения не могут быть исполнены. Помимо этой проблемы автор статьи считает необходимым подчеркнуть еще одно последствие анархии: коллективные решения на глобальном уровне принимаются путем переговоров, а не голосования. Таким образом, некоторые из атрибутов международных отношений, которые приписывались отсутствию исполнителя соглашений, на самом деле являются следствием дороговизны (и возможной несправедливости) переговоров.

На наш взгляд, Р. Х. Вагнер в своей статье демонстрирует нам не столько ограничения действий классических игровых моделей, сколько проблему отсутствия системы мирового порядка, которая бы закладывала одни для всех правила игры, условия конкуренции и стабильности.

Использование классических игровых форм для моделирования общественного и политического поведения в своей статье «Разнообразие, толерантность и общественный договор» продолжает Д. Брунер [8]. По его мнению, философы и социологи недавно обратились к теории игр и агентным моделям, чтобы лучше понять формирование социального контракта. «Охота на оленей» — это идеализация формирования общественного договора. Используя игру «охота на оленей», мы, пишет автор, пытаемся определить, что препятствует формированию эффективного общественного договора.

В статье автор обнаруживает глубокую связь между толерантностью, разнообразием и общественным договором. Он исследует простую модель, в которой люди обладают ярко выраженными чертами и действуют сообща, когда разница между их характеристиками и характеристиками их двойника меньше их «уровня терпимости». Если черты фиксированы и соответствуют постоянным или полупостоянным чертам личности, таким как религия или раса, формирование общественного договора представляется удаленной возможностью. Если черты податливы, формирование общественного договора возможно, но приходит ценой разнообразия и терпимости, то есть люди не желают сотрудничать с теми, кто сильно отличается от их самих. Однако, отмечает автор, гомогенность и нетерпимость не являются многолетней особенностью населения.

Возможности эволюционной теории игрового моделирования расширяются в плане применения и на области, смежные политике, такие как этнические, расовые,

религиозные отношения, раскрывают авторы статьи «Эволюционная теоретико-игровая модель для этнорелигиозных конфликтов между двумя группами» [18].

Этнорелигиозный конфликт в многокультурных обществах был одной из основных причин гибели людей и имущественных потерь в новейшей истории. В статье авторы представляют и анализируют многоагентную теоретико-игровую модель для компьютерного исследования этнорелигиозных конфликтов в мультикультурных обществах. Эмпирические исследования, основанные на фактах в литературе по социологии и разрешению конфликтов, выявили:

- а) этнорелигиозную идентичность населения;
- б) пространственную структуру (распределение) населения;
- в) существующую историю враждебности и
- г) влияние лидеров как один из основных факторов, вызывающих этнорелигиозное насилие.

Ламсден [17] также экспериментально показал, что мультикультурный конфликт можно рассматривать как игру «дилемма заключенного». Автор представляет результаты моделирования, показывающие влияние различных параметров модели на склонность к конфликту в популяции, состоящей из двух этнорелигиозных групп и сравнивает результаты моделирования с реальными данными о возникновении этнорелигиозного насилия в Югославии.

Далее Луо и др. [18] разработали и проанализировали модель для изучения конфликтов в мультикультурных обществах, основанную на игре «дилемма заключенного» в графах, и пришли к выводу — игра «дилемма заключенного» в виде графиков обычно способствует развитию сотрудничества, но разделение населения на две группы приводит к увеличению доли связей $D - D$ в этих двух группах (что является мерой тенденции к конфликту).

Авторы проанализировали свою модель, выполнив несколько наборов симуляций, показывающих влияние различных параметров, определяющих эту модель. Они показали, что доля пар $D - D$ относительно нечувствительна к количеству узлов в двух группах, то есть количеству агентов. Таким образом, точное количество агентов, присутствующих в обществе, не имеет отношение к тенденции к конфликту. Тенденция конфликта возрастает с увеличением количества граней коммуникации между двумя группами (что представляет собой взаимодействие между группами агентов). Авторы также показали, что тенденция конфликта гораздо выше между двумя группами разного размера, чем между двумя группами аналогичного размера. Это происходит главным образом потому, что у меньших групп больше стимулов к дезертирству, чем у больших групп [17].

Следует отметить, что для Р. Хариссона является недостатками игрового моделирования то, что в политике для Ланда и Мейровица выступает большим достоинством [14]. Они утверждают, что с достаточно широким понятием рациональности и разнообразным набором мотиваций теоретико-игровая традиция особенно хорошо подходит для выработки понимания эффектов совещательных институтов. Прогресс в развитии совещательной демократической теории зависит от правильного осмысления отношения между теоретико-игровым и нормативно-теоретическим подходами к обсуждению. Авторы статьи исследуют центральные методологические вопросы, лежащие в основе этих отношений, и рассматривают аргументы, выдвинутые против релевантности теоретико-игровой работы.

Процесс принятия политических решений, который «не создает возможности или не может воспользоваться преимуществами обсуждения, неизбежно поднимает вопросы о легитимности полученных результатов» [10, с. 427]. Обсуждение способствует легитимности и справедливости политического выбора, дает возможность лучше оценить мотивы сограждан в отношении данного политического выбора.

Далее авторы рассматривают теоретико-игровой подход, который включает трех-этапный процесс.

Первый этап определяет:

(а) соответствующие выборы, которые, как считается, доступны игрокам, модели обсуждения, а именно, какие сообщения, если таковые имеются, могут быть отправлены, и какие решения могут быть приняты после обмена сообщениями;

(б) что игроки знают об этих выборах, друг о друге и о взаимодействии, в котором они участвуют, и, наконец;

(в) насколько привлекательными будут последствия этого выбора, если бы они знали все его последствия заранее.

На втором этапе определяется концепция решения, которая воплощает в себе набор предположений о поведенческом агентстве (общая модель индивидуально-го поведения, которая дает предсказания о действиях или поведении участников при указании среды выбора, приписываемых игрокам в модели).

Учитывая первые два этапа, логически вытекает третий этап: через четко определенные методы анализа можно генерировать прогнозы о том, какие типы поведения в отношении конкретных выборов, анализируемых в модели, являются и не являются взаимно согласованными, то есть поддерживаются или не поддерживаются равновесиями указанной игры. Хотя эта работа направлена на создание характеристик поведения, важно видеть, что то, что в ней говорится о совещательном/дискуссионном поведении, вызвано его акцентом на природе совещательной/дискуссионной среды. Предлагаемый нами анализ — это анализ свойств этой среды, и он способствует изучению дискуссии в той мере, в какой эта среда отражает существенные институциональные характеристики совещательной демократии. Таким образом, в своей работе авторы рассматривают совещательную демократию как среду.

Выводы, к которым приходят авторы статьи, следующие: теоретико-игровой анализ показывает, что совещательная демократия не застрахована от проблем со стимулами. В частности, стимулы к искажению или воздержанию от обмена соответствующей информацией проявляются в различных условиях. Какие последствия должны иметь эти наблюдения для дальнейшего развития совещательной демократической теории? Одна из возможностей — игнорировать проблемы и изучать только достаточно идеализированное обсуждение. Второй вариант состоит в том, чтобы принять возможность возникновения проблем, но исходить из того, что эти проблемы имеют значение только в узком диапазоне условий. Третий вариант — признать, что эти проблемы важны, отказаться от аргументов и выводов, предположив, что проблемы со стимулами были или будут решены, и продолжить исследования.

Основываясь на существующих теоретико-игровых подходах, есть основания полагать, что детали могут иметь большое значение, а игнорирование изучения стимулов будет означать потерю возможности разработать более богатые и тонкие теории совещательной демократии [14].

Авторы статьи стремились обосновать ценность четвертого варианта, который выходит за рамки дружелюбных советов «живи и дай жить другим». Он опирается на нормативный анализ для выяснения аксиом и ранжирования компромиссов между ними, а также на эмпирический и теоретико-игровой анализ для определения того, как поведенческие и институциональные элементы сочетаются друг с другом. По сути, в этой статье идет речь об уже сложившемся феномене современной политики, как консультативная демократия, но ее концептуализация состоялась гораздо позже, чем была написана данная статья.

Следует отметить, что и исследование Ланды и Мейровица, и статья Р. Манделя [19] демонстрируют нам еще один, **второй тренд** в отношении использования

игрового моделирования в политическом пространстве — их применение при разработке и принятии политических решений.

Американские внешние политики обратились к политическим играм в конце 1950-х годов. Политические игры — это практика, в ходе которой встречаются команды, представляющие национальные правительства и обсуждают кризисные ситуации, представленные в сценариях. С момента создания этой технологии, большинство реальных и потенциальных кризисов во внешней политике Америки было темой игр, в которых участвовали представители высшего и среднего звена правительства.

Такие учения проводились в корпорации RAND¹, Технологическом институте Массачусетса, Пентагоне и Центральном разведывательном управлении.

Статья Р. Манделя, изданная в 1977 г., представляет собой первое систематическое исследование достижений профессиональных политических игр в анализе и сокращении искажений во внешней политике во время кризисов [19]. В статье использовано четыре источника информации:

1. Четыре серии политических игр, проведенных Lincoln Bloomfield с 1960 по 1969 г., с ЦРУ и отделом персонала департамента обороны и госдепартамента.
2. Три серии политических игр, проводимых William Jones из RAND с 1974 по 1975 г., с персоналом RAND и Министерства обороны.
3. Ряд тщательно контролируемых экспериментальных политических игр, проводимых автором статьи со студентами Йельского университета в октябре 1975 г.
4. Эксперименты и выводы по результатам двух политических игр, проведенных автором в июле 1974 и 1975 г. с персоналом ЦРУ.

Искажения, выявленные во внешней политике во время кризисов, явно представляют собой проблему, требующую срочного решения. Хотя положительные результаты отмечаются как участниками, так и наблюдателями игр профессионального уровня, всестороннего систематического обзора этих игр не проводилось.

Современная политическая игра была изобретена Herbert Goldhamer из Корпорации RAND в 1955–1956 гг. как средство для RAND и Департамента обороны для изучения политических ситуаций и принятия политических решений [11]. В 1958 г. Lincoln Bloomfield из Массачусетского технологического института модифицировал упражнения RAND и начал проводить игры с участием чиновников среднего звена внешней политики. Его целью было не только ослабить политические предположения игроков, но также разработать и протестировать гипотезы об американских внешнеполитических предпочтениях [16].

Первоначальная цель игр Пентагона, в которых участвуют высокопоставленные должностные лица, должна была улучшить межведомственное взаимодействие между новыми интеллектуалами в области обороны («Whiz Kids») в Вашингтоне и старшим поколением, а именно профессиональным военным штабом. В 1974 г. Goldhamer инициировал серию политических игр Аналитической группы Управления политических исследований Центрального разведывательного управления. В играх были задействованы в основном сотрудники среднего звена ЦРУ. Их основная цель — способствовать более широкому обсуждению и общению в организации.

Политические игры, проводимые на профессиональном уровне, имеют достаточный общий формат. Перед игрой группа «Контроль» пишет сценарий кризиса. Игра состоит из трех-шести периодов продолжительностью от одного до четырех часов. Обычно насчитывается от двух до семи команд; каждая команда состоит из трех-десяти игроков и обычно представляет одну страну. В играх Пентагона и RAND почти всегда участвуют команды, представляющие Соединенные Штаты, и команды,

¹ Корпорация RAND (сокращение от Research and Development — научно-исследовательские разработки) стала первой в мире «фабрикой мысли» (по-английски — think-tank).

представляющие Советский Союз (называемые соответственно «синими» и «красными»). В течение каждого периода каждая команда принимает решение о действиях своей страны, исходя из предполагаемых в игре интересов и целей, — в ответ на ситуацию, изображенную в сценарии. Между этими этапами контрольная группа пишет новый сценарий, изображающий прогнозируемый исход событий в свете предыдущих ходов, который представляется командам в начале следующего периода. Каждое упражнение завершается критическим анализом вопросов, поднятых в игре.

Существующая психологическая теория убедительно указывает, что динамика политической игры может помочь уменьшить и проанализировать любые распространенные искажения. В частности, многочисленные эксперименты с ролевыми играми и групповой динамикой показали, что игры могут отвлечь участников от их ригидных ролей, предубеждений и ограничений и заставить их более сочувствовать (быть открытыми) новым идеям и чужим мнениям. Более того, существует несколько альтернатив политическим играм с участием лиц, определяющих внешнюю политику правительства, которые позволяют анализировать текущее восприятие этих политиков во время кризисов.

Можно выдвинуть два набора гипотез: политические игры могут уменьшить определенные искажения, связанные с принятием решений во время кризисов, и что определенные искажения международного восприятия во время кризисов находят отражение в политических играх.

Первый набор гипотез отражает наиболее серьезные искажения во время кризисов, а также области эффективности, приписываемые политическим играм психологическими теориями. Эти гипотезы касаются повышенного воображения, гибкости и внимательности участников, порождаемых политическими играми, по сравнению со стандартными операционными процедурами.

Лица, принимающие решения во внешнеполитическом кризисе,

- с большей вероятностью проявят яркое воображение, исследуя большее количество политических альтернатив;
- с большей вероятностью проявят повышенную гибкость за счет одновременного принятия большого разнообразия совершенно разных общих подходов к решению политических проблем;
- с большей вероятностью проявят повышенное внимание к сторонним точкам зрения, учитывая большее количество прогнозируемых реакций других участников.

Второй набор гипотез отражает теоретическую и эмпирическую важность представлений, выявленных во внешнеполитических кризисах. Во время кризисов именно в этих областях происходит наибольшее заблуждение международного сообщества. Гипотезы, в частности, касаются представлений игроков о ясности общения, враждебности и власти государств во время кризисов. Гипотезы о враждебности и власти включают различие между сторонами конфликта «статус-кво» и «не-статус-кво»: между государствами, стремящимися сохранить баланс сил, и теми, кто стремится его нарушить:

- лица, принимающие решения, вовлеченные во внешнеполитический кризис, могут воспринимать уровень ясности выраженных намерений своего государства в отношении других государств, вовлеченных в кризис, как более высокий, чем это воспринимается лицами, принимающими решения с другой стороны;
- лица, принимающие решения за государства, вовлеченные в иностранный политический кризис, вероятно, будут воспринимать уровень своего собственного государства менее враждебным и агрессивным, чем это воспринимается лицами, принимающими решения за другие государства.

Чтобы проверить эти гипотезы, были сопоставлены представления каждой команды о себе (представляющие образ своего государства, определяющие внешнюю

политику). И восприятие этой команды другими командами (моделирующими внешнюю политику, и восприятие нации другими народами).

В RAND и Массачусетском технологическом институте играх данные для этих гипотез были собраны посредством контент-анализа соответствующих записанных командных ходов. В играх Йельского университета данные собирались путем ответов членов команды на анкеты после игры. Основное предположение состоит в том, что каждая нация искажает свои образы по отношению к перспективам других наций, независимо от того, каковы «объективные» уровни [19].

Утверждалось, что результаты игр не совсем связаны с «реальным» положением вещей из-за искусственности сути игры. Но это утверждение кажется маловероятным. В политических играх с участием чиновников политики, принимающие решения, являются членами команды. Во время государственного кризиса происходит такое же суженное понимание проблемы, как и в кризисе; доступная информация может быть скудной и поэтому может помешать реалистичному изображению ситуации участниками. Когда в игре участвуют профессионалы, моделируется реальная ситуация и к игре относятся очень серьезно, также как и к решениям, принимаемым в ходе игры. Во многом это обусловлено тем, что высокопоставленные участники понимают, что результаты игры будут читать их подчиненные.

Во многих играх с участием чиновников отсутствие рутинного противостояния разных точек зрения и узости взглядов на альтернативы принятия решений, рассматриваемых в обычных условиях, отображаются двумя способами. Многие участники выразили шок по поводу некоторых взглядов и вариантов политических действий, предложенных в играх. Часто ко времени окончания игры, когда упражнения заканчивались, ее участники неизменно обнаруживали, что первые шаги в игре были совершенно непродуманными и неуместными. Таким образом, рутинные процессы принятия решений не приводят к улучшениям, оставляя политиков в рамках стереотипов и ограничений, в то время как игра расширяет границы и варианты принятия оптимальных решений в период кризиса.

Таким образом, чтобы определить применимость политических игр к любому исследованию или политике, следует также учитывать их стоимость. Несколько из сложных игр Пентагона могут стоить до 5000 долл. каждая (в основном это оплата времени участников); игра может длиться до двух недель, включая временные затраты на переезд (несколько часов). Подготовка к игре может занять полгода или несколько сотен часов; в игру может быть вовлечено около пятидесяти участников (включая членов команды и Контроль).

Тем не менее некоторые из ЦРУ игр длились всего шесть с половиной часов, потребовалось всего около пятидесяти часов предварительной подготовки, в игре участвовало всего девять игроков, стоимость была невелика, так как участники игры входившие в агентство, считали игру частью своего обычного рабочего графика. Затраты явно различаются в зависимости от типа политической игры и участников.

Возможно, самая большая стоимость игры — это талант, а не деньги, так как важным и ключевым моментом является написание соответствующих сценариев игр. Сценария, который бы стимулировал выработку тонких и интересных решений.

Сценарист также должен принять ряд сложных решений, например, о количестве пройденного времени. Проектирование сценария в далекое будущее (например, более пяти лет) может уменьшить ценность участников, которые являются экспертами по текущему состоянию кризиса.

Таким образом, основные затраты, связанные с разработкой сценария — это сложность получения специалистов в данной области. Политические игры заслуживают более широкого использования как в академических исследованиях, так и в формировании государственной политики. Необходимы дальнейшие исследования и доработки для более точного определения конкретных условий, при кото-

рых метод игр является наиболее подходящим. Более того, предложенные автором модификации существующих теорий международных кризисов также потребуют большего исследования, чтобы определить пределы их обобщения.

Третий тренд, который нам удалось вывить в процессе анализа статей зарубежных авторов — большое количество попыток разработки новых подходов к анализу самой методологии игрового моделирования в политике.

Д. Снидаль [23] снова обращается к анализу методологии теории игр в системе международных отношений, выделяя ее плюсы и минусы. Лейтмотивом его статьи является то, что он открывает новые границы и области применения игр в мировой политике. Он отмечает, что возрождение интереса к играм было связано с новым применением игровых моделей в международной политической экономии в дополнение к их теперь стандартной роли в военно-политическом стратегическом анализе. Это своевременное противоядие от исключительного использования стратегического анализа применительно только к военным вопросам. В основе стратегического анализа лежит не конкретный предмет военных или экономических проблем, а базовая концепция того, как мы понимаем политику между государствами. Эта концепция национальных государств как взаимозависимых, стремящихся к цели акторов, лежит в основе анализа стратегических игр; он применим в различных проблемных областях.

Изменение теории игр заключается в расширении области модели рационального актора, выходящей за ограничительные рамки традиционной реалистической точки зрения, в более сложный мир, где теория игр посвящена не столько проблемам конфликта, сколько проблемам сотрудничества. Окончательную отдачу от теории игр Д. Снидаль видит в использовании игровых моделей для понимания различных аспектов международной политики с точки зрения единой теории.

Важно также отметить, что в настоящее время теории игр рассматриваются с точки зрения их практического применения. Одним из достоинств недавних приложений теории игр к вопросам как военной, так и политической экономии, является внимание к эмпирическим следствиям и оценке дедуктивной теории.

Применение теории игр к международным отношениям поднимает множество сложных эмпирических вопросов. Например: кто соответствующие действующие лица? Какие правила игры? Какие варианты доступны каждому актору? Каковы дивиденды в игре? Какую проблему лучше всего охарактеризовать как однократную или многократную? Анализируя ту или иную проблему, невозможно однозначно ответить на все эти вопросы.

Теория игр требует больше информации, чем можно получить. Часто нужны соответствующие исторические подробности о контексте взаимодействия, понимание личностей и поведения лиц, принимающих решения, а также понимание дипломатического или внешнеполитического процесса. Эти недостатки (нехватка информации) теоретико-игрового анализа привели некоторых аналитиков к выводу, что его полезность в качестве теоретического руководства для эмпирического исследования международной политики серьезно подорвана. Это утверждение показывает неправильное понимание возможностей теории игр, рассматривая ее как описательный, а не аналитический инструмент.

Данное различие можно проиллюстрировать на примере используемой теории игр как описательного, а не аналитического инструмента. Снайдер и Дизинг применяют игровые модели, исследуя 16 исторических кейсов для анализа переговоров/торга во время международных кризисов. Их техника заключается в реконструкции игровой структуры, лежащей в основе каждого кризиса из подробного исторического анализа событий [24].

Снайдер и Дизинг использовали исторические кейсы кризиса для создания описательной модели игры, их использование теории игр не дает никаких про-

гнозов, а вся их работа иллюстрирует чисто описательное использование игровых моделей.

Настоящая сила теории игр как для эмпирических, так и для теоретических целей, возникает, когда они используются для получения новых результатов, когда направлены на понимание, а не реконструкцию отдельных ситуаций.

Эта цель требует рассмотрения теории игр как теории международной политики с точки зрения целенаправленного поведения государств во взаимозависимой международной системе. Это означает, что игровые модели бесполезны для прогнозирования результатов, которые в значительной степени определяются нецелесообразным или несистематичным поведением. Если все или большинство случаев определяются такими факторами, то теория игр мало что может сказать о международной политике. Однако, если предпочтения, стратегии и выгоды могут быть смоделированы точно, то теория будет генерировать важные проверяемые прогнозы.

Конечным критерием оценки теории игр является то, действительно ли она расширяет наше понимание важных вопросов международного сотрудничества. Теория носит очень общий характер и не дает конкретных прогнозов без дополнительных, вспомогательных предположений. Поэтому ее полезность зависит от того, ставит ли она интересные вопросы о международных проблемах и предлагает ли плодотворные направления для эмпирической разработки. Конечно, проверка теории заключается не в конкретных предсказаниях поведения в заданных обстоятельствах, а в общем объяснении поведения в проблемных областях и в том, дает ли теория игр новое понимание/инсайты в международной политике.

Разнообразные международные проблемы можно решать в рамках общей теоретико-игровой структуры, которая не подавляет разнообразия контекста, а основывается на том, чтобы исследовать последствия различных контекстных различий. Таким образом, теория подчеркивает важность контекста, не позволяя теряться в нем.

Эта универсальность игровых моделей может быть скорее недостатком, чем достоинством. Теория игр достаточно гибка, чтобы включать множество различных предположений о мировой политике. Корыстное поведение государств не обязательно ведет к сотрудничеству или конфликту. Появление более сильных международных институтов, формальных или неформальных, также не рассматривается как либо неизбежное, либо утопическое. Напротив, эти условия просто входят в число разнообразных возможностей, которые можно было бы предсказать.

Снидаль делает заключение, что теория подталкивает нас к заполнению соответствующего эмпирического соответствия для исследования таких возможностей. Таким образом, «теория игр международной политики» поможет нам прояснить и обновить более общие метафоры «гоббсовской анархии» и «международной организации», которые мешали нашему пониманию международной политики.

Политическую науку очень часто обвиняют в отсутствии собственной методологии и заимствовании ее из других наук, как точных, так и гуманитарных. Безусловно, это так, но адаптируя заимствованные методы для своих целей, политологи часто изобретают новые методы, так произошло и с теорией игры. Теория игр в политологии была превращена в новый метод прогнозирования — метод сценарных прогнозов. Об этом статья коллектива авторов «Представьте мир, в котором»: использование сценариев в политологии» [5].

Важнейшим аспектом преодоления разрыва между наукой о международных отношениях и реальной политикой является создание предметных, актуальных для политики исследовательских программ. Авторы описывают использование сценарного анализа как ценный экспериментальный и проблемный метод для разработки инновационных исследовательских идей в политической науке. Авторы уделяют особое внимание научному и педагогическому потенциалу сценариев для докто-

рантов, описывая структурированное использование сценариев на ежегодном мероприятии New Era Foreign Policy Conference. Особенности анализа сценариев, которые рекомендуют его использование разработчикам политики, также делают его хорошо подходящим для оказания помощи политологам в разработке программ исследований, имеющих отношение к политике. Сценарии — это правдоподобные и структурированные истории, которые помогают представить, как будущий политико-экономический мир может отличаться от прошлого и подчеркивать политические вызовы. Сценарный анализ может выявить недооцененные, но неотложные вопросы в международных отношениях, требующие целенаправленного расследования. В свою очередь, поиск ответов может формировать важные исследовательские программы, направленные на обеспечение практической ясности в понимании современных глобальных проблем и вызовов.

Сценарии могут помочь политологам придумывать правдоподобные альтернативные миры будущего. Кроме того, это позволяет политологам начать необходимые исследования, чтобы предоставить политикам эмпирически надежные и полезные ответы на важные вопросы политики, которые станут важными в будущем.

Одна из целей развертывания процесса, который мы здесь описали, состоит в том, чтобы ускорить инновации в политической науке, имеющей отношение к живой политике, путем смещения ментальных карт и тем самым освещая новые и важные области исследования. Сценарный анализ может быть бесценной помощью ученым в постановке вопросов, которые обычно не задают в политических кругах, построении теории среднего уровня, чтобы предложить ответы на эти вопросы, а затем передаче ответов лицам, принимающим решения, доступными для них способами.

Четвертый тренд, который напрашивается при анализе статей иностранных авторов, связан с тем, что игру рассматривают как форму эффективной политической коммуникации. Этой проблематике посвящена статья С. М. Амад «Теория игр, дешевые разговоры и политика пост-правды: Давид Льюс VS Джон Сирл о мотивации говорить правду» [1].

Автор утверждает, что стратегического взгляда на коммуникацию недостаточно ни для того, чтобы моделировать повседневную дискуссию, ни для отражения общественной жизни, полезной для демократического правления. И педагогика стратегической коммуникации как дешевый разговор (cheap talk), и ее соответствие новым цифровым информационным технологиям бросают вызов нормам правдивости, лежащим в основе современных институтов.

Ученые Google демонстрируют широкое использование сигнальных игр для моделирования многочисленных институтов всей политической экономики. В современной политической практике акторы решили продвигать ложные новости как средство для достижения своих целей. Ложные новости могут привлечь внимание из-за своей иррациональности, но они также могут показаться заслуживающими доверия из-за иррациональности смелой отправки ложных сигналов [1].

Пятый выявленный нами тренд при анализе результатов опубликованных исследований в зарубежных журналах — существует блок статей, которые посвящены анализу книг, которые уже являются классическими в области игрового моделирования. Статья С. Верба «Симуляция, реальность и теория в международных отношениях» основана на обсуждении работ:

- Гарольд Гетцкоу, Чедвик Ф. Алджер, Ричард А. Броуди, Роберт К. Ноэль и Ричард С. Снайдер, Моделирование в международных отношениях: разработки для исследований и преподавания, Энглвуд Клиффс, Нью-Джерси, Prentice-Hall, Inc., 1963, 248 с.;
- Гарольд Гетцкоу, редактор, Моделирование в социальных науках: чтения, Энглвуд Клиффс, Нью-Джерси, Prentice-Hall, Inc., 1962, 199 с.;

- Ричард А. Броуди, «Некоторые систематические эффекты распространения технологии ядерного оружия: исследование путем моделирования многоядерного будущего», *Journal of Conflict Resolution*, (декабрь 1963 г.), весь выпуск, 126 с. [26].

Обсуждаемые три работы явились результатом моделирования исследований, проведенных под эгидой Программы международных отношений Северо-Западного университета. Том «Моделирование в международных отношениях» Гетцкова и др. состоит из семи статей, в которых рассказывается о развитии межнационального моделирования как инструмента исследования и обучения. В статьях обсуждается причина такой попытки смоделировать отношения между нациями, представлены ее теоретические основы и описываются ее действия. Исследование Ричарда Броуди, которому *Journal of Conflict Resolution* посвятил свой выпуск в декабре 1963 г., представляет собой серьезную попытку использовать межнациональное моделирование для исследования проблемы, представляющей большой существенный интерес, — воздействие распространения ядерного оружия в международной системе. А книга «Моделирование в социальных науках» под редакцией Гетцкова содержит сборник статей об использовании методов моделирования в других областях социальных наук. Эти три работы вместе дают хорошее представление о современном состоянии исследований о симуляции в социальных науках.

Какой вклад в построение теории могут внести имитационные исследования? Один из основных вкладов моделирования в развитие теории международных отношений содержится в вышеизложенном обсуждении. Это связано с первоначальным дизайном такой симуляции. Процесс моделирования вынуждает проектировщика объяснять его модель международных отношений. Иногда это может быть не столько создание новых точек зрения на предмет, сколько объяснение традиционной мудрости. Мы вынуждены четко указать, что могут быть неявные предположения о предмете изучения — для того, чтобы эти допущения были включены в операционную модель. Эта экспликация традиционной мудрости, действительно, может быть одной из самых полезных задач в современной социальной науке. Частично такое объяснение полезно, потому что большая часть традиционной мудрости может быть неправильной или противоречивой, и объяснение поможет нам выявить эти недостатки.

Эксплицированная модель готова к работе, и со временем генерирует данные о последующих состояниях моделирования. Затем вы получаете информацию о работе симуляции — точно так же, как у одного изначальна была информация о действии политика в реальном мире. Но какая польза от этих данных, собранных из мира симуляции? У нас может быть информация о том, что отдельные участники надуманной модели международной системы вели себя определенным образом — они вступили в войну, они образовали союзы, они были свергнуты в результате революции. Но зачем собирать данные из мира симуляций?

В каком-то смысле это ключевой вопрос об использовании результатов имитационных исследований. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала взглянуть на типы данных, которые генерируются при моделировании. Полученные таким образом данные отличаются от данных, полученных в результате реальных политических событий, по нескольким важным причинам. Во-первых, с помощью моделирования можно получить данные об определенных ситуациях, которые редко случаются в реальном мире или, возможно, еще не произошли. Одна из проблем при проведении исследований в реальном политическом мире состоит в том, что некоторые ситуации, которые нужно объяснить, случаются настолько редко, что невозможно получить достаточное количество случаев для обобщений. В симуляционном исследовании можно воспроизвести некоторые из этих редких событий и запустить симуляцию снова и снова, пока хватит средств и терпения исследова-

теля. Можно многократно моделировать отдельные типы международной системы, или можно смоделировать события, которые еще не произошли, — такие как международный конфликт в многоядерном мире или, как это сделал Броуди, распространение ядерного оружия. Таким образом, хотя такие методы, как исследование или анализ содержания, дали нам относительно точные методы работы с политическими событиями, которые происходят в большом количестве — решения о голосовании, изменение отношения, манипуляции с символами — методы моделирования могут быть наиболее важными для макрополитических явлений, которые происходят менее часто.

Так, например, методы моделирования используется, чтобы иметь дело с макрофеноменом результатов выборов. В то время как исследования предоставляют широкий спектр данных об отдельных решениях при голосовании, изучение избирательной системы на макроуровне сопряжено с различными проблемами; и несколько попыток применить методы моделирования к этим проблемам показывают, что это может быть плодотворным. Еще одно различие между данными моделирования и данными реального мира состоит в том, что первые более четкие и простые. В симуляции происходит меньше, чем в реальном мире, и все, что происходит, находится под большим контролем. Предположим, кто-то хочет наблюдать за реакцией лиц, принимающих решения в одной стране, на действия другой страны в реальном мире. Сама идентификация лиц, принимающих решения, затруднена, как и наблюдение за их поведением. Кроме того, они участвуют во многих сложных взаимодействиях одновременно, поэтому нельзя быть уверенным, что они реагируют на конкретный стимул, который хотят проверить исследователи. С другой стороны, в моделировании, где поток взаимодействий более ограничен и под контролем, можно получить более однозначные результаты. Кроме того, данные, полученные при моделировании, можно наблюдать более тщательно. У исследователя есть почти полный доступ к истории симулируемого мира; можно по желанию измерять отношения, записывать разговоры и отслеживать сообщения. А поскольку количество задействованных субъектов ограничено и четко определяется, можно записать почти полную историю.

К статьям, подтверждающим уже озвученный тренд, относится и статья «Игры в политике» Р. Ауманна [2], посвященная анализу книги Анатолия Рапопорта «Драки, игры и дебаты» 1960 г. [20].

А. Рапопорт отмечает, что последние десятилетия мы увидели огромное количество работ по использованию и применению математики к неточным наукам. На общепринятом языке эта деятельность называется «построением моделей»; математические модели были построены в различных дисциплинах, от биологии и психологии до экономики, социологии, лингвистики и даже политики. Одна из самых привлекательных из этих моделей носит причудливое название «теория игр». Более правильным было бы назвать это «теория конфликта и сотрудничества»; но математики любят крестить своих младенцев по внешнему виду, а не по работе, которую они должны выполнять. Математические войны и игры похожи друг на друга, и если кто-то хочет построить модель торга, то не имеет значения, идет ли речь о разоружении или кофе-брейке. «Драки» в книге Рапопорта изучаются в контексте «социальной физики», то есть математических моделей массового действия, действия, на которое индивид не имеет влияния. «Игровая» часть описывает теорию игр — математическую модель, основанную на индивидуальной рациональности. Часть «дебатов» представляет собой психологический анализ искусства завоевывать мнение других; основная сложность состоит в том, что для того, чтобы привлечь других на свою сторону, вы сначала должны заставить их вас выслушать. В отличие от первых двух, эта третья часть не использует математических инструментов. Все три части книги в той или иной форме посвящены конфликту и сотрудничеству.

Эта работа, безусловно, лучшая из существующих популяризаций теории игры. Она ясная, информативная и захватывающая, помогает глубокому пониманию философской основы и развития теории, предлагает интересные возможные новые пути развития. Особенностью книги являются многочисленные примеры из всех сфер жизни и литературы (например, из «Войны и мира»).

В заключение А. Рапопорт пишет, что теория игр определенно должна быть применима к политическим теориям, а разработка инструментов для применения теории игр по конкретным политическим проблемам могла бы стать очень интересной и полезной.

Шестой тренд, который выявился в процессе анализа статей, заключается в том, что существует устойчивое мнение и применение игрового моделирования чаще всего в прогнозировании на выборах и особенно в тех политических системах, которые основываются на теории рационального выбора при голосовании [21]. Заметим, однако, что в отечественных журналах публикаций на эту тему гораздо больше, они составляют основную массу статей по игровому моделированию в политической сфере. Это свидетельствует о том, что когда исследовательский интерес к этому вопросу в российской науке только оформился, в западных странах он уже пошел на спад. О игровом моделировании на выборах много писали в 60–70-е годы прошлого века.

Разрабатывая аналитическую основу для сравнительного исследования процессов демократизации путем выборов, Шедлер сначала излагает методы манипулирования выборами, которые авторитарные правители используют для контроля результатов выборов. Далее в статье утверждается, что манипулирование выборами имеет тенденцию запускать двухуровневые игры, в которых электоральная конкуренция «вложена» в избирательную реформу, и подчеркивается причинное взаимодействие и стратегическая взаимозависимость двух уровней. В ней описываются основные стратегические выборы и стратегические дилеммы, с которыми сталкиваются субъекты в повторяющихся циклах конфликта. Автор анализирует неопределенность результатов, отношение сил и стратегические реакции, которые характеризуют игру. Наконец, объясняется, как акторы могут справиться с ее амбивалентным и неопределенным характером — они могут разработать «смешанные» стратегии или отдать предпочтение одному уровню игры над другими.

Автор заключает, когда авторитарные правители проводят выборы с ошибками, они открывают «вложенные nested игры», в которых борьба за голоса и борьба за избирательную реформу идут рука об руку. После описания техник манипулирования выборами, которые могут использовать новые автократы на выборах, в статье проанализирована политическая логика двухуровневых игр по демократизации посредством выборов. Обрисовано причинно-следственное и стратегическое взаимодействие между электоральной конкуренцией и избирательной реформой и обрисована в общих чертах структурная амбивалентность, динамическая неопределенность, стратегический выбор, тонкая взаимозависимость и стратегические дилеммы, связанные с игрой. В статье представлена идея «вложенной» (nested) двухуровневой игры как эвристического инструмента для сравнительного исследования электоральных путей к демократии. В «третьей волне» мировой демократизации многие страны переживают процессы демократизации путем выборов. По всему миру, от Бразилии до Мексики, от Польши до Армении, от Сенегала до Кении, от Малайзии до Тайваня, политические деятели вели амбивалентную игру, борясь за голоса и места и одновременно пытаясь изменить основные правила и условия предвыборной конкуренции. На сегодняшний день специалисты по странам и регионам склонны рассматривать этот разрозненный опыт как исключительный. Концепция двухуровневой игры предоставляет аналитический инструмент, с помощью которого можно проводить систематическое сравнение этих, казалось

бы, несходных случаев. На самом деле модель может даже послужить плодотворным руководством по изучению обратного движения: эрозия демократии из-за порочных кругов манипуляций на выборах, которые приводят к электоральному доминированию правящей партии и наоборот.

Заключение

В результате критического анализа публикаций, отобранных для выявления пробелов и трендов в изучении проблематики игрового моделирования в политическом пространстве, мы пришли к выводу, что потенциалы игрового моделирования в политике зарубежными исследователями используются чаще и многограннее, чем в нашей отечественной политологии. Эволюционные теоретико-игровые модели применяются не только для моделирования самих политических и международных процессов, но и смежных социальных сфер, таких как экономика, религиозные и этнические отношения. Эволюционная теория игр используется для исследования широкого круга социальных и политических проблем и социальных явлений: голосование, фундаментализм, религиозные и этнические конфликты, гражданское насилие.

Почти все авторы, исследующие проблемы эволюционной теории игр, сходятся во мнении, что умение сотрудничать фактически стало основой эволюционного успеха нашего вида. Поэтому игры, как способ разрешения политических вопросов, сейчас так актуальны.

Выявлен явный пробел в раскрытии вопросов игрового моделирования, связанных с выборными процессами. Полагаем, что интерес к этому вопросу у зарубежных исследователей немного снизился в последнее десятилетие, так как об этом было написано ранее очень много.

Неожиданным оказался интерес зарубежных авторов к классическим монографиям середины прошлого века на тему теории игр и игр в политике. Выявлено большое количество статей, анализирующих эти фундаментальные работы, где авторы и сегодня находят ответы на актуальные вопросы политической и социальной жизни.

Главное, что отмечают авторы данного обзора, — в зарубежных исследованиях очень хорошо отражен эмпирический эффект от игрового моделирования в политике, на основе построенных игровых моделей принимаются оптимальные политические решения, создаются международные политические кооперации, рассчитываются политические издержки.

Ограничением исследования стало то, что достаточно большой публикационный поток 70–80-х гг. XX в., разрабатывающий теорию игр и игровое моделирование в политике, не был взят для анализа ввиду нехватки ресурсов. В процессе данного исследования авторы пришли к выводу, что в дальнейшем необходим обзор литературы, описывающий первые практики введения игровых моделей в политику, а также результаты этих действий как с точки зрения стабилизации политического пространства, так и со стороны решения внутри- и внешнеполитических проблем.

Литература/References

1. Amadae S. M. Game theory, cheap talk and post-truth politics: David Lewis vs. John Searle on reasons for truth-telling // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2018. N 3 (48). P. 306–329.
2. Aumann R. J. The game of politics // *World Politics*. 1962. N 4 (14). P. 675–686.
3. Axelrod R. The Emergence of Cooperation among Egoists // *American Political Science Review*. 1981. N 2 (75). P. 306–318.

4. Bacharach H. M. Variable Universe Games под ред. A. and T.P. Kirman, Cambridge : MA: The MIT Press, 1993. P. 255–275.
5. Barma N. H. at al. «Imagine a world in which»: Using scenarios in political science // International Studies Perspectives. 2016. N 2 (17). P. 117–135.
6. Bendor J., Swistak P. The evolutionary stability of cooperation // American Political Science Review. 1997. N 2 (91). P. 290–307.
7. Boyd R. [and others]. The evolution of altruistic punishment // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2003. N 6 (100). P. 3531–3535.
8. Bruner J. P. Diversity, tolerance, and the social contract // Politics, Philosophy and Economics. 2015. N 4 (14). P. 429–448.
9. Etzioni-Halevy E. Democratic-elite theory: Stabilization versus breakdown of democracy // European Journal of Sociology. 1990. N 2 (31). P. 317–350.
10. Fehr E., Gächter S. Cooperation and punishment in public goods experiments // American Economic Review. 2000. N 4 (90). P. 980–994.
11. Goldhamer H. and S. H. Some Observations on Political Gaming // World Politics. 1959. N 10. P. 71–83.
12. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. New York : Harper-Collins, 2017.
13. Jervis R. Cooperation under the security dilemma // World Politics. 1978. N 2 (30). P. 167–214.
14. Landa D., Meirowitz A. Game theory, information, and deliberative democracy // American Journal of Political Science. 2009. N 2 (53). P. 427–444.
15. Lempert D. On evolutionary game theory and team reasoning // Revue d'Economie Politique. 2018. N 3 (128). P. 423–446.
16. Lincoln P. Bloomfield and Cornelius J. Gearin Games Foreign Policy ExpertsPlay: The Political Exercise Comes of Age // Orbis. 1973. (xvi). P. 1012–1013.
17. Lumsden M. The Cyprus Conflict as a Prisoner's Dilemma Game // Journal of Conflict Resolution 1973. N 1 (17). P. 7–32.
18. Luo L., Chakraborty N., Sycara K. An evolutionary game-theoretic model for ethno-religious conflicts between two groups // Computational and Mathematical Organization Theory. 2011. N 4 (17). P. 379–401.
19. Mandel R. Political Gaming and Foreign Policy Making during Crises // World Politics. 1977. N 4 (29).
20. Rapoport A. Fights, Games, and Debates. Ann-Arbor : University of Michigan Press, 1960.
21. Schedler A. The nested game of democratization by elections // International Political Science Review. 2002. N 1 (23).
22. Skarzynski R., Wajzer M., Staniucha T. Mind and vision: Social evolution and the origins of the political // Social Evolution and History. 2016. N 1 (15). P. 126–163.
23. Snidal D. The game theory of international politics // World Politics. 1985. N 1 (38). P. 25–57.
24. Snyder G., Diesing P. Conflict Among Nations. Princeton : Princeton University Press, 1977.
25. Snyder H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // Journal of Business Research. 2019. N 104.
26. Verba S. Simulation, Reality, and Theory in International Relations // World Politics. 1964. N 3 (16). P. 490–519.
27. Wagner R. H. The Theory of Games and the Problem of International Cooperation // American Political Science Review. 1983. N 2 (77). P. 330–346.
28. Wajzer M., Cukier-Syguła M. An evolutionary game theory approach to cooperation among political elites // Acta Politologica. 2019. N 3 (11). P. 1–12.
29. Vetrenko I. A. Game practices in the political process. Omsk : Publishing house of OmSU, 2009. 168 p.
30. GERMeyer Y.B. Games with opposite interests / ed. N.N Moiseev. Science, 1976. 328 p.
31. Lefebvre V.A. Lectures on the theory of reflexive games. M. : Cogito-Center, 2009. 218 p.
32. Novikov D.A. Ch.A.G. Reflexive games. M. : SINTEG, 2003. 160 p.
33. Svetlov V.A. Introduction to a unified theory of analysis and conflict resolution. M. : Librokom, 2009. 304 p.

Об авторах:

Байер Юлия Паулевна, директор образовательных программ «Социальная работа» и «Социология», доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; baye-r-yr@ranepa.ru

Васильева Валерия Алексеевна, начальник отдела методологического сопровождения научной работы Управления научной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vasileva-va@ranepa.ru

Ветренко Инна Александровна, заведующий кафедрой социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; vetrenko-ia@ranepa.ru

About the authors:

Julia P. Bayer, Head of “Sociology” and “Social work” programmes, Associate Professor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; bayer-yp@ranepa.ru

Valeria A. Vasileva, Head of the Department of Methodological Support of Scientific Work of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); vasileva-va@ranepa.ru

Inna A. Vetrenko, Head of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; vetrenko-ia@ranepa.ru

Туризм как инструмент сближения КНР с Российской Федерацией

Бу Р. Х.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Santaiorg@mail.ru

РЕФЕРАТ

После выдвижения в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином предложения по реализации инициативы «Пояс и путь», данное начинание КНР столкнулось с феноменом, которое получило в китайской науке название «мягкая сила сопротивления». Руководство КНР, в качестве способа преодоления этого вызова, видит необходимость гуманитарного сближения со странами-участницами инициативы, одним из проявлений которого является китайский выездной туризм. В Евразии наиболее стремительное развитие китайский туризм за последние годы получил в том числе и в России, что позволяет рассматривать данный феномен в качестве попытки со стороны КНР к культурному сближению с РФ посредством наращивания туристических потоков.

Ключевые слова: Китай, туризм, мягкая сила, туристическая дипломатия, Евразия, внешняя политика, сотрудничество, партнерство

Для цитирования: Бу Р. Х. Туризм как инструмент сближения КНР с Российской Федерацией // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 112–120.

Tourism as an Instrument of Rapprochement between the PRC and the Russian Federation

Ruslan Kh. Bu

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; Santaiorg@mail.ru

ABSTRACT

After the PRC President Xi Jinping put forward a proposal for the implementation of the Belt and Road initiative in 2013, this initiative of the PRC faced a phenomenon that has been called “soft power of resistance” in Chinese science. The PRC leadership, as a way to overcome this challenge, sees the need for humanitarian rapprochement with the participating countries of the initiative, one of the manifestations of which is Chinese outbound tourism. In Eurasia, the one of the most rapid development of Chinese tourism in recent years has been in Russia, which allows us to consider this phenomenon as an attempt from the PRC to cultural rapprochement with the Russian Federation through increasing tourist flows.

Keywords: EAEU, Road and belt, integration, integrational processes, Russia, China, Eurasia, foreign policy, cooperation, partnership

For citing: Bu R. Kh. Tourism as an Instrument of Rapprochement between the PRC and the Russian Federation // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 112–120.

Введение

В современном мире развитие туристических связей постепенно становится важной составляющей международных отношений (МО), а сами туристы все чаще выступают в качестве представителей собственного государства за рубежом. Расширение туристического диалога может способствовать культурному сближению

разных народов, так как туризм предполагает один из наиболее эффективных способов познания традиций и обычаев населения принимающей страны посредством личного знакомства, что является проявлением глубокой формы познания. Говоря о китайском туризме, стоит отметить, что кроме непосредственного знакомства с культурными особенностями принимающей страны, путешественники из КНР способны напрямую влиять на экономическую ситуацию в ней. Эта способность складывается из двух факторов.

1. Современный китайский туризм является массовым явлением. По данным Всемирной туристической организации за 2019 г. Китай занимает первое место по числу выезжающих за границу путешественников¹.
2. Китайские туристы являются одними из наиболее платежеспособных в мире. В период с 2016 по 2019 гг. китайские туристы тратили за границей ежегодно более 250 млрд долл.², занимая по этому показателю абсолютное первое место в мире.

Ввиду чего использование столь перспективного инструмента руководством КНР для сближения с рядом стратегически важных для Пекина стран, является логичным следствием значительного укрепления туристических позиций страны в последние годы [16]. Одним из приоритетных направлений развития туристического присутствия для КНР является Российская Федерация, которая, по состоянию на 2019 г., предшествующий введению значительных ограничений на туристическую активность, занимала 9-е место в рейтинге наиболее популярных направлений среди китайских путешественников. Учитывая тот факт, что Россия обладает значительным влиянием на целый ряд стран-участниц инициативы «Пояс и путь» [21; 23; 24], сближение КНР с РФ приобретает стратегическое значение, и туризм способен выступить в качестве важной составляющей этого процесса.

Несмотря на тот факт, что еще в 1979 г. Джеймс Розенау [17] выделял туриста в качестве одного из ключевых действующих лиц грядущей эпохи, на сегодняшний день в российской науке немногие исследователи склонны отмечать значимую роль туризма в вопросах достижения внешнеполитических целей государства. Среди отечественных исследователей, изучающих проблематику, можно отметить О.И. Казакова [4], Е.О. Захлязьмину [3], и др. В то же время российские ученые признают важность туризма, в том числе и международного, как явления, способного оказывать воздействие на жизнь общества. К подобным авторам можно отнести А.Г. Бутузова [2], Н.В. Малыгину [9], А.А. Чугунову [13], М.В. Соколову [11] и М.С. Оборина [10]. Отдельно стоит отметить автора учебника по международному туризму А.Ю. Александрову [1], которая в своей работе отмечает, что феномен способен оказывать благоприятное влияние на экономики принимающих стран, ввиду чего почти все страны открыты для туристических обменов.

В китайской же науке туризму как инструменту достижения внешнеполитических целей государства уделяется большее внимание, особенно после официального введения в научный оборот термина «туристическая дипломатия», состоявшегося в 2015 г., когда в ходе Всекитайского рабочего собрания представителей туристической отрасли он был впервые упомянут на официальном уровне. С указанного момента наблюдается увеличение публикаций по теме внешнеполитической роли китайского туризма, и на сегодняшний день можно отметить разделение мнений относительно приемлемости использования туризма в политических целях государ-

¹ Guidelines for Success in the Chinese Outbound Tourism Market. 2019. DOI 10.18111/9789284421138.

² International tourism spending of Chinese tourists 2008–2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/249702/international-tourism-expenditure-of-chinese-tourists/> (дата обращения: 08.04.2021).

ством. Одна часть китайских исследователей считает, что туризм является важной составляющей внешнеполитической деятельности КНР, и эффективно способствует формированию положительного имиджа государства за рубежом. Исследователи данной категории считают, что положительная динамика экономического развития, характерная для Китая на современном этапе, способна превратить туризм в своеобразную «витрину» зажиточного и стабильного государства, открытого к взаимовыгодному сотрудничеству. Среди авторов, поддерживающих данную точку зрения, можно выделить Чжун Л., Лю Л. [19], Сун Ц. [5], Ли Ц. [20], Ци В. [12], Чжан Ж., Цзинь Л., Дин П. [21] и др. Несколько иную точку зрения продвигает вторая категория авторов, также отмечающих значительную роль туризма в достижении внешнеполитических целей КНР, однако склонных считать любого рода государственное вмешательство в вопросы изменения географии туризма негативным. Среди исследователей данной категории можно отметить Тсе Т. [18], Хуан Ч. [25], Юй И., Ян А., Нью Х. [22] и др.

Методология

Основной целью настоящего исследования является определение роли туризма в вопросах сближения РФ и КНР.

Для выполнения поставленной цели автор выделил следующие задачи:

- 1) рассмотрение причин роста показателей въездного китайского туризма в РФ в 2012–2016 гг.;
- 2) выделение ключевых проблем современного китайского туризма в России.

Изучение основных причин роста числа китайских путешественников позволит сформировать понимание относительно уровня заинтересованности КНР в гуманитарном сближении с Россией. Выделение ключевых проблем, характерных для китайского въездного туризма в РФ, позволит рассмотреть сложности, возникшие в ходе активного культурного взаимодействия населения двух стран посредством туризма, а также понять позицию Китая относительно методов разрешения противоречий.

В ходе написания настоящего исследования автором был использован контент-анализ. В рамках исследования были изучены как тексты и документы, раскрывающие последовательность развития туристических отношений между КНР и РФ, так и статистические данные, отражающие прирост числа китайских туристов в Россию.

Результаты

После инициации председателем КНР Си Цзиньпином масштабной инфраструктурной инициативы «Пояс и путь» в 2013 г., китайское начинание столкнулось с определенным рода культурным противодействием, которое ряд китайских исследователей, среди которых можно отметить Ц. Лю и М. Ван [24], охарактеризовали как «мягкая сила сопротивления», возникавшая в результате культурно-идеологических различий народов, населяющих страны-участницы инициативы. В целях преодоления этого вызова руководством КНР в 2017 г., в ходе форума высокого уровня по международному сотрудничеству «Пояс и путь», было отмечено, что за годы реализации инициативы расширение гуманитарного сотрудничества между странами-участницами дало положительный результат и способствовало «сближению людских сердец» [7]. Одним из инструментов для «сближения людских сердец», несомненно, является туризм, который дает возможность представителям разных культур выйти вовне и познакомиться с культурой и обычаями соседних народов. Китай сегодня является одной из наиболее активных стран в вопросах развития туристического

ческого сотрудничества, что говорит о понимании Пекином значимой роли подобного проявления культурного диалога с внешним миром. Учитывая специфику геополитической карты инициативы «Пояс и путь», можно заключить, что наиболее влиятельным политико-экономическим центром на пути в Европу является Россия, от способности построения диалога с которой во многом зависит успешность китайской инициативы. Ввиду чего расширение туристического присутствия КНР в РФ является закономерным итогом желания Пекина преодолеть «мягкую силу сопротивления» в регионе, а также сблизиться с населением России в долгосрочной перспективе. Также стоит отметить, что, учитывая прочные экономические позиции РФ, расширение китайского инвестиционного присутствия КНР, что является характерной особенностью «мягкой силы» Китая в отношении стран Центральной Азии, не является приоритетным для Москвы. В такой ситуации именно расширение гуманитарных обменов способно сблизить две страны, что и можно наблюдать в настоящее время на примере туризма.

Ряд исследователей склонен считать, что значительное увеличение интереса путешественников из КНР к туристическим поездкам в РФ связано с укреплением позиций юаня к рублю в 2015–2016 гг. Но это верно лишь отчасти, так как определенные предпосылки к увеличению китайских туристических потоков в РФ можно было наблюдать еще перед ослаблением позиций рубля. Так, значительный рост интереса китайских туристов к посещению российских городов пришелся на 2012 г., когда по данному показателю произошло увеличение на 46% по сравнению с предшествующим годом, что было отмечено Си Цзиньпином в 2013 г. в ходе выступления¹ на церемонии открытия Года китайского туризма в РФ. Это позволяет говорить о том, что рост туристического присутствия КНР в РФ связан не только со снижением стоимости отдыха в РФ, но и с желанием Китая сблизиться с Россией. Отдельно стоит отметить, что выступление китайского лидера относительно важности развития туристических отношений с Россией проходило за несколько месяцев до выдвижения инициативы «Пояс и путь». Исходя из этого можно предположить, что туризм, в данном случае, выступал в качестве инструмента сближения с РФ перед объявлением о реализации инициативы, пролегающей непосредственно в границах сферы интересов России. Обострение противоречий России и стран Запада, имевшее место быть позднее, вылилось в еще более значительный прирост числа китайских туристов в РФ: так, если в 2015 г. страну посетило 677 000 китайских туристов², то в 2016 г. данный показатель был равен 1 289 000 чел³, что, учитывая специфику китайского туризма, способствовало переориентации части российского туристического комплекса под работу с китайскими потребителями услуг. В том числе в крупных туристических центрах РФ начали появляться вывески и указатели на китайском языке, в аэропортах и на вокзалах начали транслироваться объявления китайскими дикторами и т. д. Все это способствовало расширению охвата китайской «мягкой силы» культуры в России в целом посредством увеличения контактов местного населения ее проявлениями, одним из которых, кроме непосредственно носителей культуры этого государства, является китайская каллиграфия.

¹ Текст выступления Си Цзиньпина на церемонии открытия Года китайского туризма в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-03/23/content_2360500.htm (дата обращения: 22.04.2021).

² Официальный сайт Туристической Ассоциации «Мир без границ». 230 тысяч китайских туристов посетили Россию по безвизовому обмену в первом полугодии 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mbg.exposcom.pro/news/230-tysyach-kitayskih-turistov-posetili-rossiyu-po-bezvizovomu-obmenu-v-pervom-polugodii-2016> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Статистический сборник Россия в Цифрах 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_11/MaiNhtm (дата обращения: 20.04.2021).

По состоянию на 2019 г., предшествующий пандемии COVID-19, число китайских туристов, посетивших РФ, продолжило расти и составило 1 883 000 чел. Учитывая положительную динамику роста показателей китайского туризма в стране, можно отметить наличие предпосылок к дальнейшему «сближению сердец» между народами РФ и КНР. Однако здесь необходимо отметить, что существует и ряд проблем, характерных для современного китайского туризма и способных осложнить процесс сближения двух стран. Среди подобных проблем, способных негативно повлиять на отношение к Китаю среди населения России, в рамках настоящего исследования будет рассмотрено две, наиболее часто отмечаемые исследователями: усиление конкурентного давления на российские компании, осуществляющие обслуживание китайских въездных туристических потоков, со стороны китайского бизнеса и чрезмерное увеличение нагрузки на туристические точки интереса (особенно на уникальные природные объекты, такие как арктическая зона Российской Федерации).

Говоря о первой проблеме, стоит отметить, что, действительно, повышение туристического интереса КНР к какой-либо стране неразрывно связано с ростом влияния китайского капитала в туристической сфере этой страны. Посредством чего значительная часть доходов от въездного туризма циркулирует внутри китайской экономики. Во многом подобный феномен является вынужденным для китайского бизнеса, работающего в условиях высокой конкуренции и жесткого демпинга в ходе реализации туров на внутреннем рынке. Без снижения стоимости предоставляемых услуг привлечь потенциального потребителя, учитывая общий экстенсивный характер развития китайского туризма в России, становится все сложнее. Ввиду чего наличие аффилированных предприятий на территории принимающей стороны становится источником дополнительного дохода, наличие которого позволяет предоставить рынку наиболее актуальное предложение. В то же время от этого страдает туристический комплекс [6] принимающей стороны, который должен выступать в качестве первостепенного выгодополучателя, и в данном случае перед Китаем встает дилемма: продолжить наращивание туристических потоков в данную страну по стратегии, предполагающей циркуляцию значительной части капитала внутри собственной экономики, либо сделать ставку на более ориентированное поддержание бизнеса принимающей стороны сотрудничество. При выборе второго варианта значительно осложняется кратное увеличение темпов прироста числа туристов в страну, однако появляется возможность говорить о переходе к более «качественному» туризму, формирующемуся посредством более активного развития туристического комплекса принимающей стороны, подпитываемого поступлениями от туристических потоков КНР. Заявления Си Цзиньпина в 2017 г. относительно необходимости построения инициативы «Пояс и путь» в качестве «неподкупного пути», сделав его более прозрачным и свободным от теневой составляющей, в совокупности с усилением контроля в сфере туризма со стороны РФ¹ позволяют предположить, что после окончания административных ограничений, связанных с пандемией COVID-19, именно такой сценарий имеет шансы на воплощение в жизнь.

Рассматривая вопросы негативного влияния массового китайского туризма на объекты природного достояния РФ, также нельзя не отметить их актуальность.

¹ Текст Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основах туристической деятельности в Российской Федерации“ в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» [Электронный ресурс]. URL: <http://publicationnpravо.gov.ru/Document/View/0001202104200044> (дата обращения: 20.04.2021).

Россия богата на уникальные природные достопримечательности, сохранение которых должно являться первостепенной задачей. Чрезмерное увеличение числа туристов, в ряде случаев, способно оказать губительное влияние для подобных объектов, и руководство Китая это понимает. В качестве примера можно рассмотреть туристическую политику КНР в отношении арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) [8; 14; 15]. Учитывая специфику направления, на фоне роста китайского туризма в такие регионы, как Мурманская область¹, в тексте опубликованной в 2018 г. «Китайской арктической стратегии» прописана необходимость устойчивого подхода со стороны КНР к развитию арктического туризма. Посредством данного документа Пекин признает наличие значительной ответственности, возложенной на него, как наиболее активного поставщика туристического ресурса (путешественников) в мире. Однако актуальным остается вопрос исполнения принципов, продвигаемых руководством КНР, на практике.

Выводы

Из сказанного выше можно заключить, что за последние годы произошло стремительное повышение китайского туристического присутствия в РФ. Начало процесса повышения туристической привлекательности России для китайского путешественника было дано еще до событий 2015–2016 гг., в ходе которых отмечалось укрепление юаня по отношению к рублю, и которые лишь усилили уже формировавшиеся к тому моменту тенденции, а не являлись первопричиной процесса. Понимание необходимости построения культурного диалога с Россией просматривается в риторике руководства КНР еще в 2012–2013 гг., когда наблюдался первый значительный рост показателей въездного китайского туризма в РФ. Здесь стоит отметить, что в случае, если увеличение китайских туристических потоков было бы спровоцировано исключительно ослаблением национальной валюты России, то возможность долгосрочного туристического сотрудничества как инструмента сближения двух стран была бы спорной.

В то же время массовость, характерная для китайского туризма в России на современном этапе, закономерно стала причиной возникновения целого ряда проблемных вопросов, поднимаемых в российской науке и обществе. На основе рассмотренных в рамках настоящего исследования проблем китайского туризма в РФ можно заключить, что у руководства КНР и РФ имеется понимание их наличия, и китайская сторона демонстрирует определенные предпосылки к их разрешению без ущерба интересов России. Готовность КНР к работе над проблемными вопросами, а также поступательное увеличение числа китайских туристов в РФ вплоть до 2020 г., позволяет говорить о том, что на сегодняшний день туризм действительно является инструментом сближения двух стран, имеющий значительные перспективы в случае эффективного разрешения противоречий, характерных для китайского туризма.

Литература

1. Александрова А. Ю. Международный туризм : учебник. М. : КноРус, 2020. 459 с.
2. Бузузов А. Г. Этнокультурный туризм : учеб. пособие. М. : КноРус, 2021. 248 с.
3. Заклязьмина Е. О. Экономика туризма Китайской Народной Республики : дис. ... канд. экон. наук. 08.00.14. Чита, 2018.
4. Казаков О. И. Китайский туризм в Японии: примирение «Мягкой силой»? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 248–260.

¹ Мурманская область развивает арктический туризм для китайских туристов [Электронный ресурс]. URL: <https://gov-murmaNru/info/news/205927/> (дата обращения: 20.04.2021).

5. Сун Ц. Туристическая дипломатия как механизм формирования имиджа страны. Минск : Белорусский государственный университет, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/209138/1/256-259.pdf> (дата обращения: 22.12.2020).
6. Туризм: словарь / под ред. д-ра экон. наук проф. М. А. Морозова. М. : ИНФРА-М, 2019. 300 с. (Библиотека словарей ИНФРА-М).
7. Ломанов А. В. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 52–63.
8. Лукин Ю. Ф. Туризм в Арктике: концептуальные подходы, ресурсы регионов // Арктический туризм в России / отв. редактор Ю. Ф. Лукин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т; Санкт-Петерб. гос. ун-т. Архангельск : САФУ, 2016. С. 59–60.
9. Малыгина Н. В. Экологический туризм : учебник. М. : Прометей, 2019. 162 с.
10. Оборин М. С. Теоретические основы изучения рекреации и туризма на различных иерархических уровнях // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2012. № 1. С. 89–94.
11. Соколова М. В. История туризма : учеб. пособие. М. : Мастерство, 2002. 352 с.
12. Ци В. Выездной туризм из Китая // Инновации и инвестиции. 2017. № 6. С. 87–90.
13. Чугунова А. А. «Мягкая сила» международного туризма: особенности национального бренд-менеджмента европейских стран // CONNECT-UNIVERSUM–2018. Сборник материалов IV Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. Томск, 2019. С. 199–206.
14. Ermolina M. A., Kapustina M. A., Matveevskaya A. S., Pogodina V. L. Legal regulation of ecological tourism in Arctic, IOP conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. 302, 012037.
15. Kalachnikova M., Shaparov A., Shadrina O., Myakshin V. Tourist destinations in the regions of the Russian Arctic: opportunities and obstacles to development // Revista Espacios. 2020. Vol. 41 (Is. 17). P. 27
16. Lim C., Wang Y. China's post-1978 experience in outbound tourism. 2008. 78 (2). P. 450–458 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7126897/> (дата обращения: 03.09.2020).
17. Rosenau J. N. Le touriste et le terroriste ou les deux extremes du continuum international // Etudes intenationales. 1979. Juin. P. 220.
18. Tony S. M. Tse. Chinese Outbound Tourism as a Form of Diplomacy. 2013. Vol. 10 (Is. 2). P. 149–158 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21568316.2013.783738?journalCode=rthp21> (дата обращения: 08.03.2021).
19. 钟龙彪, 刘力. 国际旅游发展背景下的中国国家形象传播. 对外传播. 2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.ixueshu.com/h5/document/f21b7d05519c59115faf826780de3e19318947a18e7f9386.html> (date of the address: 27.04.2021).
20. 李静. 中国旅游外交政策的历史演进. 天中学看. 2020 [Электронный ресурс]. URL: [https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&uid=WEEvREcwSIjHISldSdmVqM1BLUWdMWjVWYwdBkRkFNbDIJUIjBYTZ3TFVIST0=\\$9A4hF_YAUvQ5obgVAqNKPCyEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPpHbKxJw!!&v=MTMzNjJkVVI3cWZidWR2RnIEZ1Y3M1BNVGZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RmVQzcVRYv00xRnI=](https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&uid=WEEvREcwSIjHISldSdmVqM1BLUWdMWjVWYwdBkRkFNbDIJUIjBYTZ3TFVIST0=$9A4hF_YAUvQ5obgVAqNKPCyEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPpHbKxJw!!&v=MTMzNjJkVVI3cWZidWR2RnIEZ1Y3M1BNVGZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RmVQzcVRYv00xRnI=) (дата обращения: 22.12.2020).
21. 张睿, 金磊, 丁培毅. “一带一路”背景下的丝路文化软实力建设——国际旅游发展新动力. 旅游学刊. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wenmi.com/article/pX9bn604cv32.html> (дата обращения: 22.12.2020).
22. 余樱, 严安林, 牛海彬. 大陆居民赴台旅游综合效应研究. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://210.42.192.44/kcms/detail/detail.aspx?QueryID=10&CurRec=1&dbCode=CMFD&filename=1016709538.nh&dbname=CMFDLAST2016&uid=MjVkaGlsYEVnMmxlVlY5M3VVOwlmQWJlMFhGc1VvSjN5SkdsWGpmejJkCj0p0dXpS> (дата обращения: 22.12.2020).
23. 郑永年, 张弛. “一带一路”与中国大外交. 当代世界. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=JSSDD201602003&v=1oA88954SwejoGuEPTeInVilori9Ar4bOdBQj4erdYE0ibgg3viTqwLy1A0ohTx3> (дата обращения: 10.09.2020).
24. 刘再起. 王曼莉. “一带一路”:中国软实力的“西游”之路. 江汉论坛. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=JHLT201606007&v=sjBgUMYhHbPwKjRr19rmiz%25mmd2BAfOH02%25mmd2Bm7pUYA P89EzecFs2cCu09bOq4c247zdrai> (дата обращения: 10.09.2020).
25. 黄正聪. 中國愛把觀光客當政治工具 日本7年前有過. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ltnocom.tw/news/politics/breakingnews/2869825> (дата обращения: 10.09.2020).

Об авторе:

Бу Руслан Хэевич, аспирант, ассистент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Santaiorg@mail.ru

References

- Alexandrova A.Yu. International tourism: textbook. M.: Knorus, 2020. 459 p. (In rus).
- Butuzov A. G. Ethnocultural tourism: textbook. M.: Knorus, 2021. 248 p. (In rus).
- Zaklyazmina E. O. Tourism economy of the People's Republic of China: dissertation. Chita, 2018. (In rus).
- Kazakov O. I. Chinese tourism to Japan: reconciliation "Soft power"? // China in world and regional politics. History and modernity [Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost']. 2018. N 23. P. 248-260. (In rus).
- Song J. Tourism diplomacy as a mechanism for shaping the image of the country [Electronic resource]. Minsk: Belarusian State University, 2018. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/209138/1/256-259.pdf> (date: 22.12.2020). (In rus).
- Tourism: dictionary / ed. prof. M. A. Morozova. M.: INFRA-M, 2019. 300 p. (INFRA-M Dictionary Library). (In rus).
- Lomanov A. V. Strategy of cultural influence of China in the project "One Belt, One Way" // China in world and regional politics. History and modernity [Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost']. 2017. N 22. P. 52–63. (In rus).
- Lukin Yu. F. Tourism in the Arctic: conceptual approaches, regional resources // Arctic tourism in Russia / ex. editor Yu. F. Lukin; Northern (Arctic) Federal University; St. Peterburg State University. Arkhangelsk: NARFU, 2016. P. 59–60. (In rus).
- Malygina N. V. Ecological tourism: textbook. M.: Prometheus, 2019. 162 p. (In rus).
- Oborin M. S. Theoretical foundations of studying recreation and tourism at various hierarchical levels // Bulletin of Nizhnevartovsk State University [Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 1. P. 89–94. (In rus).
- Sokolova M. V. History of tourism: textbook. M.: Skill, 2002. 352 p. (In rus).
- Qi W. Outbound tourism from China // Innovation and investment [Innovatsii i investitsii.]. 2017. N 6. P. 87–90. (In rus).
- Chugunova A. A. "Soft power" of international tourism: features of the national brand management of European countries // CONNECT-UNIVERSUM–2018. Collection of materials of the IV International Transdisciplinary Scientific and Practical WEB-Conference. Tomsk, 2019. P. 199–206. (In rus).
- Ermolina M. A., Kapustina M. A., Matveevskaya A. S., Pogodina V. L. Legal regulation of ecological tourism in Arctic, IOP conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. 302, 012037.
- Kalachnikova M., Shaparov A., Shadrina O., Myakshin V. Tourist destinations in the regions of the Russian Arctic: opportunities and obstacles to development // Revista Espacios. 2020. Vol. 41 (Is. 17). P. 27
- Lim C., Wang Y. China's post-1978 experience in outbound tourism. 2008. 78 (2). P. 450–458 [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7126897/> (date of the address: 03.09.2020).
- Rosenau J. N. Le touriste et le terroriste ou les deux extremes du continuum international // Etudes intenationales. 1979. Juin. P. 220.
- Tony S. M. Tse. Chinese Outbound Tourism as a Form of Diplomacy. 2013. Vol. 10 (Is. 2). P. 149–158 [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21568316.2013.783738?journalCode=rthp21> (date of the address: 08.03.2021).
- 钟龙彪, 刘力. 国际旅游发展背景下的中国国家形象传播. 对外传播. 2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.ixueshu.com/h5/document/f21b7d05519c59115faf826780de3e19318947a18e7f9386.html> (date of the address: 27.04.2021)..
- 李静. 中国旅游外交政策的历史演进. 天中学看. 2020 [Электронный ресурс]. URL: [https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&uid=WEEvREcwSIJHISdSdmVqM1BLUWdMWjVWYwdBkFNBdIjUjBYTZ3TFVIST0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMzNjJDVVI3cWZidWR2RniEZ1Y3M1BNVGZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVRYv00xRnI=](https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDAUTO&filename=TZXK202004002&uid=WEEvREcwSIJHISdSdmVqM1BLUWdMWjVWYwdBkFNBdIjUjBYTZ3TFVIST0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTMzNjJDVVI3cWZidWR2RniEZ1Y3M1BNVGZUWmJHNEhOSE1xNDIGWm9SOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVRYv00xRnI=) (дата обращения: 22.12.2020).

21. 张睿,金磊,丁培毅. “一带一路”背景下的丝路文化软实力建设——国际旅游发展新动力. 旅游学刊. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wenmi.com/article/px9bn604cv32.html> (дата обращения: 22.12.2020).
22. 余樱, 严安林, 牛海彬. 大陆居民赴台旅游综合效应研究. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://210.42.192.44/kcms/detail/detail.aspx?QueryID=10&CurRec=1&dbCode=CMFD&filename=1016709538.nh&dbname=CMFDLAST2016&uid=MjVkaGlsYEVNmXlVlY5M3VOWImQWJIMFhGc1VvSjN5SkdsWGpmejJc0p0dXpS> (дата обращения: 22.12.2020).
23. 郑永年, 张弛. “一带一路”与中国大外交. 当代世界. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=JSDD201602003&v=1oA88954SwejoGuEPTElnVilorl9Ar4bOdBQj4erdYE0ibgg3viTqwLy1A0ohTx3> (дата обращения: 10.09.2020).
24. 刘再起, 王曼莉. “一带一路”:中国软实力的“西游”之路. 江汉论坛. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=JHLT201606007&v=sjBgUMYhHbPWkjRrI9rmiz%25mmd2BAfOH02%25mmd2Bm7pUYAP89EzecFs2cCuO9bOq4c247zdrai> (дата обращения: 10.09.2020).
25. 黄正聪, 中國愛把觀光客當政治工具 日本7年前有過. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.itnocom.tw/news/politics/breakingnews/2869825> (дата обращения: 10.09.2020).

About the author:

Ruslan Kh. Bu, Post-graduate Student, Assistant at the Faculty of International Relations at the St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); Santaiorg@mail.ru

Государственные награды как фактор активизации донорского движения в России

Чистяков А. В.

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alfor4@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В рамках статьи освещается история развития системы поощрения участников донорского движения в Советском Союзе и России, рассматривается вопрос о наличии в Российской Федерации дефицита донорской крови и ее компонентов, приводятся сведения о масштабах актуальной потребности нашей страны в донорской крови, указываются причины, непосредственно влияющие на готовность граждан к донорской деятельности, а также предлагаются решения, способствующие повышению эффективности деятельности доноров (в том числе — в сфере социальных проблем, непосредственно не связанных с вопросами заготовки крови и ее компонентов) и укреплению авторитета правительственных органов за счет «активации» властными структурами прогностически преобразующей и консолидирующей функции отдельных властных символов — государственных наград. Поднимается вопрос о внесении изменений в положение о медали Луки Крымского и статут ордена Пирогова с целью повышения процента вовлеченности граждан нашей страны в донорское движение и их дальнейшее привлечение к участию в социальных программах в качестве жертвователей и волонтеров в рамках их членства в официальной орденой организации, потенциальная эффективность деятельности которой подтверждается европейской практикой.

Ключевые слова: орден, медаль, государственная награда, донорское движение, донор

Для цитирования: Чистяков А. В. Государственные награды как фактор активизации донорского движения в России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 121–127.

State Awards as a Factor of Activation of the Donor Movement in Russia

Alexey V. Chistyakov

Military Telecommunications Academy named after the Soviet Union Marshal Budionny S. M., Saint-Petersburg, Russian Federation; alfor4@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of deficiency of donor blood and its components in the Russian Federation. The author points out the reasons that affect the willingness of citizens to participate in the donor movement and proposes solutions to improve the efficiency of donors activities. Including — in the sphere of social problems that are not directly related to the preparation of blood and its components due to the «activation» by the power structures of the unifying function of individual power symbols — state awards. The author also raises the question of amending the regulation on the Luka Krymsky medal and the statute of the Pirogov Order in order to increase the percentage of citizens of our country in the donor movement and their further involvement in social programs as donors and volunteers as part of their membership in the official order organization, the potential efficiency of which is confirmed by European practice.

Keywords: order, medal, state award, donor movement, donor

For citing: Chistyakov A. V. State Awards as a Factor of Activation of the Donor Movement in Russia // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 121–127.

Первые шаги для развития донорского движения в нашей стране были предприняты еще в 1926 г., когда советские хирурги Н. Н. Еланский и Э. Р. Гессе порекомендовали привлекать в качестве доноров студентов и медицинский персонал, способный по своим физическим и морально-нравственным качествам помочь больным, предоставив им свою кровь.

В 1927 г. для поощрения доноров была введена денежная компенсация, а с 1931 г. им стал полагаться специальный паек¹.

Отмечая заслуги доноров, сдававших кровь для спасения бойцов и офицеров Красной армии в ходе Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР учредил в июне 1944 г. знак «Почетный донор СССР», которым поощрялись лица, неоднократно давшие кровь, а также участвующие в вовлечении граждан в ряды доноров.

Начиная с 30 ноября 1955 г. донорам, регулярно сдающим кровь, путевки в дома отдыха и санатории, при прочих равных условиях с другими гражданами, должны были предоставляться в первую очередь.

В 1963 г., на основе постановления Президиума Исполнительного Комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, в нашей стране стали вручаться нагрудные знаки «Донор СССР I, II и III степени» за 15, 10 и 5 кроводач соответственно.

В результате, эти и другие меры позволили обеспечить к 1989 г. привлечение к донорскому движению более 8,5 млн граждан Союза ССР², что составляло почти 3% населения всей страны.

В условиях дефицита крови, возникшего в девяностые годы, в 1993 г. был принят закон «О донорстве крови и ее компонентов», гарантирующий особые льготы Почетным донорам России. А с 2004 г. значительные усилия направлялись на формирование общественного мнения о престижности донорства с целью активного развития добровольного и систематического жертвования крови, что должно было способствовать снижению риска инфицирования реципиентов³.

Однако несмотря на активную работу в области развития безвозмездного донорства и его популяризацию, проведенную органами государственной власти нашей страны, в настоящее время в Российской Федерации продолжают иметь место факты недостаточности запасов крови, имеющейся на специализированных пунктах ее хранения и донорских станциях. Подобная ситуация является следствием постепенного снижения числа доноров крови в России в период с 2014 по 2019 гг. (за это время их количество уменьшилось с 11,1 до 8,8 человек на каждую тысячу жителей страны) [7]. 2020 г. в связи с пандемией коронавируса также характеризовался снижением общего числа донаций, о чем сообщали федеральные средства массовой информации⁴.

В то же время в соответствии с исследованиями, проведенными Всемирной организацией здравоохранения, донорство крови 1% населения страны представляет собой пороговый минимум, необходимый для удовлетворения *большой части основных потребностей* государства в крови. При этом данные требования являются более

¹ Сборник информационных материалов для организаторов донорского движения. М. : Координационный центр по организации, развитию и пропаганде добровольного донорства крови при Общественной палате Российской Федерации, 2010.

² В Советском Союзе 8 млн 554 тыс. доноров. Кровь — товар? [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1651948> (дата обращения: 03.09.2021).

³ Донорское движение: тенденции и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%206/VI/zhibert.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).

⁴ Из-за пандемии в России резко сократилось количество доноров [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2020-11-16/396847-iz_za_pandemii_v_rossii_rezko_sokratilos_kolichestvo_donorov (дата обращения: 04.09.2021).

высокими в странах с более развитыми системами здравоохранения¹. Так, например, для нормального снабжения кровью и ее компонентами лечебных учреждений России, число доноров целесообразно довести до 25 человек на 1000 жителей страны, а полное обеспечение потребностей России в крови может быть достигнуто в случае участия в донорском движении от 3,6 до 4,2% населения Российской Федерации². Подобные высокие значения обусловлены тем, что начиная с конца прошлого века медицинские учреждения осуществили переход на гемокомпонентную терапию, приступили к активному использованию отдельных компонентов крови, что в свою очередь потребовало не простого увеличения количества доноров, а их формирования в специальные группы для селективного получения эритроцитов, тромбоцитов, лейкоцитов, иммунной плазмы³.

Исходя из представленных выше данных, становится ясно, что при условии вовлеченности в донорское движение менее 1% населения государства, актуальной становится задача поиска в Российской Федерации решений, способствующих повышению активности граждан-доноров.

Одним из направлений, развитие которого может способствовать увеличению числа активных доноров, является совершенствование нормативной базы, обеспечивающей их поощрение, а также их объединение вокруг властных символов — особых знаков отличия.

Важно отметить, что перспективность работы в данном направлении подтверждается уже проведенными ранее исследованиями. И хотя имеющиеся показатели, характеризующие значимость материального стимула для доноров, значительно разнятся (от 5 [2, с. 66] до 28% [4, с. 10]), а приведенные данные не говорят о «доминирующем» положении материальных стимулов, 90% опрошенных россиян (в том числе — доноров) считает, что донации крови должны вознаграждаться. Лучше всего — деньгами или льготами [3, с. 214].

Для большей объективности необходимо отметить, что на основе результатов социальных опросов, имеющих в открытых источниках, не представляется возможным установить, что именно респонденты подразумевают, давая ответ с формулировкой «стимулом для донорства послужило материальное вознаграждение» — льготы, предусмотренные для Почетных доноров России, или единоразовые выплаты за непредоставление питания. Однако все же возможно предположить, что за данной формулировкой стоят именно льготы и социальные гарантии для Почетных доноров, ведь текущая компенсация за непредоставление питания относительно незначительна (5% от величины прожиточного минимума⁴, что в случае Санкт-Петербурга составляет на март 2021 г. 654 руб.).

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что значительное количество респондентов-доноров отмечают в качестве стимула и мотиватора престиж донорства (34% мужчин-доноров и 14,2% доноров-женщин [2, с. 66]).

Пиком же этого престижа могут выступать властные символы — особые знаки отличия, причастность к которым меняет социальный статус награжденного. Подоб-

¹ Опыт зарубежных стран в решении вопросов донорства крови: информационно-методическое пособие в помощь организаторам донорского движения [Электронный ресурс]. URL: https://yadoNr.ru/common/upload/material_doc/file/2_Zarubezh_doNrstvo_preview.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

² Сборник информационных материалов для организаторов донорского движения. М. : Координационный центр по организации, развитию и пропаганде добровольного донорства крови при Общественной палате Российской Федерации, 2010.

³ Донорское движение: тенденции и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%206/VI/zhibert.pdf> (дата обращения: 04.09.2021).

⁴ Как стать донором крови в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://gu.spb.ru/news/doNr/> (дата обращения: 04.09.2021).

но тому, как дворянское звание заключалось не только в известности и богатстве, а в официальном признании, необходимо признать, что и донорство в России ценно для значительного числа участников прибылью, которая не может быть куплена за деньги. Именно этот результат социального опроса, указывающего на значения понятия «престиж», подтверждает, что символическая дефицитность звания может господствовать над вознаграждением [1, с. 75].

В настоящее время единственным властным символом федерального уровня, которым поощряются активные участники донорского движения, является знак «Почетный донор России».

Как известно, чтобы стать Почетным донором России, необходимо выполнить одно из условий:

- 1) дать цельную кровь 40 и более раз;
- 2) дать плазму 60 и более раз;
- 3) дать цельную кровь 25 и более раз и плазму крови (в общем количестве — 40 раз);
- 4) дать цельную кровь менее 25 раз и плазму крови (в общем количестве — 60 донаций)¹.

При этом никакого символического и связанного с ним материального поощрения со стороны государства для лиц, выполнивших «норматив» кроводач и готовых продолжить участие в донорском движении, в настоящее время не существует.

В этом случае необходимо признать, что после получения знака отличия Почетного донора для здравоохранения будет потеряно от 5 до 28% доноров, материальная составляющая для которых перестанет быть стимулом ввиду отсутствия перспектив. С получением знака «Почетный донор России» снизится донорская активность и тех лиц, мотивацией для которых был престиж донорства (34% доноров-мужчин и 14,2% доноров-женщин) — ведь новые уровни роста их социальной значимости в данной сфере им также станут недоступны.

Однако их «профессиональная жизнь» может быть продлена за счет изменения политики награждения отдельными государственными наградами Российской Федерации. В данной ситуации представляется разумным изменить статут и положение учрежденных в 2020 г. в России ордена Пирогова и медали Луки Крымского², предназначенных для поощрения лиц, отличившихся в области здравоохранения.

В частности, представляется разумным внести изменения в положение о медали Луки Крымского, распространив ее действие не только на медицинский персонал, но и на прочих граждан России, дополнить его пунктом о том, что данной медалью могут быть награждены лица, безвозмездно давшие в медицинские учреждения страны кровь (и приравненные к ней компоненты) 75 раз.

Награждение же орденом Пирогова проводить за 100 безвозмездных дач крови (или приравненной к ней компонентов).

Данные числовые значения предлагаются из следующего расчета: одним из требований, выполнение которых позволяет гражданам России получить звание «Ветеран труда» (в настоящее время не присваиваемое лицам, награжденным знаком «Почетный донор России») и полагающиеся с ним выплаты и социальные гарантии, является наличие у лица ведомственной награды за продолжительную работу (службу) в соответствующей сфере деятельности не менее 15 лет.

В то же время при регулярной даче крови или приравненных к ней компонентов на протяжении нескольких лет частота их дачи не может превышать пяти раз в год

¹ Как стать почетным донором России [Электронный ресурс]. URL: <https://yadonor.ru/donorstvo/become/howtobe/> (дата обращения: 04.09.2021).

² Учреждены орден Пирогова и медаль Луки Крымского [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63534> (дата обращения: 04.09.2021).

для мужчин и четырех для женщин¹. Таким образом, максимальное число дач крови (или приравненной к ней компонентов), которое может совершить донор за 15 лет составляет 75.

По мнению автора, совершив 75 безвозмездных дач крови или приравненных к ней компонентов, донор, таким образом, демонстрирует свою систематическую работу на благо государства в сфере здравоохранения и тем, фактически, заслуживает свое право на присвоение звания «Ветеран труда», своеобразной гарантией получения которого (при наличии необходимого трудового стажа) может выступить государственная награда — медаль Луки Крымского.

Расчет 100 безвозмездных дач крови или приравненных к ней компонентов для награждения орденом Пирогова представлен исходя из непрерывной дачи крови на протяжении 20 лет (аналогично периоду, за который в силовых министерствах и ведомствах присваивается звание «Ветеран военной службы» — им отмечаются лица за факт своей длительной службы на благо Отечества).

Следует добавить, что данное решение позволит однозначно снять с повестки дня вопрос о необходимости присвоения звания «Ветеран труда» лицам, награжденным знаком «Почетный донор России», периодически поднимающийся в рамках заседаний Государственной Думы России, что косвенно подтверждает наличие прагматического эффекта от систематического разумного использования политических символов [6].

Вторым, наиболее сложным и наиболее значимым этапом совершенствования института почетных доноров посредством государственных наград, может быть его преобразование в своеобразную орденскую организацию с целью консолидации доноров и их ориентации на решение социально значимых вопросов, которые не связаны непосредственно с проблемой заготовки донорской крови. Создание подобной структуры приведет к тому, что люди, давшие определенное количество крови, будут не просто поощрены со стороны высшего руководства страны каким-либо знаком отличия, но еще и будут вовлечены в новые круги общения с единомышленниками. Подобная практика поможет сформировать предпосылки к тому, чтоб властный символ стал выступать не только в качестве венца какой-либо профессиональной деятельности, но и становился началом нового пути.

Очевидно, что доноры, осуществляющие кроводачи на протяжении многих лет, в той или иной степени ориентированы на участие в социальных программах и мероприятиях. Также важно и то, что за счет неизбежного временного «ценза», который обеспечивается интервалами между кроводачами, все они «подходят» к моменту получения своих знаков отличия как полностью сформированные личности, обладающие, зачастую, финансовыми и интеллектуальными активами. Однако со стороны государства, в настоящее время, их потенциал никак не реализуется по причине отсутствия соответствующих объединений доноров, функционирующих на федеральном уровне. И одним из первых шагов в сплочении доноров России вокруг властных символов для решения социальных проблем могло бы быть создание орденской организации.

Дополнительным аргументом в пользу формирования подобной государственной надстройки является тот факт, что одной из актуальных проблем современной России является отсутствие у многих ее граждан ощущения востребованности [5]: проявление же такого рода внимания к донорскому движению со стороны официальной власти, готовность причисления доноров к властным символам (а значит, опосредованно, и к госуправлению) сформирует у них чувство собственной нуж-

¹ Как часто можно сдавать кровь и ее компоненты. [Электронный ресурс] URL: <http://blood.ru/transfuziologiya-i-donorstvo-krovi/doNru/chasto-zadavaemye-voprosy.html> (дата обращения: 04.09.2021).

ности, важности и значимости не только для реципиентов, но и для своего Отечества. А учитывая, что уже к 2017 г. число лиц, имеющих звание Почетного донора России приближалось к 600 тыс. человек¹, можно предположить, что их объединение в официальную структуру будет способствовать росту эффективности решения проблем в сфере здравоохранения за счет вноса пожертвований участниками организации, их вовлечения в волонтерское движение, «передачи» под их шефство ряда медицинских учреждений, предоставления им возможности организации образовательных и развлекательных мероприятий для пациентов больниц и хосписов.

При этом необходимо отметить, что иерархическая структура сформированного объединения должна будет носить нестандартный, нелинейный характер, т. е. положение ее членов в рамках организации не должно будет находиться в прямой зависимости от имеющейся степени отличия, полученной в рамках участия в донорском движении.

Руководство же данной организации может быть сформировано из числа действующих медицинских работников, награжденных за свое участие в донорском движении как минимум на региональном уровне. Подобная практика обеспечит не только оптимальное, с точки зрения медицины, использование имеющихся ресурсов созданной организации, но и позволит коррелировать политику сформированного Ордена с государственными проектами.

Подтверждающая практика действий орденовских организаций в современном мире подтверждается и мировым опытом. Так, к примеру, во Французской Республике члены ордена Почетного легиона, являющегося одновременно и высшим государственным знаком отличия, и околоправительственной организацией, официально не находящейся под государственным контролем, но возглавляемой высшими должностными лицами, регулярно участвуют в реализации социальных проектов: в 2019 г. поддержку со стороны Общества членов Почетного легиона получили более 30 тыс. юношей и девушек, чье достойное поведение и стремление к исполнению долга гражданской службы были отмечены Обществом, а в ходе противодействия пандемии COVID-19 была оказана поддержка 20 тыс. пожилых людей. Численность самой орденовской организации при этом составляет около 45 тыс. человек, а ее функционирование осуществляется без получения государственных субсидий [8].

Кратко подводя итоги данной работы, можно сделать ряд выводов:

- в Российской Федерации имеется некоторый дефицит кадровых доноров и, как следствие, донорской крови и ее компонентов, устранение которого является задачей государственного масштаба;
- одним из путей снижения данного дефицита может быть изменение наградной политики, в частности — внесение изменений в положение о медали Луки Крымского и статут ордена Пирогова;
- потенциал института кадровых доноров России, являющегося значительным по своему численному составу, в настоящее время не реализован в полном объеме;
- активизация донорского движения в России и направление его ресурсов на успешное решение ряда проблемных ситуаций в сфере здравоохранения без дополнительного расхода бюджетных средств может быть достигнуто за счет активации консолидирующей роли властных символов — государственных наград;
- потенциальный выигрыш от формирования орденовской организации будет состоять не только в устранении ряда проблемных моментов в сфере здравоохранения, но и в повышении авторитета действующей власти, наглядно демонстри-

¹ Одной крови: названы регионы-лидеры по числу почетных доноров [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/427603-regiony-lidery-pochyotnyi-donor> (дата обращения: 04.09.2021).

рующей заинтересованность в развитии донорского движения, уважение к его участникам посредством их поощрения государственными наградами и предоставления им реальной возможности активного и непосредственного участия в решении общественно значимых задач;

- европейский опыт (в частности — Французской Республики) наглядно демонстрирует эффективность деятельности орденовских организаций по оказанию помощи социально незащищенным слоям населения на современном этапе.

Литература

1. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. М. : Socio-Logos, 1993.
2. Моор Ю. В. Совершенствование комплексного подхода к повышению эффективности безвозмездного донорства крови и ее компонентов : дис. ... канд. мед. наук: 14.01.21. Новосибирский государственный медицинский университет. Новосибирск, 2017.
3. Орловецкая А. Г. Донорство крови как социальная практика: российская специфика // Личность. Культура. Общество. 2016. № 1-2. С. 213–219.
4. Орловецкая А. Г. Донорство крови как социальная практика: российская специфика // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 1. С. 7–20.
5. Харитоновна Е. В. Востребованность личности с позиции системного подхода // Российский психологический журнал. 2009. № 1. С. 54–61.
6. Черепяхин М. А. Роль символов политической власти как факторов формирования политических коммуникаций // Архивариус. 2016. № 2 (6). С. 51–55.
7. Четкин А. В., Данильченко В. В., Воробей Л. Г., Макеев А. Б. Основные итоги деятельности службы крови Российской Федерации в 2015 году // Трансфузиология. 2016. № 3. С. 4–12.
8. Чистяков А. В. Роль ордена Почетного легиона в политической жизни Франции // Научно-аналитический вестник Института Европы Российской академии наук. 2021. № 3 (21). С. 155–161.

Об авторе:

Чистяков Алексей Владимирович, адъюнкт Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alfor4@yandex.ru

References

1. Bourdieu P. Sociology of Politics. M., 1993. (In rus).
2. Moor Yu. V. Improving of integrated approach to increasing the efficiency of gratuitous donation of blood and its components: dissertation for the degree of candidate of medical sciences: 14.01.21. Novosibirsk State Medical University. Novosibirsk, 2017. (In rus).
3. Orlovetskaya A. G. Blood donation as a social practice: Russian specificity // Personality. Culture. Society [Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.]. 2016. N 1–2. P. 213–219. (In rus).
4. Orlovetskaya A. G. Blood donation as a social practice: Russian specificity // Journal of Social Policy Research [Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki]. 2017. N 1. P. 7–20. (In rus).
5. Kharitonova E. V. Demand for personality from the standpoint of a systematic approach // Russian psychological journal [Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal]. 2009. N 1. P. 54–61. (In rus).
6. Cherepakhin M. A. The role of symbols of political power as factors in the formation of political communications // Archivarius [Arkhivarius]. 2016. N 2 (6). P. 51–55. (In rus).
7. Chechetkin A. V., Danilchenko V. V., Vorobey L. G., Makeev A. B. The main results of the blood service of the Russian Federation in 2015 // Transfusiology [Transfuziologiya]. 2016. N 3. P. 4–12 (In rus).
8. Chistyakov A. V. The role of the Legion of donor in the political life of France // Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences [Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy Rossiyskoy akademii nauk]. 2021. N 3 (21). P. 155–161. (In rus).

About the author:

Alexey V. Chistyakov, PhD Student of the Federal State Military Educational Institution of Higher Education «Military Telecommunications Academy named after the Soviet Union Marshal Budionny S. M.» (St. Petersburg, Russian Federation); alfor4@yandex.ru

Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на формирование института публичной собственности (часть 1)

Шульженко С. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; S.Shulgenko@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена основным принципам публичной собственности, как они сформулированы Конституционным Судом. Автор раскрывает актуальные практические проблемы публичной собственности как сложного института, включающего, главным образом, нормы конституционного, административного, финансового и в меньшей степени — гражданского права. Отмечается прямая связь между публичной собственностью, публичными финансами, бюджетом, правовым режимом конкретной территории и публичными правами граждан. Установление правового режима территории позволяет сохранить текущее целевое назначение недвижимых объектов публичной собственности и обеспечить публичные права граждан. Обосновывается возможность передачи публичного имущества на другой уровень публичной собственности в одностороннем порядке. В контексте проблемы специализированного жилищного фонда публичного образования предлагается деликатное решение проблемы правового статуса апартamentов путем отнесения их к специализированному жилищному фонду коммерческого использования. Правовые позиции Конституционного Суда служат надежным и эффективным инструментом решения правовых конфликтов в обществе и являются ориентиром для правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: государственная и муниципальная собственность, основные принципы публичной собственности, Конституционный Суд Российской Федерации, правовой режим территории, публичные права граждан, правовой статус апартamentов, исторических зданий, планирование использования средств бюджета и публичного имущества, распорядительные акты публичного собственника

Для цитирования: *Шульженко С. И.* Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на формирование института публичной собственности (часть 1) // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 128–144.

Constitutional Court's of the Russian Federation Impact on Public Property (Part 1)

Stanislav I. Shulzhenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; S.Shulgenko@yandex.ru

ABSTRACT

The article focuses on the main principles of public property as Constitutional Court of the Russian Federation formulates them. The author reveals actual problems of public property as a complex institution, including mainly constitutional, administrative, financial, and in a less degree civil law. There is a direct relation between public property, public finance, budget, legal regime of the territory concerned and citizens' public rights. Establishment of a legal regime of the territory helps to preserve current public land and property usage and provides public rights. The ability of public property unilateral transfer to another level of public ownership is justified. Meantime in the context of specialized public housing stock problem the author suggests sensitive decision for the legal status of quarters as a specialized commercial housing stock. Legal positions of the Constitutional

Court promote effective solution to the conflict within the community and provide guidance for the legislative and law-enforcement activity.

Keywords: state and municipal property, the main principles of public property, Constitutional Court of the Russian Federation, legal regime of the territory, citizens' public rights, legal status of quarters, historic buildings, planning the use of public budget and property, acts of the public owner

For citing: Shulzhenko S. I. Constitutional Court's of the Russian Federation Impact on Public Property (Part 1) // Administrative consulting. 2021. N 9. P. 128–144.

Введение

Без преувеличения можно сказать, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не просто повлияли на становление института публичной собственности в российском правовом порядке, они фактически его сформировали в условиях российской правовой действительности, при которых отношения собственности традиционно рассматривались в качестве безраздельной вотчины цивилистов. Конституционный Суд сформулировал природу и основные принципы публичной собственности, высказываясь о ней не только в постановлениях, определениях, непосредственно упоминающих государственное (муниципальное) имущество, но также рассматривая споры о конституционности введения тех или иных налогов и фискальных сборов, об иммунитете бюджета, о конституционности ограничений прав граждан, в том числе права частной собственности. По нашему мнению, правовые позиции Конституционного Суда по вопросам публичной собственности задают дальнейшие направления путей совершенствования отечественного законодательства и позволяют создать непротиворечивое правовое регулирование в этой области. Кроме того, мы видим потенциал правовых позиций Конституционного Суда в справедливом разрешении перманентных конфликтов разнообразных публичных и частных интересов, что позволит обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие государства и общества на базе общих конституционно значимых ценностей. Последовательно проводимый Конституционным Судом интегральный характер права и публичной собственности позволяет преодолеть отраслевую замкнутость ее отдельных элементов и тем самым разрешить правовые и ситуативные коллизии, дать конкретные, с учетом возможностей государства и общества, ответы на самые животрепещущие вопросы:

1) Как урегулировать противоречия между интересами Российской Федерации как целого и ее отдельных территорий (субъектов Российской Федерации и муниципальных образований), и почему в интересах целого необходимо поступаться возможностями территорий или наоборот, где интересы конкретного муниципального образования могут преобладать над федеральными интересами? Почему в интересах целого (Российской Федерации) возможна или, напротив, невозможна передача отдельных объектов публичной собственности на иной уровень публичной собственности в одностороннем порядке, например, объектов жилищного фонда и его инфраструктуры? Что важнее при изменении границы населенного пункта: сохранение лесных, особо охраняемых природных либо сельскохозяйственных земель или развитие населенного пункта, включая обеспечение его жителей жильем, инженерной и социально-культурной инфраструктурой? Как обеспечить баланс этих одинаковых по ценности и значимости интересов? Могут ли законом субъекта Российской Федерации о правовом режиме особо охраняемой территории регионального значения (заказника, заповедника, национального парка) устанавливаться ограничения полномочий Российской Федерации и муниципальных образований как собственников по

установлению режима использования, отчуждению принадлежащего им публичного имущества в границах такой территории с особым правовым режимом?

2) Как урегулировать противоречия между интересами граждан, градозащитников и защитников природы с правом на благоприятную окружающую среду и интересами публичных образований и бизнеса (инвесторов) по строительству новых объектов, сносу и восстановлению существующих объектов, имеющих статус объектов культурного наследия, а также не являющихся объектами культурного наследия исторических зданий? Кто вообще в подобных спорах представляет публичный интерес? Где граница между музеем и жизненным пространством или как интегрировать музей (объекты культурного наследия) в пространство повседневной жизни?¹ Насколько конституционно оправдан запрет на размещение гостиниц (хостелов) в жилых помещениях в условиях, когда перевод жилых помещений в нежилые требует достаточно серьезных организационных и финансовых затрат, а средств бюджетной системы на расселение коммунальных квартир в исторических центрах городов не хватает?

Очевидна связь публичной собственности с реализацией конституционных (публичных) прав граждан и выполнением своих функций органами публичной власти, которые и призваны обеспечить права граждан. Поэтому цивилистическая доктрина собственности, основанная на частной собственности, нуждается в модификации и не может быть в полной мере применима к публичной собственности. Дилемма Власть-Собственность не может быть разрешена путем отказа от властной составляющей: невозможно отделить публичную власть от собственности, как бы того не желали представители либеральных взглядов. В противном случае государство просто не сможет выполнять свои функции хотя бы по той причине, что основным инструментом реализации государственной политики является государственный бюджет. Впрочем, сказанное отнюдь не умаляет значения права частной собственности, которое является одной из основополагающих конституционных ценностей и служит базисом и необходимым условием реализации публичных прав граждан. Более того, по нашему мнению, только осознание и активная защита гражданами своих публичных прав может позволить социализировать публичную собственность и придать ей подлинно публичный и служебный характер, когда публичное имущество рассматривается не просто как объект управления чиновником, а достояние народа соответствующей территории государства.

Публичное имущество всегда существует в границах территории с определенным режимом. Поэтому правовой режим территории — места расположения публичного имущества — определяет и правовой режим публичного недвижимого имущества, как и вообще недвижимого имущества независимо от формы собственности, и требует анализа. Таким образом мы рассматриваем публичное имущество в тесной связи с бюджетными правоотношениями и правоотношениями по использованию и сохранению определенной территории дислокации публичного имущества. Публичное имущество, как имущество любой другой формы собственности, всегда существует в границах определенного пространства — территории — однако, в отличие от имущества частных собственников — в непосредственной связи с бюджетом публичного образования.

Правовые позиции Конституционного Суда по вопросам публичной собственности можно условно разделить на следующие группы:

- о статусе публичных образований как публичных собственниках и специфике публичной собственности, и, в частности, муниципальной собственности как ее вида, пределах усмотрения публичного собственника;

¹ Эти вопросы широко обсуждаются в литературе. Заслуживает внимания постановка проблемы в блестящей работе И. Р. Медведева «Разрешение городских конфликтов» [2].

- о правовом режиме бюджетных средств и фискальных платежей;
- о правовом режиме земельного фонда, лесного фонда, иных природных ресурсах, объектов культурного наследия как национальном достоянии, иных территорий, предполагающем специальный режим правового регулирования.

Правовые позиции Конституционного Суда по вопросам сохранения объектов культурного наследия и градостроительной деятельности непосредственно не затрагивают вопросов распоряжения публичным имуществом, однако существенно влияют на его правовой режим, основу которого, как мы указали выше, составляет правовой режим соответствующей территории, поэтому будут рассмотрены нами в комплексе с иными проблемами публичной собственности.

1. О статусе публичных образований как публичных собственников и специфике публичной собственности Конституционный Суд высказывался в определении от 04.12.1997 № 139-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Совета Федерации о проверке конституционности Федерального закона „О переводном и простом векселе“», постановлении от 30 июня 2006 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений части 11 ст. 154 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», определении от 02.11.2006 № 540-О «По запросу Правительства Самарской области о проверке конституционности ст. 1, частей шестой и восьмой ст. 2 Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и ст. 50 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», определении от 07.12.2006 № 542-О «По запросу Законодательного Собрания Республики Карелия о проверке конституционности ряда положений части 11 ст. 154 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ „О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», а также жалобе главы города Екатеринбурга на нарушение теми же законоположениями конституционного права на местное самоуправление», определении от 04.12.2007 № 828-О-П «По жалобе главы администрации муниципального района „Читинский район“ Читинской области на нарушение конституционных прав отдельными положениями части 11 ст. 154 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ „О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“», определении от 07.02.2012 № 234-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Совета народных депутатов Кемеровской области о разъяснении Определения Конституционного

Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 828-О-П»; постановлении от 20.12.2010 № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 ст. 4 и частей 2, 3 и 4 ст. 9 Федерального закона „Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой администрации города Благовещенска», постановлении от 30.03.2012 № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй ст. 4 Закона Российской Федерации „О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации“ в связи с жалобой администрации муниципального образования „Звениговский муниципальный район“ Республики Марий Эл», определении от 14.01.2016 № 1-О «По запросу Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности п. 6 ст. 2 Закона РСФСР „О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР“, ст. 18 Закона Российской Федерации „О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации“, п. 1 приложения 3 к Постановлению Верховного Совета Российской Федерации „О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность“ и п. 5 раздела I Положения о коммерциализации государственных предприятий с одновременным преобразованием в акционерные общества открытого типа», постановлении от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 2 Федерального закона „О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности“ в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери»»).

При рассмотрении указанных дел Конституционный Суд сформулировал позиции о:

- специальной правоспособности публичных образований (они вправе участвовать в гражданском обороте исключительно для достижения целей и задач, стоящих перед публичной властью). Федеральный законодатель правомочен устанавливать особенности правосубъектности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере частного права, с тем, чтобы на конкретном этапе развития государства достичь поставленных целей и выполнения задач общегосударственного масштаба. Органы местного самоуправления входят в систему публичной власти¹. Не входя в систему органов государственной власти, органы местного самоуправления вместе с тем обладают публично-властными полномочиями применительно к возложенным на местное самоуправление задачам, т.е. выполняют функции публичной власти на соответствующем территориальном уровне. При этом конституционными характеристиками местного самоуправления как формы публичной власти обуславливаются особенности его правосубъектности, сопоставимые с особенностями правосубъектности иных публичных образований — Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
- публично-правовой природе публичной собственности, в силу которой она — в отличие от частной собственности — следует общим интересам и связана

¹ Ныне этот принцип нашел отражение в части 3 ст. 132 новой редакции Конституции Российской Федерации: органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

с осуществлением задач и функций публичной власти, что предполагает нахождение в собственности публично-правовых образований только того имущества, которое необходимо для реализации их публичных функций и полномочий по предметам их ведения и составляет экономическую основу деятельности органов публичной власти; Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что в муниципальной собственности, как особой разновидности публичной собственности, должно находиться то имущество, которое требуется для решения возложенных на местное самоуправление задач; возможности ограничения права собственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований федеральным законом для защиты конституционных ценностей и соразмерно конституционно значимым целям, для которых оно вводится. При этом перечень видов имущества, который может находиться в собственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований для реализации их полномочий не является закрытым;

- публично-правовом характере отношений по передаче имущества на другой уровень публичной собственности. Отношения по передаче имущества, находящегося в государственной собственности, обусловливаемые разграничением публично-властных полномочий, включая отношения, касающиеся оснований и порядка передачи имущества, в том числе формы и содержания акта, оформляющего такую передачу, также представляют собой систему публично-правовых властных отношений, одновременно субординационных и координационных по своему характеру. Данные отношения гражданским законодательством, определяющим правовое положение участников гражданского оборота и регулирующим имущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, по общему правилу, не регулируются. Вопрос передачи публичного имущества между уровнями публичной собственности получил дальнейшее развитие в определениях Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 540-О «По запросу Правительства Самарской области о проверке конституционности ст. 1, частей шестой и восьмой ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ст. 50 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и от 07.02.2012 № 234-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Совета народных депутатов Кемеровской области о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 828-О-П». В определении от 07.02.2012 № 234-О-Р в развитие правовой позиции постановления от 30 июня 2006 г. № 8-П Конституционный Суд дополнительно указал: арбитражные суды в каждом конкретном деле на основе исследования всего комплекса фактических обстоятельств самостоятельно решают вопросы о том, было ли учтено в процессе передачи имущества из федеральной собственности в муниципальную волеизъявление соответствующего органа местного самоуправления, а если орган местного самоуправления по каким-то причинам отказался от согласования передачи имущества, *то не является ли это его решение произвольным*. Проверка законности и обоснованности конкретных решений арбитражных судов относится к компетенции их вышестоящих инстанций. Определение от 07.02.2012 № 234-О-Р, на наш взгляд, корректирует постановление от 30 июня 2006 г. № 8-П, позволяя говорить о возможности передачи имущества на другой уровень публичной собственности в одностороннем порядке, если волеизъявление другого публичного собственника является произвольным и необоснованным и не учитывает объективные финансово-экономические интересы муниципальных образований.

В определениях от 02.11.2006 № 540-О, от 04.12.2007 № 828-О-П, от 07.02.2012 № 234-О-Р Конституционный Суд рассуждает о передаче публичного имущества между уровнями публичной собственности в контексте межбюджетных отношений: при осуществлении правового регулирования разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления законодателем соблюден принцип соразмерности ресурсов местного самоуправления предоставленным полномочиям. Это соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой *бюджет субъекта Российской Федерации или местный бюджет не существуют изолированно — они являются составной частью финансовой системы Российской Федерации*; недостаточность собственных доходных источников на уровне муниципальных образований влечет обязанность органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации осуществлять в целях сбалансированности местных бюджетов надлежащее бюджетное регулирование, что обеспечивается, в частности, посредством использования правовых механизмов, закрепленных в Бюджетном кодексе Российской Федерации (постановление от 17 июня 2004 г. № 12-П по делу о проверке конституционности положений ст. 155, 156 и 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

Соответственно, процесс безвозмездной передачи в муниципальную собственность имущества, находящегося в федеральной собственности, предполагает *необходимость учета финансово-экономических интересов муниципального образования и его фактической заинтересованности в соответствующем объекте государственной собственности* для решения вопросов местного значения, *включая возможность финансовой поддержки местного бюджета* в случае недостаточности в нем средств на содержание передаваемого имущества.

Нам представляется позиция Конституционного Суда о необходимости учета волеизъявления публичного образования — принимающей стороны — при передаче публичного имущества не вполне обоснованной и последовательной¹, хотя и объяснимой желанием сохранить баланс интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Разграничение федеральным законом полномочий между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями предполагает и разграничение публичного имущества, необходимого для реализации полномочий, на основании федерального закона. Достаточно вспомнить постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», Федеральные законы от 17.04.2006 № 53-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижи-

¹ Это обстоятельство в свое время отмечалось А. В. Винницким в работе «Публичная собственность» [1], где он справедливо указал на необходимость не только устранения глубинного противоречия между императивным порядком разграничения полномочий и диспозитивным порядком перераспределения необходимого для их реализации имущества, но и создания специальных коллизионных норм, которые бы дали четкое и недвусмысленное представление о путях разрешения конфликтных ситуаций и обеспечили разумный баланс интересов передающей и принимающей сторон (Винницкий А. В. «Публичная собственность». Раздел 3, параграф 3. Перераспределение публичного имущества при трансформации функций государства и местного самоуправления, глава 7. Формирование составов публичного имущества).

мое имущество и сделок с ним» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», которым разграничивается государственная собственность на землю, или от 29.12.2006 № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий», которым устранена неопределенность в вопросе разграничения государственной собственности на объекты культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Соответственно, волеизъявление органа публичного образования не является необходимым элементом и условием при передаче имущества на другой уровень публичной собственности. В противном случае, ставилась бы под сомнение конституционность разграничения государственной собственности в Российской Федерации, которое осуществлялось по процедуре принятия федерального закона.

Если разграничение государственной (а по сути — федеральной, поскольку государством является Российская Федерация) собственности осуществляется в нормативном порядке на основании закона (при принятии которого, конечно учитывается волеизъявление представителей субъектов Российской Федерации и муниципальных образований), а далее органами публичной власти во исполнение закона осуществляются фактические и юридические действия по оформлению права собственности публичного образования, то принятие односторонних решений органами публичной власти Российской Федерации в отношении публичного имущества тем более возможно.

Иными словами, односторонний характер разграничения государственной собственности (в рамках конституционно-правовых отношений как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, при согласовании проектов федеральных законов законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации) предполагает возможность и даже необходимость принятия актов о передаче имущества на другой уровень публичной собственности в одностороннем порядке.

Интересы иных публичных образований в достаточной степени гарантированы обязанностью органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации осуществлять в целях сбалансированности местных бюджетов надлежащее бюджетное регулирование, а также тем, что действия органов публичной власти могут быть оспорены в порядке конституционного либо административного судопроизводства. При этом судом должны рассматриваться вопросы:

- 1) кому принадлежат публичные полномочия, для реализации которых предназначено (используются) имущество;
- 2) для реализации каких именно полномочий используется либо может быть использовано имущество.

Это не гражданско-правовой спор, а спор исключительно о полномочиях публичной власти, имущественно-правовая составляющая в которых вторична и производна.

В противном случае никогда не разрешится ненормальная ситуация, когда органы местного самоуправления не принимают от Российской Федерации и субъектов Российской Федерации жилищный фонд социального использования и объекты его инфраструктуры со ссылкой на невыделение межбюджетных трансфертов, а, в свою очередь, межбюджетные трансферты не могут быть запланированы и выделены органами исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации до момента передачи таких объектов в муниципальную собственность. Представляется, что оптимальное решение указанной проблемы заключается в одновременном утверждении по заявлению принимающей стороны при планировании (подготовке) соответствующего бюджета перечня объектов, подлежащих передаче

на другой уровень публичной собственности, и размеров межбюджетных трансфертов на содержание (ремонт) этого имущества, определенных в соответствии с бюджетным законодательством и законодательством о закупках для государственных (муниципальных) нужд. При этом такое решение формально не требует, с нашей точки зрения, каких-либо изменений бюджетного законодательства. Однако, для того, чтобы это стало руководством к действию, целесообразно дополнить Бюджетный кодекс отдельной статьей либо издать постановление Правительства Российской Федерации о планируемой передаче публичного имущества на другой уровень публичной собственности и выделяемых в связи с такой передачей в необходимых случаях межбюджетных трансфертах принимающему публичному образованию.

При этом нужно различать разграничение публичного имущества между публичными образованиями, предполагающее возникновение права собственности публичного образования, и разграничение полномочий по управлению публичным имуществом, предполагающее сохранение права собственности за публичным образованием, передающим полномочия. Оба этих механизма могут сопровождаться передачей доходов и расходов от использования публичного имущества.

Применительно к муниципальной собственности как разновидности публичной собственности в постановлении Конституционного Суда от 30.03.2012 № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй ст. 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования „Звениговский муниципальный район“ Республики Марий Эл» раскрыты следующие ее особенности:

- формирование муниципальной собственности в Российской Федерации осуществлялось преимущественно на основе разграничения единого массива государственной собственности в рамках перераспределения собственности между публично-правовыми образованиями, а также между публично-правовыми образованиями и частным сектором;
- имущественные отношения в системе местного самоуправления обусловлены целями осуществления муниципальной власти, реализации прав граждан на местное самоуправление, обеспечения гарантий конституционно-правового статуса граждан, чем предопределяется использование муниципальной собственности, распоряжение ею в интересах местного сообщества в целом;
- социальное предназначение и юридическая природа муниципальной собственности предопределяют общие принципы построения этого правового института, универсальный характер которых требует их законодательного закрепления на федеральном уровне, включая регулирование общих вопросов распоряжения муниципальной собственностью, и применения в равной мере ко всем муниципальным образованиям в качестве единых правовых установлений;
- наличие определенной свободы усмотрения и необходимость муниципального правового регулирования соответствующих вопросов, включая установление условий принятия органами местного самоуправления от имени местного сообщества решений по распоряжению (в том числе отчуждению) теми или иными объектами муниципальной собственности.

В целом очевидно, что муниципальная собственность с учетом единства системы публичной власти базируется на тех же конституционных принципах, что и собственность Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а ее конституционно-правовая специфика проявляется в особой роли местного самоуправления по самостоятельному решению вопросов местного значения. Хотя вообще в российских реалиях, с учетом большого количества переданных государственных полномочий и недостаточной бюджетной обеспеченности большинства муниципальных образований нормы Конституции России о самостоятельности местного самоуправления в значительной степени остаются декларацией.

Указанное постановление Конституционного Суда представляет интерес тем, что, анализируя дискреционные полномочия органов местного самоуправления по приватизации служебных жилых помещений, Конституционный Суд, с нашей точки зрения,

Во-первых, сформулировал *критерии, которым должны отвечать решения органов публичной власти, независимо от его уровня, о приватизации публичного имущества:*

- приватизация муниципального имущества, в том числе жилых помещений специализированного жилищного фонда, *не должна приводить к невозможности осуществления органами местного самоуправления своих обязанностей* по решению вопросов жизнеобеспечения населения, надлежащее выполнение которых, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, является императивом демократического правового государства в сфере организации муниципальной публичной власти;
- федеральный законодатель, исходя из возможности изменения потребностей публично-правовых образований в служебных жилых помещениях, с учетом заинтересованности проживающих в них граждан в приватизации этих помещений и *преследуя цель соблюдения необходимого баланса прав граждан и муниципальных образований как собственников жилищного фонда*, представил частью второй ст. 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» собственникам право принимать решения о приватизации служебных жилых помещений, исключая их тем самым из специализированного жилищного фонда на основании решения органа, осуществляющего управление государственным или муниципальным жилищным фондом. *Такие решения являются исключением из общего правила, установленного частью первой той же статьи, и не могут предполагать систематического и обязательного отчуждения жилых помещений специализированного жилищного фонда в собственность граждан;*
- закрепление в муниципальных правовых актах целей и способов использования объектов муниципальной собственности, в том числе исключение тех или иных служебных жилых помещений из специализированного жилищного фонда, определение возможности, сроков и условий их приватизации, не только гарантирует соблюдение конституционных прав населения муниципального образования на самостоятельное владение, пользование и распоряжение объектами муниципальной собственности, но и, *делая механизм стимулирования нуждающихся в жилище граждан к осуществлению своих трудовых и служебных функций на территории муниципального образования более прозрачным и сбалансированным*, обеспечивает выполнение публичной властью своих социальных функций, реальную подконтрольность органов местного самоуправления населению, позволяя гражданам *при необходимости* влиять на содержание правовых актов по вопросам муниципальной собственности.

Во-вторых, Конституционный Суд обозначил проблему обеспечения помещениями специализированного жилищного фонда, находящегося в публичной собственности, в контексте исполнения функций публичной власти.

Вопрос правового статуса специализированного жилищного фонда, который согласно действующему жилищному законодательству может находиться только в государственной и муниципальной собственности, представляет, по нашему мнению, интерес в контексте широко обсуждаемой проблемы правового статуса гостиниц, хостелов и апартаментов. Уже несколько лет юристы, государственные деятели и не только ломают голову над вопросом статуса гостиниц, хостелов, апартаментов, которые нельзя размещать в жилых помещениях в силу прямого запрета части 3 ст. 17 Жилищного кодекса Этот запрет создает, как

водится, теневой рынок хостелов и апартаментов, когда они сдаются как квартиры или комнаты по договорам найма — с одной стороны, а с другой, объективно существуют или создаются препятствия для перевода жилых помещений в нежилой фонд под гостиницы и хостелы. В условиях необходимости развития рынка внутреннего туризма проблема приобретает особенную остроту. Мы предлагаем деликатный, но при этом системный выход из этого тупика. По нашему мнению, необходимо для начала исключить из Жилищного кодекса нормы о том, что специализированный жилищный фонд — только государственный или муниципальный, так как служебные жилые помещения, жилые помещения в общежитиях, в домах социального обслуживания по своему правовому режиму и характеру использования очень близки к помещениям гостиничного типа. Тогда можно откорректировать часть 3 ст. 17 Жилищного кодекса, в которой содержится запрет на размещение в жилых помещениях гостиниц, дополнив словами «за исключением специализированного жилищного фонда». Например, так: не допускается размещение в жилых помещениях, кроме отнесенных к специализированному жилищному фонду, гостиниц; жилое помещение в многоквартирном доме, за исключением отнесенного к специализированному жилищному фонду, не может использоваться для предоставления гостиничных услуг. Вполне возможно допустить такой специализированный жилищный фонд в составе жилищного фонда коммерческого использования (п. 3 ч. 3 ст. 19 Жилищного кодекса). Такие помещения должны отвечать установленным санитарным и техническим правилам и нормам, требованиям пожарной безопасности, экологическим и иным требованиям законодательства, быть благоустроенными применительно к условиям соответствующего населенного пункта; это должны быть отдельные (изолированные и обособленные) жилые помещения, квартиры или комнаты (пп. 4, 5 Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду, утв. постановлением Правительства РФ от 26.01.2006 № 42). Можно установить повышенные требования по изоляции воздушного шума, санитарно-эпидемиологической безопасности, если это требуется с учетом действующих требований раздела II (требования, которым должно отвечать жилое помещение) Положения о признании помещения жилым....утв. постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 № 47. Притом что вопросы безопасной эксплуатации как жилых, так и нежилых зданий регулируются одним федеральным законом — Федеральным законом от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Напомним, что ранее в Жилищном кодексе РСФСР была ст. 7 следующего содержания: жилые дома и жилые помещения предназначены для постоянного проживания граждан, а также для использования в установленном порядке в качестве служебных жилых помещений, жилых помещений из фондов жилья для временного поселения, общежитий и других специализированных жилых помещений. То есть не было жесткой привязки специалфонда к государственному или муниципальному, составлявшему его основной массив. В дореволюционной и советской России широко была распространена практика отвода помещений под служебные квартиры прямо по месту службы, примером чего являются многочисленные съезжие дома при пожарных частях в Санкт-Петербурге.

В определении от 05.11.2003 № 403-О «По запросу Правительства Москвы о проверке конституционности пунктов 2 и 3 ст. 2 Федерального закона „О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», п. 3 ст. 11 и п. 7 ст. 28 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» Конституционный Суд установил границы, в пределах которых субъекты Российской Федерации и муниципальные образования вправе осуществлять регулирование отношений по приватизации принадлежащего им публичного имущества.

Конституционный Суд отметил, что регламентация порядка и условий приватизации государственной и муниципальной собственности обусловлена, прежде всего, тем, что такие отношения носят преимущественно публично-правовой характер.

Таким образом, по мнению Конституционного Суда, отношения по приватизации публичного имущества регулируются, прежде всего, нормами публичного права.

Конституционный Суд указал, что закрепив единые условия приватизации государственной собственности и избрав в качестве принципа определения стоимости земельных участков установление ее верхнего и нижнего пределов (что направлено на предотвращение как занижения, так и завышения цены приватизируемых участков), федеральный законодатель предоставил гарантию юридического равенства участникам гражданского оборота в этой сфере при реализации ими прав и свобод, в частности, закрепленных в ст. 8, 34, 35 и 36 Конституции Российской Федерации свободы экономической деятельности, права собственности (в том числе на земельные участки) и права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. Вместе с тем не исключается право субъектов Российской Федерации и муниципальных образований самостоятельно осуществлять регулирование отношений по ряду вопросов, касающихся приватизации государственного и муниципального имущества, в частности определять порядок принятия решений об условиях приватизации государственного и муниципального имущества, в том числе земли, включая определение ее цены в пределах, установленных федеральным законодателем.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования вправе осуществлять весьма скромное правовое регулирование приватизации принадлежащего им имущества в части определения порядка принятия решений об условиях приватизации, а также цены приватизируемого имущества в пределах, установленных федеральным законом.

Таким образом, согласно правовой позиции Конституционного Суда решения о приватизации публичного имущества, в том числе служебного жилищного фонда, не должны быть произвольными, должны в обязательном порядке сопровождаться соответствующими расчетами и социально-экономическим обоснованием. Решения о приватизации публичного имущества не должны приводить к невозможности осуществления полномочий по решению вопросов жизнеобеспечения населения; а нормативные правовые акты органов публичной власти должны содержать критерии принятия решений о приватизации публичного имущества: возможности, сроки и условия его приватизации. Нам представляется, что недопустимо планирование приватизации, принятие решения о приватизации публичного имущества и приватизация публичного имущества, если у соответствующего публичного образования одновременно имеется потребность в аналогичном по характеристикам имуществе для реализации его полномочий и не рассмотрена альтернатива использования публичного имущества для иных публичных нужд, в том числе иных публичных образований. Подобные ситуации довольно легко отследить при сравнении планов приватизации публичного недвижимого имущества и планов-графиков соответствующих закупок. Разумеется, при этом необходимо соотносить стоимость приобретения и содержания приобретаемого в процессе публичных закупок публичного имущества и стоимость ремонта (восстановления), содержания отчуждаемого публичного имущества-аналога для возможности использования в публичных целях, эксплуатационные и потребительские характеристики такого имущества. Полагаем, что именно таковы дальнейшие практические следствия выработанной Конституционным Судом правовой позиции.

2. Правовой режим бюджетных средств и фискальных платежей исследовался Конституционным Судом при рассмотрении вопроса об особенностях исполнения

денежных требований по обязательствам перед Российской Федерацией в отношении бюджетных средств (постановление от 23.12.1997 № 21-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой ст. 15 Закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“», определения от 14 декабря 1999 г. № 220-О, от 3 октября 2006 г. № 439-О, от 24 июня 2008 г. № 364-О-О, от 15 июля 2008 г. № 563-О-О, от 19 мая 2009 г. № 596-О-О, постановление от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 155, пунктов 2 и 3 ст. 156 и абзаца двадцать второго ст. 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия», постановление от 14.07.2005 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации „О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти“ в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО „Хабаровскэнерго“», постановление от 20.07.2011 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 ст. 5 Федерального закона „О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и ст. 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»). Конституционный Суд отметил, что само по себе установление особенностей исполнения денежных требований по обязательствам перед Российской Федерацией относится к дискреционным полномочиям федерального законодателя в области регулирования сроков для обращения в суд, которые могут быть не только изменены им, но и отменены; исходя из предназначения федерального бюджета как материальной основы реализации конституционных функций публичной власти, в том числе функций социального правового государства (ст. 1, 2, 7 и 18 Конституции Российской Федерации), федеральный законодатель вправе определить не только порядок правомерного использования бюджетных средств, но и меры их адекватной защиты; введение дополнительных мер защиты средств федерального бюджета — поскольку они обусловлены объективной спецификой соответствующего объекта публичной собственности, направлены на поддержание экономического суверенитета государства и надлежащих финансовых условий для эффективного обеспечения органами государственной власти прав и свобод человека и гражданина на всей территории Российской Федерации и при этом не посягают на основное содержание конституционных прав субъектов экономической деятельности — не может рассматриваться как несовместимое с требованиями ст. 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Ранее в постановлении от 23.12.1997 № 21-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой ст. 15 Закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“ в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» указав, что установленная п. 2 ст. 855 ГК РФ очередность перечисления денежных средств может приводить к нарушению конституционной обязанности платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции Российской Федерации) и формирует правовые условия для легального отказа от ее выполнения, Конституционный Суд подчеркнул, что налоги являются

важнейшим источником доходов бюджета, за счет которого должны обеспечиваться соблюдение и защита прав и свобод граждан, а также осуществление социальной функции государства (ст. 2 и 7 Конституции Российской Федерации). *Без поступлений в бюджет налоговых платежей невозможно финансирование предприятий, выполняющих государственный заказ, учреждений здравоохранения, образования, армии, правоохранительных органов и т.д., а следовательно, также выплат заработной платы работникам бюджетной сферы.* Поэтому конституционные обязанности выплачивать вознаграждения за труд и платить законно установленные налоги и сборы не должны противопоставляться друг другу, так как установление жесткого приоритета для одной из них означает невозможность реализации, а следовательно, умаление равно защищаемых прав и законных интересов тех или других групп граждан, что не соответствует также ст. 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 155, пп. 2 и 3 ст. 156 и абзаца двадцать второго ст. 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» говорит о значении бюджетной системы для реализации функций и задач публичной власти и прав и законных интересов граждан и раскрывает правовую природу отношений по формированию и исполнению бюджетов. Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджет представляет собой форму образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления, что *предопределяет публично-правовую природу отношений, связанных с формированием и исполнением бюджетов, а также характер правового регулирования, особенности разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в финансово-бюджетной сфере.* Бюджет каждого территориального уровня как инструмент реализации финансовой политики государства служит для распределения и перераспределения финансовых ресурсов на определенной территории, посредством чего происходит финансовое обеспечение публичных функций, а сами бюджетные отношения выступают в таком случае *существенным элементом социально-экономического развития государства и муниципальных образований. Бюджет субъекта Российской Федерации или местный бюджет не существуют изолированно — они являются составной частью финансовой системы Российской Федерации.* Недостаточность собственных доходных источников на уровне субъектов Российской Федерации или муниципальных образований влечет необходимость осуществлять бюджетное регулирование в целях сбалансированности соответствующих бюджетов, что, в частности, обеспечивается посредством оказания финансовой помощи из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в форме предоставления дотаций на выравнивание уровня минимальной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, субвенций и субсидий на финансирование отдельных целевых расходов, бюджетных кредитов, бюджетной ссуды на покрытие временных кассовых разрывов, возникающих при исполнении бюджета субъекта Российской Федерации (ст. 133 Бюджетного кодекса Российской Федерации). Тем самым *предопределяется публично-правовой характер регулирования бюджетных отношений, выступающих в качестве экономического выражения суверенитета государства, материальной основы осуществления публичных функций и полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, деятельность которых как публичных субъектов в силу статей 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 66 (часть 1)*

сти 1 и 2), 76 (части 1, 2 и 5) Конституции Российской Федерации должна осуществляться в финансово-бюджетной сфере исключительно на правовых основаниях и в пределах, дозволенных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. *Публичный характер бюджетно-правового регулирования не исключает в то же время применения к бюджетным отношениям положений гражданского законодательства, но только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законодательством.* Из наличия имущественных начал в бюджетных правоотношениях и одновременно — властного характера правового регулирования в этой сфере исходит Гражданский кодекс Российской Федерации, в п. 3 ст. 2 которого закрепляется, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. *Таким образом, из Конституции Российской Федерации, а именно из закрепленных в ней требований единства финансовой политики и финансового регулирования, установления правовых основ единого рынка, единства экономического пространства, получивших развитие в федеральных законах, вытекает, что функционирование бюджетной системы Российской Федерации имеет целью гарантирование основ конституционного строя, финансовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина, что, в свою очередь, предопределяет конституционные требования к надлежащей регламентации бюджетно-правового статуса субъектов Российской Федерации и муниципальных образований как участников бюджетных отношений, в том числе — по обслуживанию счетов бюджетов.*

В постановлении от 14.07.2005 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации „О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти“ в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО „Хабаровскэнерго“» Конституционный Суд, подчеркивая, что *государство, тем не менее, не может использовать такое правовое регулирование, которое приводило бы к неравенству публично-правовых образований и частных лиц, в то же время отмечает, что эффективное выполнение государством возложенных на него публичных функций, в том числе связанных с гарантированием и защитой прав и свобод граждан, с необходимостью предполагает должный уровень их материально-финансовой обеспеченности посредством образования и использования публично-правовых фондов денежных средств — бюджетов. Вынесение судебных решений по искам к Российской Федерации порождает коллизию конституционных ценностей, — своевременности и полноты исполнения судебного решения, с одной стороны, и стабильности и непрерывности в реализации государством возложенных на него функций и, следовательно, стабильности гарантированного государством конституционно-правового статуса личности — с другой. Данная коллизия, исходя из необходимости обеспечения баланса названных конституционных ценностей и недопустимости умаления ни одной из них, подлежит разрешению, в том числе, на основе закрепленного в ст. 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципа, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина (а значит, и права на судебную защиту) не должно нарушать права и свободы других лиц. Учитывая это, федеральный законодатель вправе установить порядок исполнения судебных решений в отношении государства, предусматривающий определенные изъятия из такого общего правила исполнительного производства, как применение к должнику мер принуж-*

дения вплоть до принудительного отчуждения имущества. Государству в процессе исполнения судебного решения, вынесенного по иску к Российской Федерации (как и по денежным обязательствам получателей средств федерального бюджета, подлежащим исполнению за счет средств федерального бюджета), во всяком случае должна быть обеспечена возможность принять организационно-технические меры по перераспределению бюджетных средств, находящихся на казначейских счетах, таким образом, чтобы реализация права на судебную защиту не парализовала деятельность соответствующих государственных структур (решения и действия которых стали причиной вынесения судебного решения) и, следовательно, не привела бы к нарушению обеспечиваемых их функционированием прав и свобод человека и гражданина.

Вопрос о правовой природе налогов, сборов и фискальных платежей и конституционности их установления многократно рассматривался Конституционным Судом и неоднократно выступал предметом многочисленных научных исследований. Нам хотелось бы отметить постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 31.1 Федерального закона „Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, постановления Правительства Российской Федерации „О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн“ и ст. 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», в котором исследовался вопрос правовой природы платы за возмещение вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 т. Этот вопрос напрямую касается в принципе любых фискальных платежей за такое пользование публичным имуществом, которое предполагает возможность снижения его потребительских качеств, и не только публичного имущества общего пользования. Конституционный Суд отметил, что *содержание автомобильных дорог общего пользования федерального значения как имущества, находящегося в публичной собственности и предназначенного, в том числе, для использования гражданами и их объединениями в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, за счет средств, поступающих в федеральный бюджет в виде налогов, сборов и иных публично-правовых платежей, не исключает возможность возложения обязанности по дополнительному — по сравнению с иными пользователями — финансированию дорожной деятельности на субъектов, которые наиболее интенсивно эксплуатируют автомобильные дороги, получая непосредственную экономическую выгоду от их развития и вместе с тем существенно ускоряя износ дорожного полотна. Государство, обладающее достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных направлений и содержания фискальной политики, самостоятельно определяет целесообразность обложения публичными платежами тех или иных экономических объектов, в том числе в сфере дорожного движения. При этом на нормативные акты в указанной сфере — исходя из того что взимание публичных платежей фискального характера всегда влечет обременения права собственности и свободы экономической деятельности (ст. 34 и 35 Конституции Российской Федерации) — в полной мере распространяются требования ст. 57 Конституции Российской Федерации о законно установленных налогах и сборах и ее ст. 55 (часть 3), допускающей возможность введения в случае необходимости ограничений прав и свобод, но только федеральным законом и лишь соразмерно (пропорционально) конституционно одобряемым целям. Обязанность вне-*

сения платы за использование данного публичного ресурса, широко применяемая в отношении движения по автомобильным дорогам грузовых транспортных средств в практике зарубежных стран с развитой транспортной инфраструктурой, введена федеральным законодателем — с учетом повышенного негативного воздействия грузовых транспортных средств на состояние дорожного полотна — для обеспечения сохранности и восстановления автомобильных дорог общего пользования федерального значения, их соответствия нормативным требованиям и, в конечном счете, безопасности дорожного движения.

Таким образом, Конституционный Суд в очередной раз обратил внимание на сходство правовых режимов налогов, сборов и иных фискальных платежей (налоговых и неналоговых платежей) как доходов бюджетной системы, что предполагает их установление федеральным законом либо в соответствии с федеральным законом, законно по форме и по содержанию и лишь соразмерно (пропорционально) конституционно одобряемым целям.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Винницкий А. В. Публичная собственность. М. : Статут, 2013. 732 с.
2. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

Об авторе:

Шульженко Станислав Игоревич, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); S.Shulgenko@yandex.ru

References

1. Vinnitskiy A. V. Public property. M.: Statute, 2013. 732 p. (In rus).
2. Medvedev I. R. Resolution of urban conflicts: monograph. M.: Infotropik Media, 2017. 372 p. (In rus).

About the author:

Stanislav I. Shulzhenko, Graduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); S.Shulgenko@yandex.ru

На пути к цифровому обществу

Рецензия на книгу Т. Сибела «Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху»

Карнаух В. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; karnauh_vk@mail.ru

**Towards a Digital Society. Review of the book of T. Siebel
«Digital Transformation. Survive and Thrive in an Era of Mass Extinction»**

Vladimir K. Karnauh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; karnauh_vk@mail.ru

Сибел Т. Как выжить и преуспеть в новую эпоху. Пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 256 с.

ISBN 978-5-00146-989-6

Томас Сибел — крупный специалист в области информационных технологий, изобретатель и предприниматель. На формирование его взглядов, как отмечает он сам, исключительно большое влияние оказала концепция постиндустриального общества Д. Белла.

Пытаясь объяснить изменения, происходящие в промышленности, технологиях и социальных отношениях, автор использует теорию прерывистого равновесия. Согласно ей, эволюция происходит скачками в ответ на действия вызывающих ее триггеров. То, что долгое время находилось в стабильном состоянии, внезапно обрывается — и затем обретает новую стабильность. В настоящее время мы находимся, по мнению автора, на пике эволюционного разрыва.

Согласно Т. Сибелу, движущей силой перемен в мире бизнеса, знаменующей эволюционный разрыв, выступает цифровая трансформация. В ее

основе, по утверждению автора, лежат четыре прорывные технологии: облачные вычисления, большие данные (big data), интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (ИИ).

Оценивая роль цифровых технологий, Сибел справедливо утверждает, что они открыли новые возможности перед человеком, помогли работать более эффективно и рационально. В то же время цифровая трансформация у многих вызывает опасения, так как она предлагает забыть о проверенных методах работы и обратиться к тем методам, которые кажутся рискованными и ненадежными. Как видим, отношение к цифровым технологиям носит двойственный, амбивалентный характер.

Основополагающей технологией для цифровой трансформации, по мнению Т. Сибела, выступают облачные вычисления. Сибел рассматривает, как появились облачные вычисления, их преимущества, риски и бизнес-ценность. Он отмечает основные свойства облака, позволяющие осуществить цифровую трансформацию.

В зависимости от права собственности Сибел выделяет три модели развертывания облака: публичное, частное и гибридное. Он устанавливает главные причины, побуждающие организации переводить свои частные или гибридные облака в публичное облако.

В качестве второй технологии, поддерживающей цифровую трансформацию, Сибел рассматривает большие данные. Возможность обрабатывать и хранить большие объемы данных была обусловлена увеличением вычислительной мощности компьютеров и пространства для хранения информации.

Искусственный интеллект — это третья выделяемая автором технология цифровой трансформации. Чтобы понять, почему сегодня искусственному интеллекту уделяется все больше внимания, автор исследует историю его развития. Сибел справедливо отмечает, что в основе алгоритмов искусственного интеллекта лежит идея создания программы, которая учится на основе данных.

Согласно Сибелу, оживление темы искусственного интеллекта в 2000-х гг. обусловлено тремя главными факторами. Первый из них связан со стремительным увеличением вычислительной мощности. Второй фактор — это развитие интернета, что привело к росту объема данных, доступных для анализа. Третий фактор связан с тем, что в 1990-х гг. исследователи продвинулись в области математической теории искусственного интеллекта. Главным достижением стало появление подобласти искусственного интеллекта — машинного обучения.

Машинное обучение — это раздел, в основе которого лежит идея о том, что компьютеры могут самообучаться при помощи данных без специального программирования. Машинное обучение стало движущей силой искусственного интеллекта. Оно приносит выгоду, решая реальные проблемы.

В середине 2000-х гг. начала стремительно развиваться другая технология искусственного интеллекта — нейронные сети, или глубокое обучение. Они меняют область искусственного интеллекта и находят применение во многих отраслях. Т. Сибел анализирует многочисленные примеры применения искусственного интеллекта.

Несомненным достоинством работы Сибела является то, что он не ограничивается исследованием технологических изменений. Наряду с ними он также рассматривает экономические и социальные последствия внедрения искусственного интеллекта. Применение ИИ обусловило экономический рост, повышение производительности труда в развитых странах. В то же время компании, которые не изменили принципов своей работы, рискуют быть вытеснены с рынка. Многие профессии исчезнут. Переобучение сотрудников станет огромной социальной проблемой. Тем не менее, по мнению Сибела, искусственный интеллект создаст больше профессий, чем разрушит.

Четвертая движущая сила цифровой трансформации, согласно Сибелу, — это интернет вещей, предполагающий подключение к интернету любых устройств,

способных принимать, обрабатывать и передавать данные. Значение интернета вещей в том, что вычисления становятся общедоступными и взаимосвязанными, микропроцессоры стабильно дешевеют и становятся энергоэффективнее, а сети работают все быстрее. Сегодня во многие объекты встроены недорогие суперкомпьютеры с искусственным интеллектом.

Как утверждает Сибел, интернет вещей существенно изменит три главных аспекта бизнеса: как принимаются решения, как исполняются бизнес-процессы и как дифференцируется продукция.

Во-первых, процесс принятия решений на основе данных обретет абсолютно новый смысл. Алгоритмы станут неотъемлемой частью большинства, если не всех процессов принятия решений

Во-вторых, интернет вещей изменит бизнес-процессы. Это приведет к более точному и менее затратному принятию решений. Вместо того, чтобы опираться на свою интуицию и опыт и делать то, что кажется правильным, сотрудники будут руководствоваться рекомендациями алгоритма, который четко объяснит, почему предлагает конкретный ход действий.

В-третьих, интернет вещей изменит способ дифференциации продуктов. Кастомизация продуктов выйдет на новый уровень.

Достоинством книги Т. Сибела является анализ того, как эти технологии используются сегодня в реальных проектах и в повседневной жизни человека.

Одним из первых начал широко применять интернет вещей энергетический сектор. Используя миллионы умных счетчиков, энергетические компании создали то, что сегодня называют умной электросетью. Новые технологии также помогают оптимизировать запасы товаров, сократить сроки их доставки. Наконец, интернет вещей обладает огромным потенциалом в сфере здравоохранения. Эта технология дает врачам возможность удаленно отслеживать состояние пациентов, что позволяет укрепить их здоровье и сократить затраты на медицинское обслуживание.

Сибел рассматривает не только позитивные, но и негативные последствия распространения интернета вещей. Одним из таких последствий стало значительное сокращение рабочей силы. Почти половина рабочих мест в США находится в зоне риска из-за автоматизации. Большая доля этой автоматизации связана с интернетом вещей. Тем не менее сокращение рабочих мест не означает, что люди больше не будут работать. После исчезновения традиционных профессий появятся новые. Согласно Сибелу, продвинутые технологии создадут больше профессий, чем устроят. Работодатели, органы государственной власти и университеты должны обучить и переобучить новым профессиям миллионы людей.

По утверждению Сибела, цифровая трансформация не только затронет каждую отрасль. Она также определит будущий геополитический баланс сил, от нее будет зависеть безопасность наций и их граждан. Войну тоже ожидает цифровая трансформация.

Правительства различных стран считают искусственный интеллект стратегической технологией. Неудивительно, что сегодня США и Китай борются за лидерство в сфере искусственного интеллекта, причем Китай поставил цель стать мировым лидером в этой сфере к 2030 г.

Как отмечает Сибел, благодаря процессу принятия решений на основе искусственного интеллекта оказался возможен новый вид гипервойны, отличающейся небывалой скоростью и согласованными действиями.

Для искусственного интеллекта характерно оперирование огромными объемами данных, неподвластными человеческому разуму, и принятие решений в режиме реального времени практически для любых задач. Посредством искусственного интеллекта осуществляется управление лазерным космическим оружием, гиперзвуковыми ракетами, беспилотными наземными, морскими и воздушными боевыми ап-

паратами, а также продвинутым кибероружием, которое направлено против сетей коммуникации, информационных систем, энергосистемы и других компонентов критически важной инфраструктуры противника. Таким образом, искусственный интеллект становится важной передовой технологией войны в XXI в.

По мнению Сибела, благоприятная перспектива возможна только для тех корпораций, которые совершили цифровую трансформацию. Автор проанализировал успешные проекты цифровой трансформации в таких крупных организациях, как ENGIE, Enel, Caterpillar, John Deere, 3M и BSC США. По его утверждению, французская энергетическая компания ENGIE успешно осуществила ее сверху, создав для этого центр проектов цифровой трансформации.

Итальянская энергетическая компания Enel стала первой компанией, создавшей умную электросеть и заменившую традиционные электромеханические счетчики на умные цифровые счетчики для всех потребителей страны.

В компании Caterpillar, которая является мировым лидером в производстве техники для строительства и добывающей промышленности, уже летом этого года каждая машина, сошедшая с конвейера компании, будет иметь выход в интернет и сможет предоставлять обратную связь по производительности работы.

Промышленная компания John Deere разработала стратегию цифровой трансформации цепочки поставок. Она отказалась от хранения избыточных запасов и на основе искусственного интеллекта минимизировала уровни резерва материалов.

Компания 3M, представляющая собой международный конгломерат, усовершенствовала процесс планирования доставки. Разработанный механизм доставки на основе искусственного интеллекта гарантирует, что заказы придут в назначенный срок.

Наконец, внедрение диагностического обслуживания в военно-воздушных силах США, тративших до этого треть своего бюджета на обслуживание техники, повысило боеготовность воздушных судов на 40%.

Сибел справедливо отмечает, что цифровая трансформация полностью изменила цикл внедрения технологий. В прошлые десятилетия новые технологии часто рождались в исследовательских лабораториях. Сегодня руководитель корпорации лично запускает цифровую трансформацию. Как видим, это принципиально новая парадигма внедрения инновационных технологий.

Заслугой автора является разработанный им план действий руководителя корпорации, обобщающий мировой опыт в области цифровой трансформации. Согласно Сибелу, этот план включает десять принципов или ключевых факторов успеха, затрагивающих основные сферы руководства, стратегию, реализацию, технологии и управление переменами.

Прежде всего, он предусматривает превращение команды руководителей высшего звена в движущую силу цифровой трансформации. Сегодня руководители компаний должны определять приоритеты, знать на каких новых технологиях следует сосредоточить свое внимание.

Цифровая трансформация требует определенного типа личности. Как справедливо отмечает Сибел, лидерам необходимо брать на себя риски, высказывать свое мнение и быть готовыми к проведению экспериментов.

Для поддержки инноваций, которые требуется внедрить, необходим, по мнению Сибела, директор по цифровым технологиям, наделенный полномочиями и бюджетом. Лучшим вариантом для проведения преобразований станет создание центра цифровой трансформации, или центра компетенций.

Согласно Сибелу, чтобы быстрее достичь намеченных результатов, следует работать над проектами короткими итерационными циклами, осуществлять поэтапный подход.

Цифровая трансформация предполагает стратегическое видение перспектив корпорации. Поскольку трансформация происходит в условиях конкуренции, тре-

буется сравнивать цифровые возможности своей компании с возможностями конкурентов, осуществлять бенчмаркинг.

Для осуществления цифровой трансформации необходимо разработать план ее проведения. При таком подходе предполагается разработка портфеля возможностей, определение главных направлений, которые получают наибольшую выгоду от трансформации. Лучшие планы цифровой трансформации включают конкретные шаги по созданию высокотехнологичных приложений с искусственным интеллектом. Действенной программой для компании станет дорожная карта.

Осуществление цифровой трансформации предполагает тщательно выбирать партнеров. Партнеры могут оказаться наиболее полезными в таких областях трансформации на основе искусственного интеллекта, как стратегия, технологии, услуги и управление переменами.

Осуществление цифровой трансформации требует сосредоточить внимание на экономической выгоде.

Цифровая трансформация предполагает формирование новой культуры преобразований и инноваций. Ключевые ценности этой культуры поощряют коллаборацию, усердную работу и постоянное обучение. Как отмечает Сибел, гости, побывавшие в офисе компании в Кремниевой долине, обычно спрашивают о четырех ценностях: инновациях, любознательности, целостности и коллективном интеллекте.

Как справедливо отмечает Сибел, способность к успешным инновациям имеется у компаний, обладающих определенными чертами: высокой готовностью к риску, гибким управлением проектами, квалифицированным персоналом, наделенным достаточными полномочиями, культурой сотрудничества, отсутствием барьеров и эффективной структурой принятия решений.

Наконец, цифровая трансформация требует постоянного переобучения как лидеров, так и рядовых сотрудников. Чтобы они не отставали от быстро меняющихся технологий, нужно разработать программу стимулирования постоянного обновления и улучшения навыков работы. При этом за успешное завершение образовательных курсов, направленных на расширение знаний и навыков, необходимых для цифровой трансформации, следует поощрять премиями.

Подводя итог, следует отметить, что рассматриваемая работа Т. Сибела является важным вкладом в изучение происходящей цифровой трансформации. Достоинством книги Сибела является то, что автор не только описывает особенности нынешней стадии цифровой трансформации, но и объясняет, как организациям приступить к ней и осуществить ее. Книга Сибела представляет интерес не только для преподавателей, аспирантов и студентов, но и для всех, кто непосредственно осуществляет цифровую трансформацию.

Об авторе:

Карнаух Владимир Кузьмич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; karnauh_vk@mail.ru

About the author:

Vladimir K. Karnauh, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of NorthWest Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; karnauh_vk@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указываются город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д., а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. № 9(153)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.09.2021.
Подписано к печати 28.10.2021.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,42. Тираж 200 экз.
Заказ № 9/21.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97